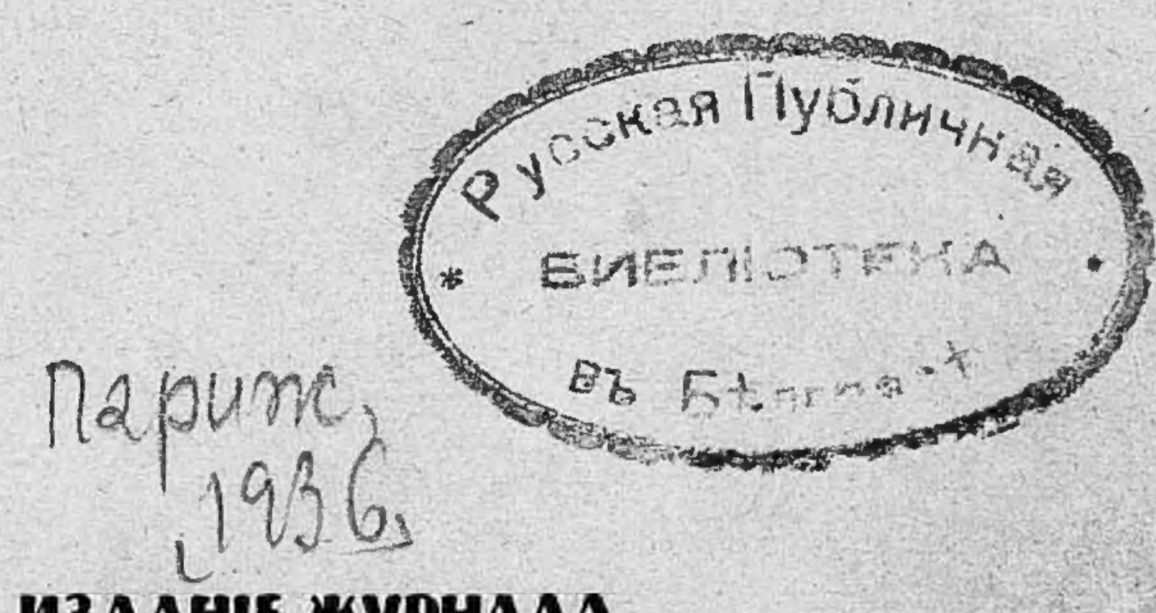

Русская Публичная
БИБЛIОТЕКА
въ

В. А. МАКЛАКОВЪ

Власть и общественность на закатѣ старой Россіи

(Воспоминанія современника)

I.

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

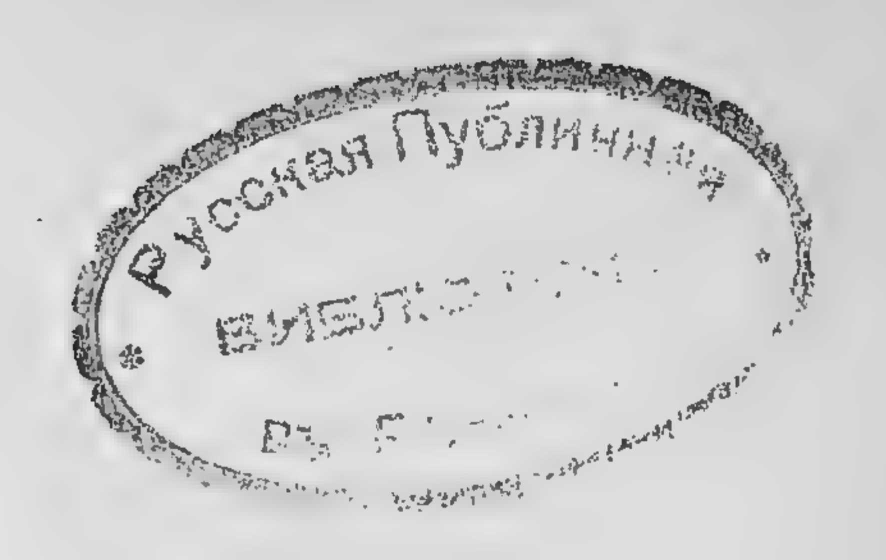

В. А. МАКЛАКОВЪ

Власть и общественность на закатѣ Старой Россіи

(Воспоминанія)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ"

Отдѣлъ первый.

Реакція.

Глава I.

ЮНОСТЬ МОЕГО ПОКОЛѢНІЯ.

Дѣтствомъ и юностью мое поколѣніе принадлежало къ эпохѣ Александра III. Ее принято считать эпохой застоя. Сами мы этого могли не замѣтить; дѣтямъ все кажется нормальнымъ. Для оцѣнки необходимо сравненіе, а у *насъ* его не было. Но мы ему учились у старшихъ. Они при насъ говорили, въ какое неинтересное время *намъ* приходится жить. Такъ всегда бываетъ съ поколѣніемъ, которое приходитъ на смѣну послѣ яркихъ, бурныхъ эпохъ. Такой эпохой были *шестидесятые* годы. Все еще было полно воспоминаніями объ нихъ. Ни у кого не могло быть безразличнаго къ нимъ отношенія. Одни говорили о нихъ съ восхищеніемъ, возмущаясь всякою критикой; другіе съ насмѣшкой и злобой. Такое же отношеніе сейчасъ къ 17-му году. Такое же долго было къ Французской Революціи. Удѣлъ яркихъ людей и яркихъ эпохъ, что къ нимъ трудно быть справедливымъ.

Молодежь моего времени росла среди такихъ настроеній и ихъ отражала какъ въ увеличительномъ зеркалѣ. Среди нея тоже одни смѣялись надъ увлеченіемъ шестидесятыхъ годовъ, другіе по нимъ тосковали. И потому, что сами ихъ не видали, ихъ идеализировали; шестидесятые го-

ды стали для нашего поколѣнія «легендой», какой весь XIX вѣкъ пробыла Французская Революція. Идеи шестидесятыхъ годовъ, свобода, законность и самоуправленіе — не были еще ничѣмъ омрачены. Правительственный нажимъ однихъ ломитъ, а въ другихъ воспитываетъ заклятыхъ враговъ себѣ. Такъ было въ 30 и въ 40-выхъ годахъ при Николаѣ I. Тѣ, кто тогда не были сломлены, въ Самодержавіи видѣли одно только зло, а въ революціонныхъ переворотахъ — свѣтлое и завидное время. То-же продолжалось и съ нами; но въ наше политическое настроеніе вошло два новыхъ фактора. Мы знали, что недавняя эра либеральныхъ реформъ была открыта *Самодержавіемъ;* поэтому такого безпощаднаго отрицанія, какъ въ 40-хъ годахъ, у насъ къ нему быть не могло. А во-вторыхъ реакція 70-хъ и 80-хъ годовъ намъ показала силу Самодержавія. «Революція» и «конституція» оказались мечтой, не реальностью. Никакого выхода изъ нашего упадочнаго времени мы не видѣли.

Старшіе, даже самые либеральные въ этомъ *скептицизмѣ* насъ укрѣпляли. Полные воспоминаній о прошломъ, въ *будущемъ* они ничего не видѣли, какъ теперь его плохо видятъ побѣжденные дѣятели 17 года. Они насъ только дразнили своими восхваленіями прошлаго. Они дѣлали этимъ полезное дѣло, но выхода *для насъ* не давали, и удивились бы, если бы мы о немъ *ихъ* спросили. Помню одного изъ типичныхъ представителей этого настроенія Г. А. Джаншіева. Онъ свою популярность — а кто его не зналъ? — пріобрѣлъ своимъ поклоненіемъ «эпохѣ великихъ реформъ». Этотъ болѣзненный, горбатый армянинъ, съ умными и грустными глазами трубилъ этимъ годамъ славу повсюду и какъ средневѣковый паладинъ бросался на всѣхъ, кто недостаточно благоговѣлъ передъ ними. Его за это любили — и вѣрный признакъ — сочиненія его нарасхватъ раскупали.

Въ этомъ была его заслуга, но большаго онъ сдѣлать не могъ. Никто достойнаго выхода, который могъ бы увлечь — тогда не видалъ. Исчезло все — и либеральное Самодержа-

віе Александра II, и либеральные государственные люди, и «подпольная» Революція, и признаки того общаго недовольства, изъ которыхъ родятся *народныя* революціи; все было задушено или замерло на нашихъ глазахъ. Однажды я уже студентомъ говорилъ объ этомъ съ Г. Джаншіевымъ. Онъ твердилъ о «достоинствѣ побѣжденныхъ» и процитировалъ стихотвореніе неизвѣстнаго мнѣ автора, изъ котораго въ моей памяти сохранились четыре стиха:

Но если въ бѣдѣ, въ униженьи тупомъ
Мы силу души сохранили,
Но если мы, павши, проклятье Вамъ шлемъ,
Ужель *вы* тогда побѣдили?

Вотъ все, что оставалось на долю побѣжденнаго Джаншіева. Не въ такихъ-ли безплодныхъ проклятіяхъ заключается и современный намъ «активизмъ»?

Джаншіевъ былъ не одинъ, который такъ смотрѣлъ на время, когда намъ приходилось начинать сознательно жить и работать. Помню его юбилей: онъ исключилъ изъ него личный характеръ; не хотѣлъ его превратить въ свое восхваленіе. На банкетѣ онъ самъ произнесъ первое слово въ память эпохи, прославленію которой посвятилъ свою жизнь. Это дало тонъ дальнѣйшимъ рѣчамъ. Въ качествѣ молодого адвоката я говорилъ о Джаншіевѣ, какъ «поэтѣ и пѣвцѣ» 60-годовъ, который далъ возможность и нашему поколѣнію переживать то, чего мы сами *не видѣли*. К. А. Тимирязевъ эти слова подхватилъ и свидѣтельствовалъ объ исключительномъ счастьи *своего* поколѣнія, «личная весна котораго совпала съ весной русской государственной жизни». Онъ жалѣлъ насъ, которые «обновленія Россіи» не видѣли и не увидятъ. Судьба сдѣлала, что много позднѣе К. А. Тимирязевъ призналъ *большевизмъ* такимъ обновленіемъ. Была ли это только «иронія» его личной судьбы, или въ этомъ есть скрытая правда, можно будетъ сказать очень не скоро. Но *тогда* взглядъ его на будущее былъ безнадеженъ.

Тѣ, кто тогда насъ жалѣлъ, не подозрѣвали, *что* придется намъ перевидать и пережить. «Непобѣдимое» Самодержавіе на нашихъ глазахъ стало шататься, уступать и наконецъ рухнуло. Мы пережили короткую полосу «конституціи» и дождались наконецъ *подлинной* Революціи. Въ сказкахъ иногда феи даютъ все, о чемъ дѣти мечтаютъ, чтобы суровой дѣйствительностью ихъ отучить отъ мечтаній. Жизнь оказалась для насъ такой феей.

Но и на этомъ она не остановилась. Мы дожили теперь до эпохи, когда даже тѣ начала европейской цивилизаціи, о которыхъ мы для Россіи мечтали, въ Европѣ потеряли свое обаяніе. По мѣрѣ того какъ они — свобода личности, демократія, народоправство и т. д. — становились безспорными основами жизни, они стали обнаруживать оборотныя стороны. Война это обострила до состоянія «кризиса». Кто его теперь отрицаетъ? Можно предсказывать ему разный исходъ и разную продолжительность, но отрицать самый кризисъ уже не приходится. Необходимый соціальный переломъ не умѣютъ представить въ путяхъ демократической *эволюціи.* Отъ народнаго представительства моральная сила отходитъ. Появились «диктаторы» и «вожди». Эту новую для Европы тенденцію раздѣляютъ и тѣ, кто защищаетъ *старый* соціальный порядокъ, и тѣ, кто его хотятъ *разрушить.* Политическія диктатуры прекрасно совмѣщаются съ соціальнымъ новаторствомъ. Маятникъ исторіи пошелъ въ обратную сторону. Въ силу демократіи больше не вѣрятъ; кризисъ оказался ей не поплечу. Въ этой атмосферѣ мы естественно дожили и до реабилитаціи *большевизма.*

Когда онъ появился въ Россіи на смѣну мертворожденнаго порядка, созданнаго Февральской Революціей, ему приписали педагогическую роль «пьяныхъ илотовъ». Это такъ могло быть безъ *европейскаго* кризиса. Когда же Европа его ощутила, въ русскомъ большевизмѣ она увидала вѣстника «новаго слова». Его дикія проявленія приписали русской отсталости; но его существо, презрѣніе къ чело-

вѣку, индивидуальнымъ правамъ, культъ всемогущества власти, подошли къ теперешней идеологіи «перманентной» гражданской войны.

Это естественнѣе, чѣмъ могло сначала казаться. Коммунизмъ предназначался не для Россіи. Онъ былъ зачатъ въ средѣ свободныхъ политическихъ странъ, съ законченнымъ капитализмомъ. Онъ былъ попыткою разрѣшить *для нихъ* соціальный вопросъ. Намъ можно не знать, дѣйствительно ли капиталистическій строй сталъ въ нихъ помѣхой дальнѣйшей эволюціи общества, наступилъ ли капитализму конецъ, или настоящій кризисъ есть преходящее затрудненіе, изъ котораго выведетъ время? Для Россіи этого вопроса не существовало; коммунистическаго лѣченія *ей* не было нужно. Россія была еще отсталой страной, въ которой для коммунизма не было никакихъ предпосылокъ. Напротивъ. Идеи, которыя оказались уже безсильны въ Европѣ, были еще совершенно необходимы для подъема первобытной Россіи. Освобожденіе или какъ картинно выражались у насъ «раскрѣпощеніе» человѣка и общества, защита *личности* и ея правъ *противъ власти*, обезпеченіе за каждымъ его пріобрѣтенныхъ правъ, было тѣмъ, чего до тѣхъ поръ не хватало Россіи. Всякій разъ, когда эти начала въ ней частично осуществлялись, начиналось ея быстрое оживленіе и подъемъ. Такъ было въ 60 годахъ, потомъ въ эпоху эфемерной конституціи 906 г., такъ было бы и послѣ Февральской Революціи 1917 г., если бы полное самоуправленіе не оказалось непосильнымъ для невоспитаннаго политически общества. Нельзя было, какъ тогда вообразили, вести прежнюю войну и переустраивать Россію на новыхъ началахъ, заставлять войско воевать и подрывать понятіе о дисциплинѣ. Реализмъ большевиковъ сказался въ томъ, что послѣ шестимѣсячнаго разложенія власти, они вновь ее создали, на старыхъ самодержавныхъ началахъ, даже съ суррогатомъ привычной «Монархіи», использовавъ для этого всю нашу отсталость и привычки стараго рабства. Но возсоздавъ реальную власть,

большевизмъ вмѣсто того, чтобы завершить раскрѣпощеніе общества, принялся калѣчить Россію во имя борьбы съ капиталомъ, съ буржуями и личной свободой. Благодаря этому онъ явился для Запада интереснымъ предвозвѣстникомъ «управляемой экономіи». Но для Россіи эта программа была шагомъ назадъ и насильственнымъ разореніемъ. «Управляемая экономія» въ Россіи не удалась не потому, что для нея не было «кадровъ», что администрація была невѣжественна, недобросовѣстна и продажна; а потому, что *никакой надобности* въ ней пока не было. Россіи было нужно проходить стадію естественной капиталистической эволюціи. Для нея прогрессъ былъ еще въ *этомъ*. Примѣры болѣе опытныхъ странъ могли намъ помочь избѣжать ея крайностей; но не могли насъ избавить отъ *этой стадіи*, отъ необходимости пройти ея долгую школу. Самодѣятельность была Россіи нужна, какъ молодому организму движеніе. Недаромъ всякое отступленіе отъ коммунизма тотчасъ давало въ большевистской Россіи благопріятные результаты. Ничтожная доля экономической свободы въ эпоху эфемернаго Нэпа дала недолгую иллюзію выздоровленія. Всякая страна страдаетъ отъ нововведеній, если они пришли слишкомъ рано. Это бывало въ старину съ отсталой Россіей; это же готовили ей либеральные реформаторы 1905 года, когда собирались наградить ее Учредительнымъ Собраніемъ, парламентаризмомъ и четырехвосткой. Но ни одно преждевременное «новое слово» не причинило ей столько вреда, какъ большевизмъ. Онъ сбилъ Россію съ настоящей дороги, и надолго разрушилъ въ ней то, что въ ней естественнымъ путемъ росло цѣннаго и здороваго.

Потому признаніе большевизма Европой для насъ не поучительно. Оно даетъ лишь цѣну ея собственной прозорливости. Европейскій кризисъ въ *нашихъ* глазахъ не реабилитируетъ большевизма. Но зато заставляетъ насъ пересмотрѣть теперь наше старое отношеніе къ *русскому* Самодержавію.

Для моего поколѣнія проблема «Самодержавія» оказа-

лась въ центрѣ политической мысли. Мы начинали сознательно жить, когда Самодержавіе себя утвердило и какъ будто навсегда укрѣпилось. И при насъ же, въ зрѣлые годы, борьба съ нимъ стала *все покрывающимъ лозунгомъ*, отодвинула на заднiй планъ все остальное. Оно было обречено всѣми и безповоротно. Но теперешняя идеологія фашизма и диктатуръ реабилитируетъ Самодержавіе. Вѣдь и оно защищало полноту своей власти не для себя, а для того, чтобы ею служить интересамъ народа, всѣхъ состояній, классовъ и расъ, не завися отъ обладателей привилегій.

Дѣйствительность обыкновенно далека отъ идеала. Но 60-тые годы потому и оставили такой слѣдъ въ душѣ и въ исторіи, что Самодержавіе тогда показало себя на высотѣ такого призванія. Правда, задача, которая тогда стояла предъ нимъ, была легче тѣхъ, которыя послѣ войны возникли передъ старой цивилизаціей. Въ 60-ые годы Россіи было достаточно идти по проторенным путямъ, по которымъ раньше побѣдоносно пошли европейскія демократіи. Но вѣдь и для того, чтобы въ 60-хъ годахъ поставить Россію на *эту* дорогу, *нужно* было *Самодержавіе*. Тогдашній правящій классъ этихъ реформъ не хотѣлъ. Самодержавная власть провела ихъ противъ него и въ Государственномъ Совѣтѣ утверждала мнѣніе его *меньшинства*. Самодержавіе было нужно, чтобы мирнымъ путемъ эгоистичное сопротивленіе дворянства сломить. А если правда при этомъ, что самъ Александръ II по своимъ взглядамъ этихъ реформъ не хотѣлъ и былъ вынужденъ къ нимъ потому, что боялся движенія снизу, то это есть идейное оправданіе *Самодержавія*. Его было бы нельзя защищать, если бы политика его зависѣла только отъ личныхъ симпатій самого Самодержца. Идеологи Самодержавія всегда утверждали, что его программа опредѣлялась не личнымъ капризомъ Монарха, а объективной необходимостью, что Самодержавіе не можетъ быть глухо къ народнымъ желаніямъ изъ одного чувства самосохраненія, которое неотъемлемо отъ Самодержца. Если Але-

ксандръ II дѣйствительно сумѣлъ сломить не только крѣпостническій классъ, но и свои личныя предубѣжденія, то въ глазахъ объективныхъ людей, онъ этимъ не подорвалъ, а *укрѣпилъ* принципъ Самодержавія. И шестидесятые годы, которые превозносилъ либерализмъ, были торжествомъ не только *его* представителей; они были и торжествомъ *Самодержавія*.

Въ этомъ быть можетъ и было больше всего обаяніе 60-хъ годовъ. Народолюбцы, отдавшіе тогда себя на служеніе родному народу, могли не истощать своихъ силъ въ борьбѣ *противъ* власти. «Что можно противопоставить», писалъ Герценъ, когда вмѣстѣ «власть и свобода», образованное меньшинство и народъ, *царская воля и общественное мнѣніе?*» Это — идеологія Самодержавія. Современныя фашистскія диктатуры стоятъ на той же позиціи и ихъ сила въ поддержкѣ ихъ народными массами. Но и эти диктатуры потеряютъ свой raison d'être, когда они своей непосредственной цѣли достигнутъ. Ни диктатура, ни Самодержавіе не есть *нормальный* порядокъ и въ эпохи *мирнаго*, т. е. здороваго развитія они вырождаются.

*

* *

Нашему поколѣнію пришлось воочію увидѣть, — какъ миновала героическая пора Самодержавія; послѣ «Великихъ Реформъ» началась борьба Самодержавія съ обществомъ, и побѣда Самодержавія сдѣлалась началомъ его собственной гибели.

Творческій подъемъ Самодержавія 60-хъ годовъ и первое недовольство имъ въ 70-хъ стоятъ за предѣлами моихъ личныхъ воспоминаній. Я смутно припоминаю послѣдніе годы Александра II; турецкую войну, турецкихъ плѣнныхъ на улицахъ, обѣдъ въ манежѣ въ честь вернувшихся солдатъ въ присутствіи Государя, котораго я увидалъ тогда въ первый и послѣдній разъ въ своей жизни; благодарственные

молебны послѣ покушеній, которыя сдѣлались «бытовымъ явленіемъ» этого времени и оцѣпенѣніе 1-го марта. Больше всего мнѣ запомнилось чтеніе въ церкви манифеста 29 апрѣля 81 года о Самодержавіи. Послѣ службы пришли сослуживцы отца и горячо между собой толковали. Г. И. Керцелли, управляющій хозяйственной частью больницы, сказалъ своимъ внушительнымъ тономъ: «когда священникъ началъ читать Манифестъ, я испугался; вдругъ это конституція»? Другіе съ нимъ стали спорить. Непонятная фраза Керцелли мнѣ очень понравилась. На другой день въ гимназіи я ее отъ себя повторялъ, пока не былъ поставленъ надзирателемъ къ стѣнѣ, «за глупые разговоры». Потому этотъ эпизодъ мнѣ запомнился.

Такъ мое поколѣніе входило въ жизнь при самомъ началѣ «реакціи» 80-хъ годовъ. Мы ею дышали съ самаго дѣтства. Насъ *она* воспитала.

Послѣдствія всякой политики сказываются обыкновенно не скоро и потому сужденія потомства такъ отличаются отъ мнѣнія современниковъ. Царствованіе Александра III оказалось роковымъ для Россіи; *оно* направило Россію на путь, который подготовилъ позднѣйшую катастрофу. Мы это ясно видимъ *теперь; тогда* же по внѣшности это царствованіе казалось благополучнымъ. Выросъ престижъ Россіи, и Самодержавія, и самого Самодержца. Его личныя свойства мирили съ нимъ даже тѣхъ, кто его политику осуждалъ. Онъ казался не блестящимъ, не эффектнымъ, но скромнымъ, простымъ и преданнымъ *слугой* своей родины. Это впечатлѣніе свои плоды принесло. Въ послѣдніе годы его короткаго царствованія всѣ были увѣрены, что онъ самодержавный режимъ укрѣпилъ и надолго.

Его царствованіе считалось эпохой «реакціи» и общества и правительства. Мы сами объ этомъ судить не могли, но старшіе въ томъ были единодушны. Одни съ негодованіемъ, другіе съ похвалой говорили, одни объ упадкѣ, другіе объ отрезвленіи общества. И то и другое было, конечно, но

это еще не «реакція». Кто пережилъ 1905 и 1917 г., поймутъ лучше шестидесятые. Переворотъ въ учрежденіяхъ и понятіяхъ, который произошелъ въ эпоху «Великихъ Реформъ» не могъ пройти безъ излишествъ. И тогда явилась вѣра въ наступленіе новыхъ «чудесъ», пропало сознаніе «невозможности». Такой подъемъ увлекателенъ. Онъ составлялъ ту «весну», о которой съ увлеченіемъ вспоминалъ Тимирязевъ. Но онъ долженъ былъ миновать, какъ проходитъ всякая весна, всякая страсть. Объ нихъ радостно вспоминать, но жить ими долго нельзя. У общественной жизни есть свои темпы, и за слишкомъ быстрый скачокъ платятъ потомъ годами застоя.

Мы испытали такое же «успокоеніе» и «отрезвленіе» въ 1907—1914 годахъ, послѣ безумствъ 1905 и 1906 гг. Поскольку «реакція» старается вернуться назадъ, отрезвленіе 907—914 годовъ «реакціей» не было. Оно укрѣпило существованіе народнаго представительства, послужило успѣху реформы 1905 года. Людей, которые мечтали о возвращеніи къ старому, о реставраціи Самодержавія, за эти годы становилось все меньше. Потому настоящей *реакціей* это не было.

Была ли общественная реакція въ 80-хъ годахъ? Что отдѣльные люди, могли мечтать о возстановленіи до-реформенной жизни — возможно. Но такіе люди вымирали и не ими характеризовалось настроеніе общества. А общество назадъ не стремилось; всѣ понимали, что такой возвратъ никому *не подъ силу*. Курсъ, на который въ 60-хъ годахъ была поставлена Россія, казался для всѣхъ окончательнымъ. Объ немъ поэтому не было спора. Но за то общество помирилось съ тѣмъ, что дальше оно *не идетъ,* и не скоро увидитъ «увѣнчаніе зданія».

Я былъ слишкомъ молодъ, чтобы самому объ этомъ судить. Но нѣкоторыя наблюденія я и сейчасъ вспоминаю. Въ широкомъ обществѣ Самодержавіе еще хранило свое обаяніе. Не за реформы, которыя оно провело въ 60-хъ годахъ, а за то, что *олицетворяло* въ себѣ *народную мощь* и *величие*

государства. Монархическія чувства въ народѣ были глубоко заложены. Недаромъ личность Николая I въ широкой средѣ обывателей не только не вызывала злобы, но была предметомъ благоговѣнія. Когда я студентомъ прочелъ «Былое и Думы», ненависть Герцена къ Николаю оказалась для меня «откровеніемъ». Я до тѣхъ поръ встрѣчалъ восхищеніе Николаемъ. «Это былъ *настоящій* Государь», говорили про него. Восхищались его ростомъ, силой, осанкой, его «рыцарствомъ», его голосомъ, который во время команды былъ слышенъ по всѣмъ угламъ Театральной Площади. «Онъ и въ рубищѣ бы казался царемъ», фраза, которую много разъ въ дѣтствѣ я слышалъ. Добавляли: «ни у какого злодѣя на него не поднялась бы рука». Въ сравненіи съ нимъ Александръ II, несмотря на всѣ его заслуги передъ Россіей, терялъ личное обаяніе; а о простецкой скромной фигурѣ Александра III говорили скорѣй съ огорченіемъ. Даже тѣ анекдоты о Николаѣ, которые мое поколѣніе возмущали, какъ проявленіе самодурства, передавались среди обывателей съ національной «гордостью». Все это были пережитки старой эпохи. Слѣды рабства проходятъ не скоро. Они воскресли въ Совѣтской Россіи; они лежатъ въ основѣ мистическаго обожествленія — Ленина и постыднаго холопства передъ Сталинымъ.

Но при всей идеализаціи *личности* Николая, о *порядкахъ* его времени вспоминали со страхомъ; никто къ нимъ не хотѣлъ бы вернуться. Отъ царствованія его оставался въ памяти ужасъ. Разсказы про времена Николая I съ дѣтства производили на меня впечатлѣніе того же кошмара, какъ разсказы про татарское иго. Это время покрывалось опредѣленіемъ: «тогда была крѣпость». Несуществовавшее крѣпостное право въ моемъ дѣтскомъ воображеніи превращалось въ реальное представленіе «крѣпости» съ башнями, бойницами, гарнизонами и часовыми. И я не могу представить себѣ, чтобы кто-нибудь въ эти 80-ые годы могъ серьезно желать не только возстановленія крѣпостничества, но возвра-

щенія къ прежнимъ судамъ, къ присутственнымъ мѣстамъ временъ Ревизора и Мертвыхъ Душъ и т. д. Это кануло въ вѣчность.

Нежеланіе возвратиться назадъ особенно чувствуется при воспоминаніяхъ о тогдашнихъ «реакціонерахъ». Въ дѣтствѣ мнѣ приходилось видать «крѣпостниковъ», и хотя я не все понималъ, но много запомнилъ. Приведу два примѣра.

Въ числѣ близкихъ друзей нашей семьи былъ отставной гусаръ Левъ Ивановичъ Мичуринъ, жившій въ Рязанской губерніи, но въ свои пріѣзды въ Москву бывавшій у насъ. Лысый, съ окладистой, сѣдой бородой, съ носомъ крючкомъ и живыми пронзительными глазами, онъ намъ, дѣтямъ, нравился тѣмъ, что ходилъ въ поддевкѣ и говорилъ внушительнымъ голосомъ. Онъ былъ словоохотливъ и много разсказывалъ; изображалъ въ лицахъ свои приключенія, столкновенія то въ качествѣ земскаго гласнаго, то мирового судьи. По его разсказамъ къ нему всѣ относились несправедливо, а онъ всѣхъ побѣждалъ. Особенно отъ него доставалось какому-то Александру Ивановичу, съ которымъ онъ все время сражался. Онъ хвалился, что много испортилъ крови ему и что будто бы тотъ говорилъ: «никого я въ жизни не боялся, а Льва Ивановича боюсь, очень боюсь». Когда я сталъ старше, я узналъ, что этотъ Мичуринъ былъ извѣстный далеко за предѣлы Рязанской губерніи «реакціонеръ», неугомонный скандалистъ Пронскаго уѣзда и Рязанскаго губернскаго земства, а что Александръ Ивановичъ былъ знаменитый либеральный дѣятель А. И. Кошелевъ. Однако вотъ, что я всетаки помню: этотъ реакціонеръ, издѣвавшійся надъ всякимъ проявленіемъ «либерализма», возврата къ старинѣ не хотѣлъ. Онъ самъ служилъ мировымъ судьей, былъ убѣжденнымъ земцемъ и не было его пріѣзда къ намъ, чтобы не начиналось споровъ о земствѣ, всесословной волости, мелкой земской единицѣ и другихъ мнѣ непонятныхъ словахъ. Онъ осуждалъ вовсе не мировой институтъ, тѣмъ болѣе не земскія учрежденія, а только направленіе, которое въ нихъ

проявлялось; съ этимъ направленіемъ онъ боролся въ рамкахъ самихъ учрежденій и на замѣну ихъ стариной никогда бы не согласился. Скажу и другое: онъ былъ страстнымъ сельскимъ хозяиномъ. Я слыхалъ его разговоры про трудность вести теперь хозяйство, про споры съ крестьянами. Онъ много разъ утверждалъ, что все было легче при крѣпостныхъ и что самимъ крѣпостнымъ тогда жилось лучше. По младенчеству я его однажды спросилъ: зачѣмъ же тогда крѣпостныхъ уничтожили? Этотъ крѣпостникъ мнѣ отвѣтилъ: «тебѣ объ этомъ рано разсказывать; только вотъ что запомни: сейчасъ всѣмъ стало гораздо труднѣе, чѣмъ прежде, а слава Богу, что прежняго нѣтъ. И всегда молись за этого Государя; что теперь плохо, въ этомъ виноваты мы сами». Эти слова я запомнилъ болѣе всего потому, что тогда ихъ не понялъ. И такимъ «крѣпостникомъ» былъ онъ не одинъ.

Кажется черезъ Л. И. Мичурина мы познакомились съ другой извѣстной семьей — Кисловскими. У нихъ былъ домъ въ Неаполимовскомъ переулкѣ съ громаднымъ садомъ, которые въ это время еще кое-гдѣ сохранялись въ Москвѣ. У стариковъ Кисловскихъ было нѣсколько дѣтей; они всѣ были старше насъ и близости домами не завязалось. Мичуринъ объ этомъ жалѣлъ и всегда ихъ расхваливалъ. Но послѣ смерти Кисловскаго, когда я былъ гимназистомъ, знакомство съ Кисловскими возобновилось. Къ намъ часто сталъ ѣздить младшій сынъ Левъ Львовичъ въ красивой формѣ гусара. Онъ разъ упросилъ отпустить меня къ нему въ деревню. Въ его имѣніи, Рязанской губерніи, былъ, какъ полагалось, барскій домъ съ громаднымъ дворомъ передъ подъѣздомъ и густымъ садомъ за домомъ; масса службъ на дворѣ. Жила тамъ его мать вмѣстѣ съ двумя дочерьми; онъ самъ велъ хозяйство, которымъ увлекался со страстью. Имѣніе было громадное, во много тысячъ десятинъ и очень доходное. Л. Л. Кисловскій былъ превосходный наѣздникъ и мы цѣлыми днями верхомъ объѣзжали его лѣса, хутора,

провѣряя лѣсниковъ и управляющихъ. Вездѣ былъ образцовый порядокъ. Кисловскій все зналъ, во все входилъ, всѣмъ распоряжался. Но какъ ни малъ былъ я тогда, многое мнѣ очень не нравилось. Встрѣтивъ крестьянина, который передъ нимъ шапки не снялъ, Кисловскій осыпалъ его грубою бранью, а мнѣ старался внушать, что этого требуетъ вѣжливость. Я спрашивалъ, какъ же онъ можетъ заставить передъ собой скидывать шапку, и онъ объяснилъ, что всѣ мужики у него на арендѣ, и что грубіяновъ къ своей землѣ онъ не допуститъ. Этого мало. Много крестьянъ приходило въ контору по дѣлу аренды. Они на дворѣ стояли безъ шапокъ, даже когда Кисловскаго не было. Онъ разъяснилъ, что на барскомъ дворѣ они надѣвать шапокъ *не смѣютъ*. Разъ мы проѣзжали верхомъ мимо развалившагося барскаго дома, стоявшаго на очень красивомъ пригоркѣ. Я спросилъ его: «почему дома не поправляютъ»? У Кисловскаго вырвалась фраза: «да потому, что отпустили скотовъ на свободу». Казалось дальше идти было нельзя. Это былъ настоящій озлобленный пессимистическій крѣпостникъ. Но вотъ другая сторона этого дѣла. Тотъ же Кисловскій увлекался хозяйствомъ, техническими его улучшеніями, достигнутыми въ немъ результатами, которыми гордился и хвастался. Онъ мнѣ внушалъ, что всякій образованный человѣкъ въ Россіи долженъ заниматься хозяйствомъ, что именно *это* настоящее дѣло, что сельское хозяйство непочатый уголъ для улучшеній, и не разъ добавлялъ, что даровой крѣпостной трудъ помѣщиковъ избаловалъ и, что только послѣ освобожденія всякій человѣкъ можетъ показать, *чего* онъ дѣйствительно стоитъ. Это здравое пониманіе, несовмѣстимое съ желаніемъ «реставраціи», уживалось въ немъ съ дворянской спесью, съ презрѣніемъ къ мужику, на котораго онъ смотрѣлъ такъ, какъ новопроизведенный заносчивый офицеръ смотритъ иногда на солдатъ. Не идеализація старыхъ порядковъ, а высокомѣрное отношеніе къ бѣднымъ и слабымъ, самомнѣніе и самовлюбленность опредѣляли его

политическую физіономію. Знакомство съ Кисловскимъ у насъ не продолжалось; онъ бывать у насъ пересталъ; была какая-то ссора. Помню, какъ за него заступался Мичуринъ, говоря со вздохомъ: «у него несчастная слабость показывать себя въ сто разъ хуже, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ». Я изъ виду его потерялъ. Но въ 905 году я въ газетахъ прочелъ, что его имѣніе Пустотино было раньше другихъ до тла сожжено. Читалъ и о томъ, какъ Кисловскій пріѣзжалъ въ Петербургъ съ депутаціей правыхъ, жаловаться Государю на Витте; какъ онъ упалъ передъ Государемъ на колѣни и просилъ его не отдавать на разграбленіе ихъ, вѣрныхъ слугъ Россіи. Многое мнѣ тогда вспомнилось изъ прежняго времени и стало понятно.

На примѣрахъ этихъ двухъ крѣпостниковъ молодого и стараго можно видѣть, что тогда не покушались мечтать о возвращеніи къ дореформенной эпохѣ въ Россіи. Послѣ реформъ 60-хъ годовъ съ крѣпостниками произошло то-же, что и съ большинствомъ сторонниковъ неограниченнаго Самодержавія послѣ 1905 г. Они могли осуждать направленіе Государственной Думы, могли желать повернуть избирательный законъ въ *свою* пользу, использовать новыя учрежденія въ своихъ интересахъ — но вернуться къ эпохѣ настоящаго Самодержавія, уничтожить представительство они не только были не въ силахъ, но уже *не хотѣли.* Въ 80-хъ годахъ было то-же самое. Крѣпостники не только поняли, что ввести снова крѣпость нельзя, но они поняли пользу «новыхъ порядковъ», и только стремились — что было ихъ правомъ — извлечь изъ нихъ *для себя* наибольшую выгоду. Потому настроеніе 80-хъ годовъ настоящей «*реакціей*» не было. Въ немъ было другое, чему умное правительство могло бы только порадоваться. Въ обществѣ наступило отрезвленіе и успокоеніе; оно отъ этого стало гораздо способнѣе къ реальной и полезной работѣ, чѣмъ въ эпоху своего «Sturm und Drang». Потому глубокое преступленіе передъ Россіей совершили тѣ, кто толкнулъ *политику* Александра къ настоящей «*реакціи*».

Словомъ «реакція» можно злоупотреблять и по отношенію къ власти. Нельзя считать реакціей замедленіе, даже остановку въ ходѣ начатыхъ реформъ. Они часто полезны. Нужно время, чтобы реформы были страною усвоены и чтобы къ нимъ приспособились нравы. Детали реформы иногда требуютъ исправленія, даже хода назадъ. Это зигзаги, которые отмѣчаетъ всякая восходящая линія. Жизнь идетъ ритмомъ, смѣной движенія и остановокъ и даже отступленій, чтобы лучше скакнуть. Въ этомъ никакого несчастія нѣтъ, какъ это ни бываетъ досадно.

Нельзя было бы винить совѣтниковъ Александра III и за то, что они убѣдили его *остановиться* и отказаться отъ попытки послѣднихъ годовъ преодолѣть революціонную смуту *уступкой либеральнымъ желаніямъ*. Это средство не всегда удается. Такая политика Лорисъ-Меликова вызывала давно оппозицію. Но на нее пошелъ Государь подписавшій въ день 1 марта такъ называемую «конституцію Лорисъ-Меликова» и ее одобрилъ будущій Императоръ, Наслѣдникъ Александръ Александровичъ.

Событія 1-го марта остановили этотъ шагъ въ самомъ началѣ; враги этой реформы цареубійство использовали. Александръ III, подъ вліяніемъ Побѣдоносцева, отказался отъ созыва представителей земствъ, принялъ отставку Лорисъ-Меликова и Абазы и обнародовалъ написанный Побѣдоносцевымъ манифестъ 29 апрѣля 1881 г., въ которомъ исповѣдывалъ свою вѣру въ «силу и истину Самодержавной власти, которую онъ призванъ утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній.»

Этотъ манифестъ считался началомъ реакціи; такимъ онъ оказался не потому, что онъ *самъ* это значилъ, а по мотивамъ, которые его продиктовали. Отказъ отъ «увѣнчанія зданія» могъ быть не «реакціей», а простой остановкой. Идти дальше путемъ Лорисъ-Меликова было *не обязательно*, какъ и въ 1905 г. можно было быть за упраздненіе Самодержавія, а Учредительнаго Собранія *не* хотѣть. И отношеніе

широкаго общества къ манифесту 29 апрѣля показало, что необходимость «увѣнчанія зданія» еще не стала *для всѣхъ* очевидной. Самодержавіе себя еще не изжило, довѣріе къ нему не пропало. Это пришло значительно позже.

Но одно дѣло идти впередъ, къ «увѣнчанію» того, что въ 60-хъ годахъ было заложено, другое — ломать то, что уже было построено. Задачей Александра III при наступившемъ успокоеніи общества должно было быть охраненіе великихъ реформъ, ихъ главныхъ основъ, на которыхъ стояла новая Россія, и благожелательное исправленіе тѣхъ ихъ погрѣшностей и недочетовъ, которые обнаружила жизнь. Его царствованіе могло быть *консервативнымъ*, а не *реакціоннымъ*.

Не только въ реформахъ могли съ самаго начала быть «несовершенства»; сама жизнь уходила далеко впередъ и требовала поправокъ къ реформамъ. Это особенно ясно на крестьянскомъ вопросѣ. Сельское общество черезъ 20 лѣтъ послѣ освобожденія ни по составу, ни по настроенію не было тѣмъ, чѣмъ было прежде. Оно не было той однородной, приниженной массой, привыкшей терпѣть и подчиняться помѣщику, для которой годилось Положеніе 61 года. Крестьянство разслаивалось; въ его средѣ интересы стали различны. Являлись конфликты между единицей и обществомъ. Признаніе власти старичковъ, безпрекословное подчиненіе міру — уже противорѣчили правосознанію. Государственная власть не покушаясь на начала крестьянскаго освобожденія, не могла быть безучастной къ тому, какъ слагаются отношенія въ области необъятной сельской Россіи.

То-же самое можно сказать о земской реформѣ. Какъ ни безспорны были принципы, положенные въ ея основаніе, какъ ни велики успѣхи, которые ею были достигнуты, опытъ показалъ, съ какими трудностями развивалось земское дѣло; какъ мало было подходящихъ «людей», какъ косно и безучастно относилось къ нему населеніе, какъ оно было безза-

щитно передъ тѣми, кто хотѣлъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Благожелательный контроль и содѣйствіе государства и здѣсь могли быть только полезны.

Это относится и къ судебной реформѣ. Послѣдняя, пожалуй, оказалась самой удачной, особенно потому, что недостатки законовъ въ значительной мѣрѣ исправлялись кассаціоннымъ Сенатомъ, который въ эту эпоху стоялъ на стражѣ духа Уставовъ. Но и Сенату *не все* было доступно.

Передъ Александромъ III лежала благодарная задача: устранять препятствія, которыя мѣшали успѣху великихъ преобразованій предыдущаго царствованія. Однимъ изъ главныхъ препятствій было именно возбужденіе, нетерпѣливость нашего общества. «Весна», о которой говорилъ Тимирязевъ, препятствовала спокойной работѣ. То-же самое мы увидали въ 1906 г., въ нашу эпоху. Но въ 80-хъ годахъ пора «весны» миновала; общество успокоилось. Созданныя Александромъ II учрежденія, предназначенныя для мирнаго времени, могли теперь развиваться и совершенствоваться въ нормальныхъ условіяхъ. Благожелательная помощь этому со стороны государства была какъ разъ тѣмъ, что было тогда нужно Россіи, что подходило и къ характеру Государя и къ настроенію общества.

Но совѣтники Государя увлекли его на *другую* дорогу; вѣроятно и его личныя симпатіи клонились туда. Но не важно, *кто* былъ настоящей причиной новаго курса; важно то, что онъ былъ направленъ не на исправленіе, а на уничтоженіе великихъ реформъ, на борьбу съ принципами, на которыхъ они были построены.

Такое отношеніе новаго Государя къ Великимъ реформамъ получило курьезное внѣшнее оказательство. Въ 80-хъ годахъ наступила серія двадцатипятилѣтнихъ юбилеевъ великихъ реформъ, начиная съ крестьянской. Я тогда былъ гимназистомъ. Помню возмущеніе старшихъ, когда подъ предлогомъ, что юбилеями «злоупотребляютъ», было запрещено праздновать двадцатипятилѣтія, и было разрѣшено

праздновать лишь пятидесятилѣтія. Это было прозрачнымъ запретомъ говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшенныхъ.

Это могло бы быть только неловкостью исполнителей, которые «перестарались». Но это соотвѣтствовало существу отношенія. Отмѣнить однимъ указомъ всѣ реформы было нельзя; надо было на ихъ мѣсто ставить что-либо другое. Это и дѣлалось постепенно, подрывая основы реформъ, до подчиненія крестьянъ дворянской помѣщичьей опекѣ включительно. Среди такой подкопной работы было бы лицемѣріемъ славословить реформы; точно такъ же разбирать Иверскую и Храмъ Спасителя можно только, если государство ведетъ пропаганду «безбожія».

Во имя чего вышло это оффиціальное гоненіе на шестидесятые годы? Опубликованные въ послѣднее время документы громаднаго интереса и исторической важности показываютъ ту атмосферу, которая *опредѣлила* «реакцію» Александра III.

Она была начата во имя «охраненія Самодержавія». Это кажется страннымъ. Можно еще понять, что въ планѣ Лорисъ-Меликова испуганное воображеніе завидѣло «конституцію». На засѣданіи Совѣта Министровъ 8 марта именно *это* рѣшило судьбу этого начинанія. Это коекакъ допустимо. Вѣдь и сама общественность думала такъ, полусерьезно, полушутливо называя этотъ планъ «конституціей». Но тогда же былъ поставленъ гораздо болѣе общій вопросъ: въ какой мѣрѣ *самыя реформы 60-хъ годовъ съ Самодержавіемъ совмѣстимы?* Этого вопроса въ 60-хъ годахъ не затрагивали, ибо напротивъ того Самодержавіе считалось *нужнымъ* для того, чтобы ихъ провести. Но этотъ вопросъ съ утрированной рѣзкостью и былъ поставленъ 8 марта 81 года Побѣдоносцевымъ. Ему возражалъ Абаза, заявивъ, что если Побѣдоносцевъ правъ, то должны быть уволены всѣ участники Великихъ Реформъ. Такъ были поставлены точки на і. Или эти реформы — или Самодержавіе. Публичныя заявленія въ этомъ же смыслѣ появились позднѣе при Николаѣ II; за-

писка Витте о земствѣ, Муравьева о судебныхъ реформахъ; по келейно дилемма была формулирована уже въ самомъ началѣ царствованія Александра III, и получила отвѣтъ въ Манифестѣ 29 апрѣля. Она и была причиной похода противъ началъ Великихъ Реформъ.

Такъ царствованіе Александра III сдѣлалось подлинной *реакціей*, реставраціей Уваровской формулы — Самодержавіе, Православіе и Народность. Я былъ гимназистомъ, когда Министръ Народнаго Просвѣщенія гр. Деляновъ провозглашалъ ее въ своей рѣчи студентамъ: «Слѣдуйте этому, сказалъ онъ въ заключеніе рѣчи, и мы всѣ будемъ счастливы». И таково было уже тогда новое настроеніе, что *можно* было при студентахъ это сказать безнаказанно.

Широкое общественное мнѣніе, даже передовое въ то время отрицало правильность подобной дилеммы. Оно не хотѣло вѣрить, чтобы реформы созданныя Самодержавіемъ могли быть съ нимъ несовмѣстимы. Оно помнило, что главная изъ нихъ — крестьянская, могла быть проведена только сильною Самодержавною властью. Отрицаніе совмѣстимости созданнаго въ 60-хъ годахъ порядка съ создавшей ихъ властью казалось провокаціонной ловушкой, возбуждавшей негодованіе. Такой стала позиція либеральной печати.

Но если эта печать была искренна, то права была все-таки не она, а ея противники, реакціонеры. Они видѣли вѣрнѣе и глубже. Начала, на которыхъ реформы 60-хъ годовъ были построены, въ концѣ концовъ дѣйствительно неограниченное Самодержавіе подрывали. Свобода личности и труда, неприкосновенность пріобрѣтенныхъ гражданскихъ правъ, судъ, какъ охрана закона, а не усмотрѣніе власти, мѣстное самоуправленіе были принципами, которые противорѣчили «неограниченности» власти Монарха. Многимъ это сразу не было видно. Для того, чтобы эта несовмѣстимость почувствовалась, надо было, чтобы эти принципы укоренились въ общественныхъ нравахъ и чтобы основанныя на нихъ учрежденія получили все развитіе, которое было воз-

можно. Но по существу идеологи реакціи были правы. Нормальный ростъ созданныхъ въ 60-хъ годахъ учрежденій уже велъ къ тому, что неограниченное Самодержавіе оказалось позднѣе ненужнымъ и вреднымъ; оно держалось на подчиненіи крѣпостного крестьянскаго большинства дворянскому меньшинству. Эта соціальная несправедливость была его главной опорой. Самодержавіе было нужно дворянству, чтобы силой государственнаго аппарата защищать эту несправедливость. Оно держалось и мистической вѣрой народа въ Царя, надеждой, что онъ оберегаетъ народъ отъ помѣщиковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Самодержавіе отдѣлило свою судьбу отъ дворянства, освободило крестьянъ, и этимъ нанесло сословности непоправимый ударъ, его дни были сочтены. Какъ современные фашизмы, оно было нужно, чтобы сломить старый порядокъ, силу преобладающихъ классовъ и построить общежитіе на новыхъ началахъ. Но когда это было окончено, въ немъ болѣе не было надобности; жизнь стали устраивать на другихъ основаніяхъ, которыя исключали необходимость «неограниченной власти».

Изъ этого можно было сдѣлать только одинъ логическій выводъ: что на Самодержавіи лежалъ послѣдній долгъ довести до конца начатое дѣло, дать развиться созданнымъ имъ учрежденіямъ, укорениться новымъ идеямъ — и затѣмъ раздѣлить свою власть съ выросшимъ и подготовленнымъ обществомъ, какъ честный опекунъ сдаетъ имущество своему бывшему подопечному. Если бы Александръ III пошелъ этой дорогой — 17 октября появилось бы другого числа и въ другой обстановкѣ; тогда и трехсотлѣтняя династія не погибла бы такъ безславно. Но идеологи реакціи толкнули его на гибельный планъ — постепенно душить реформы 60-хъ годовъ. Этимъ они думали устранить угрозу, которая нависла надъ Самодержавіемъ. Въ этой борьбѣ противъ исторіи Самодержавіе было побѣждено; но Россіи дорого обошлась такая борьба.

Какъ относилось широкое общественное мнѣніе къ по-

литикѣ Александра III? Поскольку она велась подъ флагомъ не *отмѣны*, а только исправленія произведенныхъ реформъ — большинство ее недостаточно понимало. А либеральное меньшинство, которое эту политику вѣрно оцѣнивало, могло дѣлать только одно: защищать реформы отъ искаженія. Мечты о наступленіи, объ увѣнчаніи зданія оно на время покинуло. Либеральное общество стало консервативнымъ, ибо защищало то, что уже было, отстаивало существующія позиціи противъ реакціонныхъ аттакъ; оно понимало, что нужны не эффектныя нападенія, а неблагодарная борьба на позиціяхъ. Ему приходилось защищать реформы отъ вреднаго «исправленія»; приходилось молчать о недостаткахъ реформъ, которыми прежде общество было само недовольно. Такъ создавалась не всегда искренняя идеализація реформъ и самой личности Александра II, которую застало поколѣніе 80-хъ годовъ. Тонъ политической печати этого времени сталъ умѣреннѣе и лойяльнѣе. Люди боевого темперамента и особенно молодежь огорчались. Осторожности не дано увлекать, какъ увлекала смѣлость 60-хъ годовъ. Но за то своей цѣли эта позиція достигала. Она отнимала оружіе у реакціи и ея пылъ успокаивала; помогала тѣмъ сторонникамъ Великихъ Реформъ, которые на-верху, въ Государственномъ Совѣтѣ, въ «сферахъ» около Государя, поскольку могли, защищали реформы Александра II. Это помогало выиграть время и ослабить ударъ. Либеральная пресса за эти трудные годы дѣлала не эффектное и не благодарное, но за то несомнѣнно полезное дѣло.

Было и другое послѣдствіе. Нападки реакціи на учрежденія 60-хъ годовъ идеализировали ихъ въ глазахъ передовой части русскаго общества. Работа въ нихъ становилась идейною миссіей. Она стала труднѣе. И прежде данныя реформами права казались часто урѣзанными и стѣсненными; на это прежде громко указывали, старались права свои расширять, не боясь столкновеній; общественные дѣятели рисковали только *собой*. Теперь, когда увидѣли, на-

сколько это опасно для самихъ учрежденій, поняли, что надо не критиковать, не осуждать, а беречь то, что имѣли. Началась въ обществѣ эра благоразумія, осторожности, компромиссовъ и уступчивости. Это вызывало со стороны нетерпѣливыхъ и щепетильныхъ людей нареканія и осужденія. Но эти скромные дѣятели спасали то, что было можно спасти.

Споръ за сохраненіе реформъ былъ единственной политической темой нашей печати. О движеніи впередъ молчали; о конституціи могла свободно говорить одна «реакція». Либерализму приходилось не поддаваться на провокацію правыхъ, не позволять себѣ даже намека, что *когда-нибудь* Самодержавія въ Россіи не будетъ; дѣйствительно о конституціи при Александрѣ III серьезно никто и не думалъ. Было легче представить себѣ въ Россіи революцію, чѣмъ конституцію. Вопросъ о ней съ очереди былъ окончательно снятъ.

Находились отдѣльные горячіе люди, которые думали о революціи и пытались идти къ ней другими путями. Но эти пути явно заводили въ тупикъ. Прошло время, когда Исполнительный Комитетъ могъ не бояться быть смѣшнымъ, ставя Государю условія для прекращенія террора. Революціонная дѣятельность теперь не кончалась, а *начиналась* арестомъ и ссылкой. Къ пострадавшимъ относились съ уваженіемъ, какъ къ героямъ и жертвамъ, но дѣятельность ихъ въ глазахъ всѣхъ была безполезной. Политическое значеніе этихъ людей и методовъ возстановилось только позднѣе.

Восьмидесятые годы естественно были душны для тѣхъ, кто привыкъ къ 60-мъ годамъ. Въ наше время не было порывовъ впередъ, «завоеваній» и даже мало надеждъ. Либеральному меньшинству приходилось вести мало замѣтную мелкую работу, отказавшись отъ высокихъ задачъ. А у широкаго общества ослабѣлъ интересъ ко всякой политикѣ. Оно занималось своими дѣлами, добивалось личныхъ успѣховъ на существующихъ поприщахъ и не думало о борьбѣ съ государственною властью. Александръ III къ концу своей

жизни сталъ популяренъ. Вреда, который онъ принесъ Россіи, тогда не замѣчали. А успокоеніе ставили въ заслугу *ему*. А между тѣмъ жизнь не останавливалась; во время реакціи продолжалось перерожденіе русскаго общества. На сцену появлялось поколѣніе, которое не знало Николаевской эпохи и ея нравовъ. Реформы 60-хъ годовъ, освобожденіе личности и труда приносило свои результаты. Разслаивалось крестьянство, богатѣли города, росла промышленность, усложнялась борьба за существованіе. Настоящій ростъ общества не нуждается въ драматическихъ эпизодахъ. Такъ въ сѣрую эпоху 3-й и 4-й Думъ, а не въ бурные 73 дня 1-ой Государственной Думы укоренялся въ Россіи конституціонный порядокъ. Ни идеи Каткова и Побѣдоносцева, ни самодержавная власть Александра III не смогли заставить русское общество отказаться отъ преслѣдованія своихъ интересовъ и увѣровать, что оно живетъ только для того, чтобы процвѣтало Самодержавіе, Православіе и Народность. Рядовое общество думало о себѣ, своихъ удобствахъ и предъявляло къ власти *свои* требованія. Не профессіоналы-политики, а простые обыватели стали практически ощущать дефекты нашихъ порядковъ. Неограниченное Самодержавіе было возможно при крѣпостномъ правѣ и 130 тысячахъ «даровыхъ полицмейстеровъ»; оно могло сохраняться въ переходное время, когда крестьяне еще ощущали себя особымъ низшимъ сословіемъ, а на образованный классъ смотрѣли какъ на господъ. При 80-ти милліонномъ населеніи на всю Россію и при низкомъ standart of life, управленіе могло быть по силамъ старому аппарату. Но по мѣрѣ роста культуры, размноженія населенія, накопленія богатствъ и осложненія жизни онъ долженъ былъ совершенствоваться и приспособляться къ новымъ задачамъ. Этого онъ не сумѣлъ и этимъ показалъ свою неумѣлость. Но это наступило позднѣе. Въ 80-хъ годахъ реформы 60-хъ годовъ только начинали послѣдствія свои обнаруживать. Тамъ, гдѣ все идетъ нормальнымъ путемъ, гдѣ нѣтъ Революціи,

которая какъ землетрясеніе погребаетъ цѣлые пласты населенія, тамъ продолжается параллельное существованіе того новаго, что уже родилось, и стараго, что еще не умерло. Въ новомъ демократическомъ строѣ, созданномъ 60-ми годами, старина еще не исчезла съ ея типами, нравами и отношеніями. Русской жизнью еще владѣли старыя привычки и на ней лежалъ налетъ спокойствія, барской лѣни и благодушія; новая жизнь только пробивалась сквозь старую. Это давало 80-мъ годамъ особенный ихъ отпечатокъ, который исчезъ позднѣе уже на нашихъ глазахъ. И я еще вижу его сквозь свои дѣтскія воспоминанія.

Глава II.

СТАРШІЕ.

Мое дѣтство и юность протекли въ Глазной больницѣ, типичной для старой Москвы и Россіи. Кто ея не зналъ? Не нужно было говорить извозчику ея адреса. Долгое время она была единственной для Москвы и замѣняла университетскую клинику, пока въ 90-хъ годахъ не возникъ на частныя средства клиническій городокъ на Дѣвичьемъ.

Больница была въ свое время создана тоже на частныя деньги. Знаменитый богачъ Александровской эпохи Мамоновъ пожертвовалъ на устройство больницы площадь въ самомъ центрѣ Москвы. Она занимала цѣлый кварталъ между Тверской, Мамоновскимъ, Благовѣщенскимъ и Трехпруднымъ переулками. Часть земли отъ Трехпруднаго переулка была позднѣе отчуждена; но и безъ нея владѣніе было громадно. Сосѣдній съ нею участокъ тотъ-же Мамоновъ пожертвовалъ Благовѣщенской Церкви. На него выходили больничныя окна. Помню войну между Церковью и больницей. Церковная земля оставалась проходнымъ пустыремъ

съ Тверской на Благовѣщенскій переулокъ. Но къ своимъ правамъ церковь относилась ревниво. Священникъ запрещалъ открывать больничныя окна и тѣмъ болѣе вылѣзать черезъ нихъ на церковную землю. Часть оконъ нашей квартиры выходили сюда. Изъ шалости мы, дѣти, это дѣлали. Священникъ грозилъ наши окна задѣлать. При насъ происходили совѣщанія доморощенныхъ адвокатовъ: имѣемъ ли мы право окна отворять, а священникъ имѣетъ ли право ихъ задѣлать? Никто этого точно не зналъ. Священникъ кончилъ тѣмъ, что насадилъ рядъ тополей передъ самыми окнами, чтобы закрыть отъ насъ свѣтъ. Все это характерно для времени, когда богатствъ было такъ много, что использовать ихъ не умѣли, но изъ-за нихъ все-таки ссорились: когда никто не зналъ границъ собственныхъ правъ, не умѣлъ ихъ защищать и сражался домашними средствами.

На больничной землѣ стояло нѣсколько зданій; но большая часть земли оставалась подъ дворомъ и садами. Садъ тянулся отъ самаго Мамоновскаго переулка до Благовѣщенскаго. Посреди зданій былъ большой дворъ, съ часовней для покойниковъ въ центрѣ. Кругомъ часовни было такъ много земли, что на дворѣ какъ на иподромѣ можно было проѣзжать лошадей. А больничный священникъ, отецъ Георгій Соловьевъ такъ любилъ конское дѣло, что самъ этимъ занимался къ соблазну больныхъ.

Земельное владѣніе больницы представляло позднѣе колоссальную цѣнность, но въ старое время стоило мало. Какъ въ первобытномъ государствѣ предпочитали платить служилымъ людямъ землей, а не деньгами, такъ во время Мамонова Глазную больницу было легче снабдить ненужной землей, чѣмъ капиталами. Земля долго лежала втунѣ, въ ожиданіи спроса, и ее можно было использовать только натурой. Весь персоналъ больницы, отъ высшихъ до низшихъ, имѣлъ въ ней квартиры. Въ помѣщеніяхъ не было недостатка. Смѣшно было бы говорить о жилплощади. Мы сами были примѣромъ. Мой отецъ поступилъ въ боль-

ницу еще холостымъ. По мѣрѣ того, какъ росла наша семья — а насъ было восемь человѣкъ дѣтей — увеличивали нашу квартиру въ разныя стороны, проламывали стѣны, новыя помѣщенія присоединяли къ прежней квартирѣ, изъ кладовыхъ подъ сводами дѣлали комнаты; кромѣ фасада на Тверскую, мы получили фасадъ еще на церковную землю. Мѣста въ больницѣ было достаточно еще для многихъ новыхъ квартиръ. Оставались кромѣ того кладовыя, подвалы, склады, въ которыхъ ничего не помѣщалось. Цѣлый этажъ былъ отведенъ подъ номера для больныхъ, которые не хотѣли лежать въ общихъ палатахъ. Этихъ номеровъ было такъ много, что большая часть ихъ оставалась пустыми; во время перестроекъ и заразныхъ болѣзней насъ туда переводили. Позднѣе, когда земля стала дороже, стало ясно, что если главное зданіе по Тверской обратить въ доходный домъ, то можно было бы на мѣстѣ ненужнаго сада и двора построить великолѣпную больницу по послѣднему слову науки. Но такой планъ превышалъ энергію распорядителей, а можетъ быть противорѣчилъ традиціямъ, какъ планъ Лопахина въ «Вишневомъ Саду» разбить имѣніе подъ дачи. Больница дожила до Революціи въ томъ видѣ, въ какомъ я ее помню съ самаго дѣтства, съ садами, допотопными постройками, съ глубокими сводами, съ толстыми стѣнами, которыхъ нельзя было бы пробить шестидюймовыми пушками, съ широчайшими лѣстницами, но зато безъ центральнаго отопленія, съ печами, топившимися дровами, для которыхъ былъ устроенъ цѣлый дровяной складъ въ центрѣ владѣнія; долго у насъ не было проведенной воды и канализаціи. Помѣщались мы на главной улицѣ города. Мимо нашихъ оконъ весной тянулись роскошные выѣзды на катанье въ Петровскій паркъ; тутъ проходили коронаціонныя шествія. Каждую весну здѣсь шли съ музыкой и барабаннымъ боемъ войска на Ходынку, а лѣтомъ съ 6-ти часовъ утра по Тверской начиналось мычанье коровъ и свирѣль пастуха. Это московское стадо шло за заставу.

Характеръ «добраго стараго времени» лежалъ и на системѣ управленія нашей больницей. Въ 95-мъ году умеръ отецъ. Тогда мы изъ больницы уѣхали, и я въ нее больше не заходилъ. Но до 95 года все было безъ перемѣнъ и вездѣ сидѣли тѣ-же самые люди. Они всѣ были типичны.

Предсѣдателемъ Совѣта, главнаго органа больницы, былъ глубокій старикъ, знаменитый въ Москвѣ своей старостью Г. В. Грудевъ. За эту старость ему оказывали почетъ. При пріѣздахъ въ Москву Александръ III его отличалъ, какъ московскаго «патріарха». Онъ свои годы скрывалъ. Сначала признавалъ 84 года и на нихъ много лѣтъ оставался. Позднѣе сталъ молодиться и перешелъ на 70 лѣтъ. Изъ его послужного списка знали однако, что на государственную службу онъ поступилъ при императрицѣ Екатеринѣ II. Въ которомъ году и сколькихъ лѣтъ свѣдѣній не было; а въ тѣ годы на службу записывали иногда новорожденныхъ. Но съ Грудевымъ повидимому это было не такъ; объ этомъ онъ самъ уморительно пробалтывался. Разъ у насъ за завтракомъ, вспоминая старые годы, онъ разсказалъ, какъ оказался примѣшанъ къ дѣлу декабристовъ. Онъ къ ночи вышелъ на Сенатскую площадь и по просьбѣ кого-то изъ раненныхъ далъ ему булку. Тотчасъ онъ былъ арестованъ. Его разспрашивали, кто онъ такой, чѣмъ занимается и зачѣмъ давалъ хлѣбъ мятежнику. Грудевъ съ наивностью объяснилъ, что Евангеліе велитъ голодающихъ накормить. Черезъ нѣсколько недѣль ему объявили, что справки о немъ благопріятны, что его заявленія подтвердились и что онъ можетъ идти. Но отпустили его съ головомойкой: «какъ Вамъ не стыдно, сказалъ ему Предсѣдатель, въ этомъ бунтѣ участвуютъ только мальчишки; Вы же пожилой человѣкъ, и Вы съ ними спутались». Итакъ въ 25 году Грудевъ уже былъ пожилымъ человѣкомъ. Александръ III при пріемѣ его какъ-то спросилъ, помнитъ ли онъ 12-ый годъ; Грудевъ отвѣтилъ: «какъ же Ваше Величество? Вѣдь это недавно. Какъ вчерашній день помню». Это не мѣшало ему

ъ 90-хъ годахъ утверждать, что ему только 70 лѣтъ. Для воихъ лѣтъ онъ хорошо сохранился. У него были всѣ волосы, безъ признаковъ плѣши, только бѣлые какъ выпавшій нѣгъ; все лицо было въ мелкихъ морщинахъ. Онъ горился, ходилъ опираясь на палку. Жевалъ губами, когда олчалъ, и чавкалъ, когда говорилъ. Онъ на моей памяти аболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Всѣ ждали конца. Но нъ оправился и всѣхъ своихъ товарищей пережилъ. Умеръ нъ послѣ 905 г., когда я уже не жилъ въ Москвѣ. Какимъ его помню въ самые дѣтскіе годы, такимъ онъ оставался и озже; можетъ быть немножко больше сгибался и болѣе лохъ. Несмотря на старость, общественную службу онъ родолжалъ; оставался гласнымъ Думы и губернскаго земтва. На собранія ѣздилъ всегда, сидѣлъ до конца и неѣдко принималъ участіе въ преніяхъ. Но память и слухъ му измѣнили. Онъ говорилъ не по вопросу, часто по дѣлу авно уже рѣшенному. Изъ уваженія къ его старости ему е мѣшали. Даже такой рѣзкій человѣкъ, какъ московскій ородской голова Н. А. Алексѣевъ, когда Грудевъ во время ьей-либо рѣчи подымался со стула, дѣлалъ знакъ оратору, ъ полъ голоса говоря: подождите—и дѣлалъ видъ, что рудева слушаетъ. Когда онъ садился — продолжалъ режнее засѣданіе. До конца своихъ дней Грудевъ былъ астный садоводъ. Онъ жилъ въ особомъ флигелѣ больицы, выходившемъ въ Благовѣщенскій переулокъ, со своимъ особымъ садомъ, отрѣзаннымъ отъ главнаго сада въ его диноличное распоряженіе. Въ этотъ садъ никого не ускали; самъ онъ имъ очень гордился и занимался разведеніемъ разныхъ новыхъ цвѣтовъ. Быть допущеннымъ въ тотъ садъ было знакомъ особаго расположенія.

При Грудевѣ въ качествѣ хозяйки жила его племянница С. В. Якимова, сѣдая старушка, уже за 70 лѣтъ. По привычкѣ она считала себя около дяди маленькой дѣвочкой. Она иначе не называла себя въ письмахъ и разговорахъ, какъ племянницей Грудева. Она дошла до того, что

на визитныхъ карточкахъ заказала этотъ титулъ. Старый М. П. Щепкинъ, острый на языкъ, получивъ подобную карточку, при случаѣ послалъ ей свою, на которой выгравировалъ «крестный сынъ покойнаго Голохвастова». Она насмѣшки не поняла и пришла къ намъ спрашивать, какой это былъ Голохвастовъ?

Конечно, все это трогательно. Но характерно для старины, что человѣкъ, который очевидно уже ничего дѣлать не могъ, стоялъ во главѣ такого живого и нужнаго дѣла, какъ единственная Глазная больница Москвы. Иллюстрація того, что высшее начальство было часто въ Россіи простой *декораціей*, а для *дѣла* было ненужно. Это же освѣщаетъ и тогдашніе нравы. Никого не соблазняло, что Грудевъ несетъ отвѣтственный постъ; наоборотъ всѣ бы нашли неприличнымъ его за старостью лѣтъ удалить. Занимать это мѣсто было его «пріобрѣтеннымъ правомъ», котораго нельзя было отнять. Государственная служба не была служеніемъ *дѣлу*.

Для столѣтняго старца законъ могъ быть не писанъ; но Грудевъ исключеніемъ не былъ. Если онъ явно для всѣхъ былъ «декораціей», то подобнымъ же начальникомъ больницы, завѣдовавшимъ ея хозяйственной частью, былъ другой «генералъ» Г. И. Керцелли. Толстый, съ шарообразной головой, съ круглыми глазами, плоскимъ черепомъ, покрытымъ прилизанными сѣдыми волосами, съ короткими баками на трясущихся толстыхъ щекахъ, и пробритой дорожкой отъ рта по подбородку, онъ былъ главной фигурой больницы. Все утро сидѣлъ въ «канцеляріи», за большимъ зеленымъ столомъ и читалъ то «Московскія», то «Полицейскія» Вѣдомости. Ихъ читалъ онъ всегда, но кромѣ нихъ вѣроятно ничего не читалъ. Не знаю, гдѣ онъ получилъ образованіе; когда онъ пытался произносить иностранныя слова, то даже мы — дѣти — смѣялись. Онъ былъ чиновникъ Николаевской службы, дѣйствительный статскій совѣтникъ, чѣмъ очень гордился. Когда онъ получилъ ор-

день, который по статуту сопровождался письмомъ за подписью Государя, онъ отслужилъ молебенъ по этому поводу и ходилъ всѣмъ подпись показывать. Низшимъ служащимъ больницы онъ внушалъ почтительный страхъ. Говорилъ всегда и со всѣми такимъ голосомъ какъ будто за что-то отчитывалъ. Простѣйшіе разговоры его были обстоятельны и скучны, какъ служебный докладъ. Даже когда онъ разсказывалъ смѣшныя вещи, никогда не могло быть смѣшно. Впрочемъ важность его была внѣшняя. По существу онъ былъ добрякомъ и въ домашней обстановкѣ всѣ трунили надъ нимъ и его генеральской манерой. Его въ шутку звали не Гаврилъ Ивановичъ, а Рыло Ивановичъ. Какъ настоящій старый чиновникъ, къ своему начальству онъ былъ почтителенъ, одобрялъ все, что оно бы ни дѣлало. Я говорилъ, какъ онъ радовался, что въ Манифестѣ 29 апрѣля конституціи не было; если бы была конституція, онъ и отъ нея пришелъ бы въ восторгъ. Внѣшне онъ былъ представителенъ. Былъ церковнымъ старостой больничной церкви, подпѣвалъ пѣвчимъ, а по торжественнымъ днямъ въ вицъ-мундирѣ и съ орденами на шеѣ, подтягивая толстый животъ и извиваясь всѣмъ станомъ, съ любезной улыбкой обходилъ съ тарелкой молящихся. Онъ служилъ еще въ Страховомъ обществѣ и всегда разсказывалъ о страховыхъ дѣлахъ, хотя это ни для кого не было интересно. Его досуги пополняли карты, къ которымъ онъ относился серьезно, какъ къ службѣ, отчитывая партнеровъ за неудачные ходы. Такова была главная персона въ больницѣ. Но ни чтеніе «Вѣдомостей» въ канцеляріи, ни генеральскій чинъ и наружность, ни почтительность къ высшимъ, ни грозные окрики на низшихъ недостаточны, чтобы управлять сложнымъ дѣломъ. И Керцелли тоже былъ декораціей меньшаго колибра, чѣмъ Грудевъ.

Въ старину всѣмъ распоряжались маленькіе незамѣтные люди. Россіей управляютъ столоначальники — говорилъ самъ Николай I. Въ больницѣ главнымъ работникомъ

былъ ея экономъ Алексѣй Ильичъ Лебедевъ. Къ нему обращались за всякой надобностью. Онъ былъ общимъ повѣреннымъ и исполнителемъ. Ни въ чемъ никому не отказывалъ, на все находилъ время и какіе-то ходы и связи. Человѣкъ простой, нечиновный онъ приходилъ къ главнымъ лицамъ больницы не въ гости, а только по дѣлу. Но на немъ все держалось. Чтобы ни случилось, я всегда слышалъ фразу: «надо сказать Алексѣю Ильичу». Небольшой, тщедушный человѣкъ, веселый, не унывающій, онъ не показывалъ вида, что свое положеніе понимаетъ; но все управленіе шло *черезъ него*. Когда я былъ уже студентомъ, я съ нимъ ближе сошелся. Онъ былъ страстный охотникъ, хотя охотился рѣдко, а стрѣлялъ совсѣмъ плохо. Въ минуты откровенности онъ мнѣ показывалъ, что отлично понимаетъ недостатки больницы и ея управленія; понималъ и то, что самъ могъ бы на этомъ наживаться вполнѣ безопасно. Но онъ былъ человѣкъ честный и въ то же время нетребовательный; состоянія онъ себѣ не пріобрѣлъ и за нимъ не гнался. Но только благодаря ему машина не останавливалась. Но конечно не ему было дѣлать въ больницѣ нововведенія, ломать заведенные порядки. Все шло по натореннымъ издавна путямъ. На этомъ держался консерватизмъ того времени и нерасположеніе къ новшествамъ. Рутинная жизнь была еще совершенно возможна въ то время.

У него былъ незамѣнимый помощникъ, безъ котораго также трудно было себѣ представить больницу, какъ вообще «генеральскую» Россію безъ Щедринскаго «мужика». Это былъ больничный швейцаръ В. М. Моревъ — Николаевскій солдатъ, съ четырьмя крестами и медалями на Георгіевскихъ лентахъ. Кресты онъ получилъ за Венгерскую кампанію 48 года и за Севастополь. Удивительные типы создавало то жестокое время! Моревъ былъ гордъ, что прожилъ всю жизнь солдатомъ при Николаѣ; на новыхъ солдатъ смотрѣлъ не безъ презрѣнія: «что они понимаютъ»! Ему было уже тогда много лѣтъ, но онъ казался мощной фигурой, пол-

ной здоровья и силъ, съ порѣдѣвшими, но не сѣдыми волосами, съ большими усами и достойнымъ представительнымъ видомъ. Какъ его хватало на все? О меньшей братіи тогда мало заботились. Не было ни американскихъ ключей, ни электрическихъ проводовъ; надо было ему самому открывать входную дверь. Онъ не ложился спать, пока всѣ домой не возвратились. Мнѣ случалось въ студенчествѣ возвращаться подъ утро и звонкомъ я его подымалъ съ деревянной скамьи, на которой онъ прикурнулъ. Если я былъ послѣдній, онъ при мнѣ уходилъ къ себѣ спать. Сколько разъ я пытался съ нимъ сговориться, завести себѣ второй ключъ. Онъ не хотѣлъ слышать про это; «что Вы, помилуйте, я тутъ сплю отлично; а на мнѣ вся больница». Дѣйствительно двери нашей квартиры въ швейцарскую не запирались и теперь я не понимаю, почему мы не были до чиста обворованы и спали спокойно съ охраной *одного только* Морева.

Ежедневное ночное дежурство не мѣшало Мореву раньше всѣхъ утромъ подняться. Если кому либо надо было рано вставать, то достаточно было попросить Морева во время разбудить; онъ не проспитъ и не забудетъ. Всѣ на перебой давали ему порученія, далеко выходившія за предѣлы его обязанностей. Не было случая, чтобы онъ отъ чего-нибудь отказался, или чего-нибудь не умѣлъ. Когда его спросишь: «Можешь ли это сдѣлать»? — онъ презрительно отвѣчалъ: «Николаевскій солдатъ, да не можетъ»? И онъ все умѣлъ, портняжилъ, сапожничалъ, столярничалъ, клеилъ и т. д. Когда я поступилъ въ гимназію и въ первый разъ шелъ на урокъ, Моревъ внимательно осмотрѣлъ мою обмундировку, многаго не одобрилъ и передѣлалъ. Перемѣнилъ ремни на ранцѣ, въ незамѣтныхъ мѣстахъ шинели вшилъ лоскутки съ фамиліей, чтобы пальто не подмѣнили. Онъ повсюду искалъ самъ работы; не могъ оставаться безъ дѣла. А въ праздничные дни, когда больничная церковь наполнялась московскимъ beau monde'омъ, онъ съ искусствомъ, безъ

номерковъ, умѣлъ всѣхъ запомнить, узнать и подать каждому его шубу.

Ребенкомъ я разспрашивалъ Морева про войну; допытывался, случалось ли ему убивать человѣка? Онъ вспоминалъ неохотно и отъ прямого отвѣта отвиливалъ: «лучше не спрашивайте». Зато разсказывалъ про дисциплину, про строгости; описывалъ какъ наказывали шпицрутенами; но вспоминалъ все безъ озлобленія. «Много насъ учили, но зато уже и научили. Гдѣ Вы найдете человѣка, какъ Николаевскій солдатъ? Развѣ теперешніе въ четыре года могутъ чему-нибудь научиться»?

Привычка къ дисциплинѣ въ него въѣлась очень глубоко. Онъ былъ счастливъ титуловать Керцелли «превосходительствомъ» и его генеральская манера его только радовала. Когда мой отецъ былъ сдѣланъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и Моревъ сталъ титуловать его «превосходительствомъ», то на возраженіе отца онъ обидѣлся: «что Вы, помилуйте, я ли порядковъ не знаю»?

По должности Моревъ былъ только швейцаромъ, какъ Алексѣй Ильичъ экономомъ. Но фактически онъ былъ начальникомъ надъ всѣмъ низшимъ персоналомъ больницы. Его всѣ уважали, да и боялись. Онъ былъ настоящій унтеръ-офицеръ надъ солдатами. Онъ разносилъ, ругалъ, можетъ быть билъ; еще больше стыдилъ всѣхъ примѣромъ. Но онъ никогда ни на кого не пожаловался. Это было бы для него унизительно, признать неумѣніе справиться; это было и не по-товарищески. Онъ разъ пенялъ при мнѣ на своего помощника. Я сказалъ: «что ты не разскажешь Алексѣю Ильичу»? «Что Вы, развѣ на маленькаго человѣка можно жалиться»?

Конецъ Морева вышелъ трагичный. Съ нимъ жила жена, худенькая, маленькая старушка, передъ нимъ трепетавшая, не называвшая его иначе, какъ «Василій Михайловичъ» и «Вы». У нихъ было двое дѣтей, сынъ и дочь, которыхъ онъ образовалъ и вывелъ въ люди. Онъ остался съ же-

ной одинъ; но когда его жена умерла, старикъ этого не пережилъ и съ горя запилъ запоемъ. Было больно смотрѣть, какъ онъ ходилъ съ краснымъ опухшимъ лицомъ, безъ всякаго повода плакалъ, все забывалъ и путалъ, но не хотѣлъ уступать своего дѣла другимъ. Ему дали отпускъ, помѣстили въ больницу, лѣчили. Но все было напрасно. Пришлось его разсчитать; онъ гдѣ-то самъ лѣчился и вылѣчился. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернулся здоровый, его опять взяли на мѣсто. Онъ отслужилъ торжественный молебенъ, удвоилъ усердіе; но болѣзнь не прошла. Онъ снова запилъ и — что хуже — изъ кармановъ шубъ стали пропадать разныя мелочи. Онъ снова и уже навсегда ушелъ изъ больницы; не знаю, какъ и гдѣ онъ кончилъ. Это былъ, конечно, уже вымирающій типъ прежняго времени, какъ старые крѣпостные или дворовые. Въ 80-хъ годахъ они еще были. И тамъ, гдѣ они сохранялись, на нихъ все держалось. Это было символомъ *старой* Россіи.

Я говорилъ про управленіе хозяйственной частью больницы; но оставалась еще ея врачебная часть. Въ 60-хъ годахъ въ этомъ отношеніи произошло какъ вездѣ крупное преобразованіе; весь устарѣвшій персоналъ былъ обновленъ. Но новое вино скоро разложилось въ старыхъ мѣхахъ.

Главнымъ врачомъ былъ профессоръ Университета Густавъ Ивановичъ Браунъ. Почтенный старикъ, съ толстой шеей, краснымъ лицомъ, сѣдой подстриженной бородой и съ золотыми очками, покрывавшими добрые, голубые глаза. Онъ держалъ себя совсѣмъ старикомъ, ходилъ медленной походкой, кряхтѣлъ и гримасничалъ, когда вставалъ или садился. Онъ мало работалъ въ больницѣ, полагаясь во всемъ на другихъ. Ежедневно заходилъ въ пріемную на короткое время и тотчасъ уходилъ извиняясь, что у него «неотложное дѣло». Это онъ повторялъ каждый день. Всѣ это заранѣе знали, но этотъ ненужный декорумъ онъ соблюдалъ ежедневно; свои занятія въ больницѣ онъ ограничивалъ чтеніемъ лекцій. Было странно подумать, что когда-

то онъ пріѣхалъ въ Москву молодымъ ученымъ, подававшимъ надежды, полнымъ силъ и энергіи: былъ учителемъ почти всѣхъ московскихъ офтальмологовъ. Постепенно онъ успокоился, измѣнился, растолстѣлъ, пересталъ работать и несъ службу не волнуясь и не кипятясь, чтобы не портить здоровья. Онъ равнодушно смотрѣлъ, какъ больница отставала, противился всякому нововведенію; «знаете ли что?» отвѣчалъ онъ на всѣ предложенія: «мы лучше подождемъ».

Въ 90-хъ годахъ стали строить клиники на Дѣвичьемъ полѣ. Отъ Брауна зависѣло устройство Глазной клиники. Но онъ ею не интересовался. Не отстаивалъ кредитовъ на нее, не слѣдилъ за архитекторомъ, со всѣми урѣзками соглашался, не собираясь использовать этого случая, чтобы создать больницу современнаго типа. Онъ впрочемъ понялъ, что съ его стороны это не хорошо и передалъ заботы о клиникѣ моему отцу, который по его плану долженъ былъ замѣнить его въ профессурѣ. Онъ этотъ планъ выполнилъ, хлопоталъ о назначеніи отца на свое мѣсто, а пока поручилъ ему слѣдить за устройствомъ клиники. Самъ же этимъ онъ интересовался такъ мало, что насколько помню, не былъ даже на торжествѣ открытія клиники, не изъ-за недоброжелательства, а просто по лѣни. Браунъ былъ честный, хорошій, культурный нѣмецъ, который обрусѣлъ, приспособился къ медлительнымъ темпамъ русской жизни и не любилъ зря волноваться и безпокоиться. Онъ никому не дѣлалъ зла, и непріятностей, но и не видѣлъ надобности не только тянуть служебную лямку, а и стараться приносить ею пользу. Самъ онъ былъ богатъ, имѣлъ въ Москвѣ нѣсколько доходныхъ домовъ, въ больницѣ занималъ большой особнякъ по Мамоновскому переулку, съ большимъ ему отведеннымъ садомъ, и хвастался тѣмъ, что «экономенъ». Любилъ играть въ карты, но непремѣнно по маленькой, ходилъ каждый вечеръ ужинать въ англійскій клубъ, выбирая самыя дешевыя блюда. Въ немъ было много комичнаго. Какъ

обрусѣлый нѣмецъ, былъ горячимъ русскимъ патріотомъ, и изъ патріотизма всегда во всемъ соглашался съ правительствомъ. Говорилъ съ рѣзкимъ нѣмецкимъ акцентомъ, употреблялъ мягкое нѣмецкое х вмѣсто г. (холюбчихъ), считалъ себя большимъ знатокомъ русскаго языка и немилосердно перевиралъ поговорки. Много его изреченій перешло въ юмористическую литературу. Это онъ говорилъ: «пуганная ворона дуетъ на молоко», или «наплюй въ колодецъ, послѣ будешь воду пить», «не стоитъ выѣденнаго гроша», «у нищаго сумму отнялъ» и т. д. По наивности онъ позволялъ себѣ выходки, о которыхъ потомъ всѣ говорили. Какъ-то въ присутствіи постороннихъ гостей, онъ все вздыхалъ; его спросили, что съ нимъ? Онъ отвѣтилъ: «Эхъ, нехорошъ-съ; Юлинька съ рукъ нейдутъ-съ». Юлинька была его старшая дочь, которая, несмотря на отличное приданное, не находила себѣ жениха. Это свое семейное огорченіе Браунъ счелъ нужнымъ публично *всѣмъ* сообщить. Другой разъ у него въ кабинетѣ играли въ карты. Его лакей пришелъ его о чемъ-то спросить втихомолку. Тугой на ухо Браунъ не разслышалъ; онъ попросилъ гостей замолчать. Лакей продолжалъ шептать на ухо, но Браунъ все не понималъ. «Господа, сказалъ онъ, выйте-ка минуточку, мнѣ нужно Ивану два слова сказать». Никто не обидѣлся; это было чистымъ Брауномъ. Онъ первый отпраздновалъ свой юбилей, но товарищей своихъ пережилъ; онъ умеръ, когда я уже не жилъ въ больницѣ.

Во время моей жизни въ больницѣ я былъ слишкомъ молодъ, чтобы о ней судить; помню, что мой отецъ досадовалъ на невозможность добиться въ ней улучшеній, на то, что его товарищи всегда находили причину все оставить постарому. У моего отца была повышенная склонность ко всякимъ техническимъ новшествамъ: въ томъ отношеніи онъ могъ быть пристрастенъ. Но вспоминая фигуры хозяевъ больницы, я сознаю, что они могли жить только по старымъ традиціямъ. Если они съ дѣломъ справлялись, то по-

тому, что патріархальный быть, привязанность къ старому и низкій standart of life были въ нравахъ русскаго общества. Конкуренція, необходимость приспособляться къ общественному мнѣнію были только въ зародышѣ. Всѣмъ казалось естественно, что во главѣ хозяйства стоять ничего недѣлающіе тайные совѣтники, а что вся работа лежить на маленькомъ экономѣ. Никого не коробило, что старикъ Моревъ одинъ работалъ за десятерыхъ. Это казалось столь же нормальнымъ, какъ то, что больница своихъ богатствъ не использовала, что у нея въ самомъ центрѣ города были сады, стѣны, напоминавшія крѣпость, готическіе своды въ rez-de-chaussée, громадныя кладовыя и въ то же время никакихъ современныхъ удобствъ. Больница не была исключеніемъ; этотъ уровень жизни, ея медлительный темпъ, благодушная увѣренность, что иначе невозможно, и отсутствіе необходимости переходить къ болѣе совершеннымъ, а потому и труднымъ методамъ общежитія, было общимъ явленіемъ 80-хъ годовъ. Для такого порядка жизни годилось и Самодержавіе. Перемѣна жизни Россіи произошла не отъ политической пропаганды, а отъ простого роста населенія, отъ улучшенія техники, осложненія экономической жизни, съ которыми Самодержавіе справиться не сумѣло, какъ не сумѣла позднѣе наша больница справиться съ появившейся конкуренціей. Но учрежденія противъ нравовъ запаздываютъ и приходятъ съ ними въ конфликтъ. Однажды кажется въ «Русскомъ Курьерѣ» появилось юмористическое описаніе пріема въ нашей больницѣ, за подписью барона Иксъ. Оно было шаржемъ не вполнѣ справедливымъ. Но оно *возмутило* наше начальство: «какъ посмѣли такъ писать о государственномъ учрежденіи»? Хотѣли ѣхать жаловаться генералъ-губернатору. Къ счастью отъ этого удержали. Одна изъ чертъ патріархальнаго быта состояла въ томъ, что обществу критиковать не полагалось; его дѣло было благодарить за заботы о немъ. Эта черта у всякаго начальства была общая съ Самодержавіемъ.

А нельзя не сказать, что тогда считалось нормальнымъ многое, что сейчасъ бы казалось чудовищнымъ. Въ больницѣ была домовая церковь; и въ эту больничную церковь не пускали *больныхъ*. Они могли присутствовать только на хорахъ да пріоткрывали двери въ сосѣднія палаты и туда могла издали доноситься церковная служба. Самую же больничную церковь наше начальство превратило въ свѣтскую домовую церковь для избраннаго московскаго общества. Приходившіе сюда знатные люди не изъ чего не могли бы догадаться, что находились въ больницѣ. Развѣ въ Великую Пятницу и въ Пасхальную ночь, когда крестный ходъ проходилъ по больничнымъ палатамъ, откуда больныхъ удаляли, то по отодвинутымъ къ стѣнѣ кроватямъ и надписямъ можно было понять, что это были палаты больныхъ. Больные же удалялись еще дальше, благо помѣщеній было много, и на крестный ходъ могли смотрѣть только черезъ щелку двери. Въ церкви же публика была отобранная, аристократическая, не рисковавшая тѣмъ, что окажется рядомъ съ простолюдиномъ. И Керцелли съ сдержаннымъ восторгомъ въ лицѣ встрѣчалъ высокопоставленныхъ лицъ, приказывалъ подавать имъ стулья по рангу и благодарилъ за посѣщеніе. Никому въ то время не казалось скандальнымъ, что церковь въ больницѣ считали не мѣстомъ утѣшенія для слѣпнущихъ и слѣпыхъ, а модною церковью для beau-monde'a. Не было протестовъ не только со стороны этого beau-monde'a, который могъ бы понимать, *что* онъ дѣлаетъ, но и со стороны самихъ больныхъ, печати и т. д. Прежніе нравы не были всѣ унесены горячкой 60-хъ годовъ, и еще сидѣли въ душѣ. Не исчезло раздѣленіе на бѣлую и черную кость. Помню и другія проявленія этого. Огромный больничный садъ былъ раздѣленъ на три части, изъ которыхъ двѣ лучшія и большія были отведены Грудеву и Брауну; для больныхъ оставалась только средняя часть, меньше другихъ. Въ этой части были построены лѣтніе бараки и туда переводились на лѣто больные; садъ былъ такъ великъ, что и эта часть для больныхъ тѣсна не была; но сравненіе съ вели-

колѣшнымъ и большимъ садомъ, куда больныхъ не пускали, должно было бы ихъ возмущать. Когда я былъ студентомъ, я объ этомъ заговорилъ съ Керцелли. Онъ весело разсмѣялся, видя въ этомъ съ моей стороны ребячество, для моего возраста извинительное.

Эти несимпатичныя черты «барства» были только оборотной стороной того навѣки исчезнувшаго прошлаго, которое доживало послѣдніе дни въ 80-хъ годахъ. Юность наблюдаетъ не только отцовъ, но и дѣдовъ, и прадѣдовъ. Мы, поколѣніе девяностыхъ годовъ, помнимъ не только шестидесятниковъ, нашихъ отцовъ. Мы застали еще нѣкоторыя красочныя фигуры людей сороковыхъ и даже тридцатыхъ годовъ. Въ наши зрѣлые годы они исчезли со сцены, но тогда на нихъ былъ еще особенный колоритъ уже намъ непонятнаго времени.

Помню, напримѣръ, стараго человѣка, который у насъ часто бывалъ; пріѣзжалъ даже въ деревню спеціально собирать грибы. Мы, дѣти, называли его обезьяной. Онъ былъ страшнаго, дикаго вида, съ всегда растрепаной шевелюрой, строгими глазами, которые смотрѣли на насъ поверхъ золотыхъ очковъ, нахмуренными бровями, сѣдыми волосами, растущими на щекахъ, на горлѣ и изъ ушей, съ рѣзкимъ голосомъ, такъ что казалось, что онъ со всѣми бранится, и ежеминутными вспышками раскатистаго хохота. Всѣ обращались съ нимъ съ особымъ почтеніемъ, а онъ всѣхъ всегда разносилъ, не объясняя причины. Намъ нравилось, что отъ него такъ попадаетъ и старшимъ. Я поинтересовался узнать, почему ему *все* позволяютъ? Мнѣ объяснили, что это главный докторъ Москвы. Такой отвѣтъ былъ понятенъ, но я удивился, почему же тогда *насъ* лѣчатъ не у него? Это былъ не главный докторъ, хотя онъ былъ врачебнымъ инспекторомъ *). Это былъ знаменитый Н. Х. Кетчеръ. Позднѣе въ нашей библіотекѣ я нашелъ на пол-

*) Это было тоже для Москвы характерно. Какая связь осталась у него съ медициной? Но онъ былъ Кетчеръ, и его изъ почтенія посадили на мѣсто, гдѣ онъ конечно былъ не къ чему.

кахъ много неразрѣзанныхъ томовъ перевода Шекспира, подписанныхъ фамиліей Кетчера. То, что онъ написалъ столько книгъ, его въ моихъ глазахъ подняло. Но я не понималъ, зачѣмъ онъ переводитъ, а не напишетъ чего-нибудь самъ. За разъясненіемъ этого недоразумѣнія я къ нему обратился. Онъ загрохоталъ своимъ хохотомъ: «А ты думалъ, что я напишу лучше Шекспира?» На свой переводъ онъ положилъ много труда, но насколько помню, переводъ никуда не годился. П. Шумахеръ написалъ про него четверостишіе:

«Вотъ еще свѣтило міра,
Кетчеръ другъ шипучихъ винъ.
Перепёръ онъ намъ Шекспира
На языкъ родныхъ осинъ».

Кетчеръ любилъ выпить, особенно шампанскаго. Тогда онъ много разсказывалъ, какъ всегда кричалъ и хохоталъ. Эти разсказы про старину въ то время меня не интересовали. Какъ бы я хотѣлъ ихъ послушать позднѣе!

Помню другого старика, чьи стихи сейчасъ я цитировалъ — Шумахера. Долго мы его знали только по имени Петръ Васильевичъ. Толстый, обрюзгшій, съ русой головой, еле подернутой серебромъ на вискахъ, безъ признака лысины, безъ бороды, съ мѣшками подъ глазами, вѣчно страдавшій подагрой. Онъ приходилъ очень часто и всегда оставался подолгу; пока старшіе были заняты, онъ молча сидѣлъ и курилъ янтарную трубку, съ необыкновеннымъ искусствомъ пуская дымъ кольцами; то читалъ какую-нибудь книжку, то разговаривалъ съ нами, дѣтьми. Онъ намъ разсказывалъ интересныя и неожиданныя вещи то про Сибирь, про мѣста, гдѣ никто еще не жилъ, гдѣ звѣри и птицы человѣка совсѣмъ не боялись. Разсказывалъ, какъ однажды дикій олень къ нему подошелъ со спины такъ тихо, что онъ не замѣтилъ, пока не почувствовалъ его дыханія уже на шеѣ; въ то время онъ былъ золотопромышленникомъ и искалъ золотыхъ розсыпей въ дикихъ мѣстахъ. То раз-

сказывалъ, какъ служилъ при генералѣ-губернаторѣ Милорадовичѣ и какъ тотъ, подписывая подорожныя, дѣлалъ густой росчеркъ, бросая тутъ-же перо (конечно гусиное), а онъ долженъ былъ это перо подымать и обстригать. Это былъ недостаточно оцѣненный, и еще менѣе себя самъ цѣнившій поэтъ П. В. Шумахеръ. Никто какъ слѣдуетъ не зналъ его прошлаго. Объ немъ можно было только догадаться по отдѣльнымъ его разсказамъ: такъ знали, что онъ былъ когда-то богатѣйшимъ золотопромышленникомъ, а въ какое-то другое время маленькимъ чинушей при Генералъ-Губернаторѣ, и на немъ былъ отпечатокъ старины. Какъ-то еще не будучи гимназистомъ, я долженъ былъ вмѣстѣ съ нимъ поѣхать въ наше имѣніе. Я нашелъ его на вокзалѣ безпомощно сидящимъ, съ багажемъ на скамейкѣ. Онъ не сдалъ багажа и билета не взялъ. Я все это сдѣлалъ. Онъ сталъ хвалить новое поколѣніе, удивляться, какъ это мы умѣемъ сами все дѣлать? «А насъ какъ воспитывали», говорилъ онъ: «ѣздили мы съ цѣлой ротой слугъ, ничего сами не знали. Намъ и подорожную пропишутъ и смотрителя запугаютъ и лошадей достанутъ; зато теперь мы ничего не умѣемъ». Въ мое время онъ былъ раззоренъ и жилъ гостепріимствомъ друзей. Для него дѣлали литературно-музыкальные вечера, гдѣ выступали лучшіе артисты. Тамъ я слышалъ еще совсѣмъ молодую М. Н. Ермолову; на нихъ пріѣзжалъ И. Ф. Горбуновъ, котораго мнѣ только тамъ удалось услыхать. Но прежнее гостепріимство становилось не по карману. Въ послѣдніе годы П. В. Шумахера помѣстили въ страннопріемный домъ Шереметьева, дали ему синекуру — должность библіотекаря съ жалованьемъ. Онъ получилъ доступъ къ книгамъ и былъ безконечно доволенъ. Тамъ онъ и умеръ. Послѣ его смерти я узналъ не безъ изумленія, что этотъ типично «русскій» человѣкъ былъ лютераниномъ и потому погребенъ на Введенскихъ горахъ.

Онъ былъ на рѣдкость начитаннымъ и образованнымъ человѣкомъ; говорилъ на всѣхъ языкахъ, много бывалъ за-

границей; былъ знакомъ съ массой интересныхъ людей (у него не прекращалась переписка съ Тургеневымъ). Но когда я его зналъ, онъ жилъ московской жизнью, ничѣмъ не занимался; первую половину дня сидѣлъ дома въ халатѣ, а на вторую собирался къ кому-нибудь изъ знакомыхъ и до ночи пилъ съ друзьями вино, потѣшая каламбурами и остротами. Онъ былъ несравненно интереснѣй и выше своей обычной среды и въ ней опускался; онъ это хорошо сознавалъ, но къ этому былъ равнодушенъ. По природѣ онъ былъ надѣленъ рѣдкимъ юморомъ; вся манера его говорить серьезно, какъ бы вдумчиво, медленными фразами, изъ которыхъ вдругъ выскакивала неожиданная шутка, была для него характерна. Какъ то у него болѣлъ палецъ; отецъ нашелъ, что нужно прижечь ляписомъ. «А у Васъ ляпись есть? — освѣдомился онъ съ интересомъ. «Есть», и отецъ открылъ шкапъ. «Въ такомъ случаѣ не надо», отвѣчалъ Шумахеръ. Когда кто либо передавалъ какой-либо слухъ или сплетню «изъ достовѣрныхъ источниковъ», Шумахеръ дѣлалъ серьезное лицо и обстоятельно спрашивалъ: «а кто при этомъ былъ»? Всѣ его разсказы о прошломъ заставляли смѣяться; во всемъ онъ любилъ и умѣлъ подмѣчать комическій элементъ.

Поклонникъ старины П. С. Шереметьевъ послѣ его смерти издалъ книжку о немъ и напечаталъ кое-что изъ его сочиненій; и при жизни его была выпущена тоненькая брошюрка его стиховъ подъ заглавіемъ «Шутки послѣднихъ лѣтъ». Тамъ были перлы остроумія, которые грѣхъ забыть русской литературѣ; она впрочемъ до революціи ихъ и не забывала; забытъ былъ только *авторъ*. «Записки русскаго туриста», «Не то», «Нѣмецкая любовь», «Матушка Москва» часто читались на вечерахъ безъ упоминанія автора. И это было ничтожной каплей того, что онъ вообще написалъ. Когда онъ проводилъ у насъ лѣто въ деревнѣ, проходилъ рѣдкій день, чтобы онъ по какому-либо поводу не написалъ шуточнаго стихотворенія. Все это забывалось, выбра-

сывалось и терялось. Своихъ богатствъ мы не берегли. Кое-что оставалось въ памяти, но забывалось. Такъ мнѣ вспоминается одна его пародія на Фетовское «Шопотъ, робкое дыханіе». Привожу ее потому, что кажется она напечатана не была.

«Незабудка на полѣ,
Камень-бирюза,
Цвѣтъ небесъ въ Неаполѣ,
Любушки глаза.
Моря андалузскаго
Блескъ, лазурь, сафиръ —
И жандарма русскаго
Голубой мундиръ».

Была другая причина, почему послѣ Шумахера мало осталось. Рѣдко стихотвореніе его было печатно. Мнѣ говорилъ Шереметьевъ, что это очень ему мѣшало, когда онъ издавалъ свою книгу. Но было бы ошибочно думать, что у Шумахéра былъ особенный вкусъ къ непечатной литературѣ; это просто больше подходило къ атмосферѣ шутокъ и смѣха, въ которую онъ себя умышленно ставилъ, чтобы не быть меланхоликомъ. Напротивъ, онъ былъ тонкимъ цѣнителемъ серьезной, даже классической литературы. Когда я перешелъ въ 3-й классъ гимназіи и сталъ учиться греческому языку, онъ мнѣ подарилъ рѣдкое изданіе Иліады и Одиссеи 17 вѣка въ пергаментномъ переплетѣ. На первой страницѣ написалъ посвященіе гекзаметромъ.

«Съ дѣтства до старости лѣтъ на мишуру все глядѣли
Слабые очи мои, лучшихъ не видѣвъ красотъ.
Милостивъ къ юношѣ Зевсъ, даровавъ ему высшее зрѣнье
И указавъ ему путь въ область нетлѣнной красы».
«Васѣ Маклакову на память отъ стараго хрѣна».

Эта книга хранилась въ нашей деревенской библіоте-

кѣ. Ее сначала національзировали, а потомъ превратили въ «народную» библіотеку. Можно представить насколько эта книга тамъ оказалась полезной.

Шумахеръ былъ бы оригиналенъ повсюду. Жизнь его прошла черезъ колебанія большей амплитуды. Но онъ былъ все же типиченъ для Россіи и особенно для Москвы стараго времени; когда жили не торопясь, не толкаясь; когда «съ забавой охотно мѣшали дѣла»; когда люди въ родѣ Чацкаго попадали въ сумасшедшіе, въ чемъ Грибоѣдовъ пророчески провидѣлъ судьбу Чаадаева; когда и время, и деньги и таланты тратились безъ счета. Но въ эти годы медленно уже шло молекулярное перерожденіе организма Россіи. Исчезли типы покорныхъ крѣпостныхъ и дворовыхъ паразитовъ, исчезали гостепріимные лѣнивые баре, появлялись nouvelles couches sociales; прежняя лѣнь, благодушіе и щедрость становились уже никому не по карману, жить становилось труднѣе и сложнѣе, укладъ жизни требовалъ новыхъ государственныхъ пріемовъ, которыхъ не умѣло дать Самодержавіе. Все это настало позднѣе. 80-ые годы еще были «зарей вечерней» *прежней* Россіи.

Конечно дѣтскія наблюденія односторонни; не я свою среду выбиралъ. Одинъ міръ былъ мнѣ всегда чуждъ: это міръ представителей власти, кромѣ опальныхъ. Но въ дѣтскіе годы случайно мнѣ пришлось немного прожить и въ этомъ мірѣ; онъ былъ того же стиля.

Я былъ въ третьемъ классѣ гимназіи, когда одна изъ моихъ сестеръ заболѣла дифтеритомъ. Дѣтей изъ дому выселили. Я возвращался изъ гимназіи, когда Моревъ меня домой не впустилъ и сообщилъ, что мы, трое братьевъ, переселены въ домъ московскаго губернатора и что я не заглядывая домой туда долженъ идти. По дорогѣ въ гимназію я ежедневно ходилъ мимо этого дома съ внушительнымъ подъѣздомъ, съ стеклянной дверью, за которой внутри былъ всегда виденъ жандармъ. Я отправился туда не безъ смущенія. Мы прожили тамъ до лѣта. Этотъ губернаторскій

домъ былъ тогда уголкомъ той же патріархальной Москвы 80-хъ годовъ. Губернаторомъ былъ В. С. Перфильевъ, женатый на Прасковьѣ Федоровнѣ Толстой, дочери знаменитаго «американца» Ѳедора Ивановича Толстого, о которомъ писалъ и Грибоѣдовъ и Пушкинъ.

Великолѣпный портретъ этого Ѳ. И. Толстого съ интереснымъ и своеобразнымъ лицомъ висѣлъ у нихъ въ гостиной. Перфильевы были одни (женатый ихъ сынъ жилъ отдѣльно) и взяли на себя заботу пріютить трехъ мальчиковъ, изъ которыхъ старшему, т. е. мнѣ, было 12 лѣтъ. У нихъ былъ цѣлый свободный этажъ (по-русски третій), куда насъ и помѣстили, приставивъ на уходъ къ намъ одного изъ курьеровъ. Самъ губернаторъ, Василій Степановичъ, видный старикъ съ краснымъ лицомъ, хриплымъ голосомъ и одышкой, съ длинными сѣдыми баками, былъ однимъ изъ представителей высшаго свѣта, отличной фамиліи, принадлежащей по рожденію къ верхамъ русскаго общества. Онъ былъ изъ типа администраторовъ, которыхъ Л. Толстой вывелъ въ лицѣ Стивы Облонскаго. Я не разъ слыхалъ, что онъ имѣлъ въ виду и его. Прасковья Ѳедоровна была родственницей Льва Николаевича; и въ первый разъ въ жизни я встрѣтилъ Л. Толстого именно у Перфильевыхъ. Онъ пришелъ туда въ блузѣ, съ легавой собакой, и меня удивляло, что такъ плохо одѣтый человѣкъ былъ на «ты» съ губернаторомъ. Стива Облонскій къ старости, когда онъ бы уже разжирѣлъ, когда не могъ бы ни охотиться, ни увлекаться, вѣроятно былъ бы такимъ, какъ Перфильевъ. Какъ Стива Облонскій Перфильевъ не хлопоталъ о карьерѣ; по родству и связямъ съ тогдашнимъ правящимъ міромъ, онъ не могъ остаться безъ должности. Мало того, онъ могъ ею и *хорошо* управлять. Потому что, какъ объяснялъ Толстой въ «Аннѣ Карениной», онъ былъ совершенно *равнодушенъ* къ дѣлу, которымъ занимался, и слѣдовательно не могъ бы ни увлечься, ни зарваться, ни надѣлать ошибокъ. А личная его порядочность, воспитанность и дружелюбное отношеніе ко

всѣмъ сдерживали ненужное усердіе его подчиненныхъ. Позднѣе, когда жизнь осложнялась, этихъ качествъ для администратора достаточно уже не было. Перфильевъ и не подошелъ къ этому позднѣйшему времени, когда стало необходимо показывать непреклонность и нетерпимость. Въ его же время власть была еще настолько неоспоримой силой, что могла не быть ни высокомѣрной, ни жестокой. Въ то доброе старое время для успѣха по службѣ ненужно было создавать себѣ «направленія». Направленіе считалось принадлежностью parvenu и оно для Перфильева не было нужно. Все это Толстой отмѣтилъ въ разговорѣ Серпуховскаго съ Вронскимъ. Перфильевъ могъ не бояться ни знакомства, ни дружбъ съ людьми, которые были на дурномъ счету въ Петербургѣ, и за эту нетерпимость надъ Петербургомъ смѣялся. Таковъ былъ не одинъ Перфильевъ, но и всѣ наши власти: и знаменитый московскій генералъ-губернаторъ, князь В. А. Долгоруковъ и оберъ-полицеймейстеръ А. А. Козловъ и другіе, которыхъ я встрѣчалъ у Перфильевыхъ. Административная машина работала настолько правильно, что въ передѣлкахъ и не нуждалась. Все могло идти какъ шло прежде.

Этотъ тонъ высшаго начальства усваивался и подчиненными. Правителемъ канцеляріи у Перфильева былъ тогда В. К. Истоминъ, позднѣе управлявшій канцеляріей Великаго князя Сергѣя Александровича и ставшій опорой реакціонной агрессивной политики. У Перфильева онъ былъ какъ и всѣ обходительнымъ и добрымъ человѣкомъ, который никому не могъ показаться грозой. Поскольку я могъ наблюдать и понимать свои наблюденія, трудъ губернатора тогда не былъ головоломнымъ. Помню по утрамъ многочисленныхъ просителей въ громадномъ пріемномъ залѣ и чиновниковъ въ вицмундирахъ, которые принимали ихъ со строгими лицами. Въ этихъ строгихъ чиновникахъ мнѣ было бы трудно узнать вечернихъ партнеровъ въ карты Перфильева. Иногда меня посылали звать его къ завтраку; я

заставалъ его за бумагами, которыя онъ подписывалъ не читая. На мое любопытство, какъ онъ можетъ такъ дѣлать, онъ объяснялъ едва ли съ полной искренностью, что онъ ихъ всѣ уже раньше прочелъ. Иногда въ окно, выходившее на лѣстницу, ведущую къ намъ, въ третій этажъ, я видалъ засѣданія присутствій подъ его предсѣдательствомъ; оживленные споры; говоръ и хохотъ, что мало вязалось съ дѣтскимъ представленіемъ о государственномъ дѣлѣ. Послѣ обѣда, по тогдашнему въ 6 часовъ, у Перфильева былъ только одинъ вопросъ, гдѣ онъ будетъ играть. Безъ картъ по вечерамъ его себѣ представить было нельзя. Онъ либо шелъ черезъ улицу въ англійскій клубъ или игралъ у себя со своими чиновниками. Черезъ нѣсколько лѣтъ Перфильевъ какъ-то бывши на ревизіи неожиданно пріѣхалъ къ намъ въ имѣніе. Несмотря на прекрасную погоду, послѣ ужина былъ поставленъ карточный столъ и изъ кого-то составили партію, хотя въ это время самъ отецъ никогда не игралъ. Безъ картъ Перфильеву нечѣмъ было бы время занять.

А въ молодые годы Перфильевъ, говорятъ, былъ живымъ, веселымъ и остроумнымъ; великолѣпно танцовалъ и, какъ говорили, вообще былъ повѣсой. Его жена разсказывала, что однажды онъ проигралъ дамѣ, за которой ухаживалъ, пари à discrétion; она въ насмѣшку потребовала, чтобы онъ съѣлъ сырую мышь и онъ это сдѣлалъ, но былъ огорченъ тѣмъ, что она послѣ этого изъ брезгливости танцовать съ нимъ не стала. Изъ прежнихъ талантовъ его у него сохранился одинъ: онъ умѣлъ виртуозно расшифровывать шифръ. Стоило вмѣсто буквъ написать ему короткую фразу условными знаками, онъ тотчасъ ее разбиралъ. Когда я въ первый разъ, по совѣту его жены, подалъ ему такую записку, онъ обрадовался, что могъ тряхнуть стариной. Въ нѣсколько минутъ ее разобралъ, несмотря на ошибку, которую онъ тутъ же замѣтилъ. Такъ русская барская жизнь того круга, который тогда правилъ Россіей, формировала

симпатичные типы добрыхъ людей, которые вертѣли колеса налаженной административной машины безъ оживленія и одушевленія, не требуя отъ другихъ низпоклонничества и себя не роняя угодничествомъ. Консервативные по темпераменту эти администраторы не приходили въ озлобленіе ни отъ либеральныхъ людей, ни идей и ихъ не считали опасными. Это были администраторы мирнаго, не боевого времени. Позднѣе, при начавшейся борьбѣ общества съ властью они оказались негодными, ушли сами или ихъ заставили постепенно уйти. Началось иное время, раздѣленіе всего общества на два лагеря и стали почитать тѣхъ, кто умѣлъ и любилъ воевать.

Нѣсколько словъ о женѣ губернатора, Прасковьѣ Федоровнѣ. У нея была сестра Сарра — портретъ которой я видѣлъ у нихъ въ гостиной. Эта сестра была замѣчательной красавицей, любимицей отца и изъ недомолвокъ я догадывался, что она погибла рано какой-то трагической смертью. Сама же Прасковья Федоровна была образованной, свѣтской, воспитанной, но ничѣмъ не замѣчательной и очень некрасивой женщиной. Ей было скучно жить; ни принимать, ни выѣзжать она не любила. Ея досугъ наполняли собачка King-Charles, обезьяна «Уистити» и вѣчное раскладываніе пасьянсовъ. Мы, чужія дѣти, явились для нея не столько заботой, сколько неожиданнымъ развлеченіемъ. Она усердно каждый вечеръ обучала насъ свѣтскимъ манерамъ. У меня къ этому способностей не оказалось; но братъ Николай, будущій министръ, это любилъ, многому у нея научился и она его за это очень цѣнила. У нея было привычное въ старой высшей аристократіи благожелательное отношеніе къ низшимъ. Представители этого круга были такъ увѣрены въ прочности своего положенія, что низшихъ не боялись и могли позволять себѣ роскошь благожелательства. Жестокое отношеніе къ нимъ могло возмущать, какъ возмущаетъ жестокость къ животнымъ. Таковъ былъ и ея грозный отецъ, Американецъ Толстой. На это она любила указывать. Мо-

лодой дѣвушкой она однажды съ нимъ каталась верхомъ; они встрѣтили 80-лѣтняго мужика, съ которымъ ея отецъ разговаривалъ. Она уронила платокъ и сказала старику: «пожалуйста, подымите платокъ». Ея отецъ сказалъ ей: «vous aurez bien pu le faire vous même», и незамѣтно пребольно хлестнулъ ее хлыстомъ по рукѣ. Впрочемъ такое уваженіе къ старости вѣроятно не мѣшало «Американцу Толстому» непослушныхъ засѣкать на конюшнѣ.

Такъ въ 80-хъ годахъ намъ еще приходилось видать представителей отошедшей въ вѣчность эпохи дореформенной Россіи. Но они исчезали изъ государственнаго аппарата и изъ общества одновременно съ богатыми усадьбами, особняками, властнымъ поземельнымъ дворянствомъ и скромнымъ «именитымъ купечествомъ». На смѣну имъ шли новые типы, удачливой, предпріимчивой, знавшей цѣну себѣ «демократіи», которыхъ звали тогда «разночинцами». Обострялась борьба за существованіе, въ политикѣ возникали «вопросы», о которыхъ не снилось благодушнымъ представителямъ старыхъ патріархальныхъ властей.

Конечно, среди общества были люди, которые понимали, что происходитъ, и мечтали сдвинуть политику въ новую сторону еще тогда, когда «освободительное движеніе» не начиналось. Сравнивая этихъ людей съ позднѣйшей эпохой, я не могу не отмѣтить одной ихъ особенности. Они не только не сводили *всего* къ борьбѣ съ Самодержавіемъ, не считали, что уничтоженіе его есть *предварительное* условіе *всякаго* улучшенія. Они часто *предпочитали* Самодержавіе конституціонному строю.

Въ 80-хъ годахъ людей съ подобными взглядами ненужно было искать только среди реакціи; ихъ можно было видѣть повсюду, среди разнообразныхъ партій и направленій. Я для иллюстраціи приведу два примѣра совершенно различныхъ формацій.

Возьмемъ среду славянофильства. Помню, съ какимъ безусловнымъ осужденіемъ конституціоналисты къ нимъ

относились. Они разоблачали славянофильство съ не меньшей страстностью, съ какой коммунисты долго клеймили соціалъ-демократовъ. Соціалъ-демократовъ коммунисты обвиняли за «соглашательство» съ буржуазіей. Славянофиловъ винили тогда за преданность Самодержавію. Но и Самодержавіе относилось къ славянофильству не лучше, чѣмъ конституціоналисты. «Пріятіе» Самодержавія не мѣшало славянофиламъ его политику обличать. Этого Самодержавіе имъ не прощало. Такъ было при Николаѣ I, такъ было и позже. Александръ III при вступленіи на престолъ могъ сказать А. Тютчевой нѣсколько лестныхъ словъ по адресу статей ея мужа И. С. Аксакова; но его *политикѣ* онъ не послѣдовалъ. А вдохновителей реакціи славянофильская критика того времени била больнѣе, чѣмъ конситуціонные аргументы; точно такъ, какъ для коммунистовъ обличенія соціалъ-демократовъ теперь чувствительнѣй, чѣмъ негодованіе легитимистовъ.

Вспоминая позицію славянофиловъ въ эпоху восьмидесятыхъ годовъ, я не могу признать, чтобы нападки на нихъ были ими заслужены. Стремленіе славянофиловъ *исправить* Самодержавіе могло быть полезно. Сужу такъ потому, что въ мои юные годы мнѣ пришлось близко знать одного незауряднаго славянофила, Павла Дмитріевича Голохвастова.

Онъ былъ нашимъ ближайшимъ сосѣдомъ по имѣнію и мѣстнымъ мировымъ судьей. Былъ сыномъ того Д. П. Голохвастова, близкаго родственника А. И. Герцена, который при Николаѣ I былъ попечителемъ московскаго учебнаго округа и о личности котораго Герценъ въ «Быломъ и Думахъ» сообщилъ много ядовитаго. Голохвастовъ жилъ въ Покровскомъ, однομъ изъ дворянскихъ гнѣздъ Московской губерніи, гдѣ не разъ гостилъ Герценъ. Послѣ смерти П. Д. Голохвастова это имѣніе было куплено С. Т. Морозовымъ. Онъ отремонтировалъ его на современный ладъ, съ проведеніемъ воды, электричества и телефона. Къ слову сказать, тотъ же С. Морозовъ купилъ и полностью уничтожилъ знаменитый домъ

И. С. Аксакова на Спиридоновкѣ съ громаднымъ садомъ, въ которомъ въ самомъ центрѣ Москвы можно было слушать весной соловьевъ. На мѣстѣ этого дома былъ построенъ особнякъ-замокъ Морозова; старый садъ былъ вырубленъ, вычищенъ и превращенъ въ англійскій паркъ. Такъ символически прежнее родовое дворянство уступало мѣсто разбогатѣвшей буржуазіи. Въ деревнѣ Савва Морозовъ былъ менѣе радикаленъ; онъ сохранилъ старый каменный домъ и только пристроилъ къ нему новое зданіе, болѣе современнаго стиля. Во всемъ хозяйствѣ появился порядокъ. Съ крестьянами было произведено размежеваніе, возстановлены настоящія границы владѣній; все окопано канавами и обнесено межевыми столбами; закрыты самовольныя дорожки черезъ барскую землю; проселки вездѣ замѣнились шоссейной дорогой, на канавахъ и рѣчкахъ поставлены мосты изъ желѣза, болота осушены, сторожки лѣсныхъ сторожей превращены въ каменные дома съ желѣзными крышами; словомъ, вездѣ проступало цивилизующее могущество капитала. Прежній запущенный садъ былъ приведенъ въ образцовый видъ и только въ качествѣ реликвіи сохранена часть стараго каменнаго забора въ одномъ углу этого сада. Съ этого забора, по просьбѣ Ѳ. Родичева, я снялъ фотографію для Общества имени Герцена; заборъ видалъ еще Герцена. Голохвастовы свято чтили память своего отца; у него была извѣстная слабость къ рысистымъ лошадямъ; его гордостью былъ знаменитый «Бычокъ», о которомъ вспоминаетъ и Герценъ. Подлинное стойло «Бычка» съ такой памятной надписью, которую можно сейчасъ увидать на домахъ, гдѣ жили или умерли великіе люди, — сохранялось Голохвастовыми до самой ихъ смерти. На мѣстѣ этой конюшни Морозовъ построилъ другую образцовую, съ послѣднимъ словомъ комфорта, о которомъ въ свое время не снилось «Бычку». П. Д. Голохвастовъ жилъ въ своемъ родовомъ имѣніи вмѣстѣ со своимъ братомъ Д. Д. Голохвастовымъ, предводителемъ и дѣятелемъ эпохи Але-

ксандра II, общепризнаннымъ лучшимъ ораторомъ этого времени, сказавшимъ когда-то на московскомъ дворянскомъ собраніи нашумѣвшую рѣчь вольнаго, хотя и чисто дворянскаго содержанія, за что былъ по высочайшему повелѣнію лишенъ предводительства и высланъ въ деревню. Объ удивительномъ краснорѣчіи этого человѣка я потомъ слыхалъ отъ Л. Н. Толстого. Въ то время, которое я помню, онъ былъ уже руиной, разбитымъ параличемъ и совершенно глухимъ. Его возили на коляскѣ и съ нимъ разговаривали лишь по запискамъ. Онъ прошелъ мимо моего наблюденія. Зато его брата П. Д. я помню отлично и онъ былъ самъ интересной фигурой.

Широко образованный по понятіямъ того времени, говорившій свободно на четырехъ языкахъ, исколесившій всѣ европейскія страны, по внѣшности и манерамъ онъ представлялъ истинный типъ европейца. Онъ и въ деревнѣ ходилъ не иначе, какъ въ европейскомъ костюмѣ, съ крахмальнымъ воротничкомъ, охотно разговаривалъ на иностранныхъ нарѣчіяхъ, былъ знатокомъ французскихъ винъ и курилъ только дорогія сигары. Со всѣмъ тѣмъ онъ былъ однимъ изъ могиканъ славянофильства. Онъ изъѣздилъ Европу только затѣмъ, чтобы придти къ заключенію, что Россія выше всего. Это предпочтеніе сказывалось во всѣхъ мелочахъ. У него была удивительная память на тексты, и на стихи, и на прозу. Онъ любилъ говорить о превосходствѣ русской литературы, цитировать на память баллады Шиллера, а потомъ ихъ же въ переводѣ Жуковскаго и тонко доказывалъ, насколько переводъ выше подлинника. Онъ всегда съ радостью отмѣчалъ всякое русское преимущество. Онъ разсказывалъ, какъ ѣздилъ къ Герцену объясняться за несправедливость, которую тотъ допустилъ въ оцѣнкѣ его отца, Д. П. Голохвастова. Онъ увѣрялъ, будто Герценъ это призналъ и передъ нимъ извинился. Но разсказывая объ ихъ разговорѣ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ передавалъ, какъ увлеченный воспоминаніями о Россіи Герценъ ска-

залъ: «вотъ вамъ крестъ» и уже началъ крестное знаменіе, но, поймавъ себя на такомъ несовременномъ жестѣ и выраженіи, улыбнулся, и, протянувъ ему руку, окончилъ: «вотъ вамъ моя рука: если бы я могъ знать навѣрное, что вернувшись въ Россію буду сосланъ въ Сибирь, но смогу пережить время ссылки и вернуться въ Россію живымъ, даю вамъ слово, что тотчасъ бы вернулся». Голохвастовъ много занимался русской исторіей; писалъ рядъ монографій. У него была полемика съ В. О. Ключевскимъ о древне-русскомъ «кормленіи». Голохвастовъ доказывалъ, что терминъ «кормленіе» происходитъ не отъ слова «кормиться»; мысль, будто верховная власть посылала чиновниковъ «кормиться» отъ населенія ему казалась кощунствомъ надъ русскою стариной. Терминъ «кормленіе» онъ выводилъ отъ корня «корма», «кормчій», что значило — управленіе. Власть посылала не «кормиться», а «управлять». Въ полемикѣ съ Голохвастовымъ, Ключевскій былъ очень рѣзокъ по его адресу. Судьба ихъ свела потомъ въ нашемъ домѣ; не знаю, была ли встрѣча пріятна обоимъ, но они скоро разговорились, увлеклись и заспорили. Цѣлый вечеръ препирались о значеніи слова «бобыль». Но Голохвастовъ не только занимался исторіей. Однажды онъ чуть не сдѣлалъ большого политическаго дѣла въ Россіи Я мальчикомъ присутствовалъ при его разсказѣ о несостоявшемся Земскомъ Соборѣ 82 г., который былъ затѣянъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ гр. Игнатьевымъ, за что онъ и долженъ былъ выйти въ отставку. По словамъ Голохвастова, идея Земскаго Собора принадлежала ему. Я былъ тогда слишкомъ малъ, чтобы понять интересъ этого разсказа. Но не разъ его вспоминалъ, когда въ оглашенныхъ въ послѣднее время документахъ сталъ встрѣчать упоминанія о роли П.. Голохвастова въ этой попыткѣ.

Возстанавливая въ памяти фигуру этого Голохвастова, я не могу его зачислить въ разряды ретроградовъ. Этотъ взглядъ былъ бы слишкомъ упрощенъ. Въ 82 г. Голохва-

стовъ чуть не устроилъ Земскаго Собора въ Россіи; онъ постоянно негодовалъ на стѣсненія совѣсти, слова и печати; былъ по религіозным мотивамъ непримиримымъ противникомъ смертной казни. При добрыхъ личныхъ отношеніяхъ съ правящими сферами, въ частности съ Побѣдоносцевымъ, онъ возмущался ихъ политической линіей, считая, что она губитъ монархію. Онъ вообще стоялъ за личность и за свободу. Какъ славянофилъ онъ не былъ противникомъ общины, но возмущался той властью, которую государство въ своихъ интересахъ дало сельскому обществу надъ отдѣльными членами, негодовалъ на «проклятую» круговую поруку. Онъ безпощадно клеймилъ крестьянскихъ «ростовщиковъ» и «кабатчиковъ», настаивалъ на лишеніи ихъ всякихъ избирательныхъ правъ, какъ представителей можетъ быть необходимаго, но «нечестного» занятія, которое можно терпѣть, но не оправдывать; но горячо защищалъ зажиточныхъ крестьянъ, по большевистской терминологіи *кулаковъ*, достигшихъ достатка честнымъ трудомъ; я помню, какъ онъ возмущался уничтоженіемъ мирового суда и какъ горько пенялъ на Александра III, котораго считалъ не волевымъ, не сильнымъ, а только упрямымъ. Припоминаю его отзывъ о реформѣ 89 г., о земскихъ начальникахъ. Его утѣшала только вѣра въ благородство русской души, которую не надо смѣшивать съ модной âme slave. Въ Европѣ, говорилъ онъ, земскіе начальники просто возстановили бы крѣпостное право; у насъ они будутъ стараться принести посильную пользу крестьянамъ, но принесутъ только вредъ. Многіе взгляды Голохвастова сближали его съ либерализмомъ; но горячо порицая политику Александра III, Голохвастовъ оставался убѣжденнымъ сторонникомъ Самодержавія. Онъ считалъ конституціонный порядокъ гибелью для Россіи и началомъ развращенія общества. Онъ осуждалъ русскихъ либераловъ, самыхъ честныхъ его представителей, въ родѣ Арсеньева, Стасюлевича. «Вѣстникъ Европы», съ его евро-

пейскими взглядами былъ, по его выраженію, только помоями, которыя съ корабля выливаютъ на море. Это—грязь, но грязь лишь наносная, подъ нею чистое народное море, которое этой грязью не замутить.

Когда я былъ студентомъ, мнѣ часто приходилось разговаривать съ Голохвастовымъ; и уже тогда я становился втупикъ передъ вопросомъ, куда его отнести; къ «реакціи» или къ «прогрессу»? Правда, онъ былъ поклонникомъ Самодержавія и это казалось большимъ недостаткомъ; но Самодержавію онъ поклонялся лишь потому, что одно Самодержавіе, по его мнѣнію, было способно служить народу «дѣйственно» и «безкорыстно». Такой мотивъ съ Голохвастовымъ примирялъ. Къ тому же Голохвастовъ не принималъ Самодержавія *безъ самоуправленія*. Онъ любилъ напоминать, что и *мѣстное* самоуправленіе и *общерусскій* Земскій Соборъ впервые расцвѣли именно при такомъ идеалистѣ Самодержавія, какимъ былъ Иванъ Грозный. Голохвастовъ мистически вѣрилъ, что гласъ народа — гласъ Божій и потому *вѣрилъ* въ Земскій Соборъ. Земскій Соборъ, по его мнѣнію, ошибаться не могъ. Онъ какъ-то прочелъ свое сочиненіе (не знаю было ли оно напечатано) о Соборѣ 1598 года, который избралъ Годунова на царство. Голохвастовъ держался на Годунова отброшенныхъ теперь наукой взглядовъ. Онъ считалъ избраніе недостойнаго Годунова ошибкой; но не могъ допустить ,чтобы Земскій Соборъ смогъ ошибиться. И потому онъ пришелъ къ парадоксальному выводу, будто Земскій Соборъ былъ подтасованъ, что его не было вовсе, а что только потомъ по позднѣйшимъ образцамъ отъ имени Собора написали подложную грамоту. Все это Голохвастовъ доказывалъ кропотливымъ изученіемъ текста грамоты и состава Собора. Но признавая, что «гласъ народа— гласъ Божій», Голохвастовъ не считалъ гласомъ народа простое мнѣніе его *большинства*. Въ этой замѣнѣ одного понятія совершенно другимъ, въ раболѣпномъ преклоненіи передъ принципомъ *большинства*, т.-е. передъ *цыфрой*, онъ

видѣлъ всю зловредную «ложь конституціи». Изъ погони за числомъ голосовъ развивается политическій развратъ нашего времени, необходимость партій, партійной дисциплины, обязательной партійной лжи и т. п. Царь не можетъ идти противъ народа, думалъ Голохвастовъ. Передъ его единодушіемъ онъ всегда преклонится. Отличіемъ Земскаго Собора отъ парламента должно было быть требованіе единогласія; только *оно* для Царя обязательно. Но если единогласія нѣтъ, нѣтъ и голоса народа; есть только отдѣльныя мнѣнія. Изъ нихъ — и это отличіе отъ liberum veto — Царь по разуму и совѣсти свободенъ выбирать то, которое считаетъ полезнѣе. Въ этомъ и состоитъ истинное дѣло Царя, быть арбитромъ; *такой* способъ рѣшенія разномыслія разумнѣе, чѣмъ механическій подсчетъ голосовъ.

Вотъ чему вѣрилъ Голохвастовъ; пусть это идиллія, надъ которой «умные» люди позднѣе смѣялись. Это не мѣшаетъ тому, что въ критической части славянофильства были вѣрныя мысли. Ихъ идеалъ былъ самъ по себѣ безпощаднымъ обличеніемъ нашего полицейскаго Самодержавія, при которомъ въ странѣ не могло образоваться ни общенароднаго голоса, ни даже отдѣльныхъ мнѣній. Ученіе славянофиловъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ Россіи, вело Россію впередъ, не назадъ. А что касается до ихъ критики конституціоннаго строя, то возстаніе противъ принципа большинства, какъ ultima ratio для разрѣшенія спора, противъ замѣны «разума» голосующихъ «партійной дисциплиной» указывало на дѣйствительно слабыя стороны народоправства. Эти стороны можетъ быть его *неизбѣжное* зло, но все-таки *зло*, котораго нѣтъ смысла скрывать.

Но съ славянофильствомъ можно было не церемониться; съ момента своего возникновенія оно встрѣчало насмѣшки. Наконецъ, оно не было народнымъ движеніемъ, не выходило за предѣлы верхушки интеллигенціи. Среди общественныхъ настроеній оно могло считаться quantité négligeable. Но возьмемъ другое теченіе, болѣе популярное въ толщѣ демо-

кратической интеллигенціи, вышучивать которое рѣшился только агрессивный юный марксизмъ, это — народничество. А это теченіе при всей ненависти къ режиму, который установился въ Россіи, тоже не видѣло единственнаго спасенія въ *конституціи.* По этому поводу я хочу вспомнить объ одномъ москвичѣ Л. В. Любенковѣ, о которомъ молодое поколѣніе не знаетъ и никогда не узнаетъ. Любенковъ въ «исторію» не перешелъ; онъ болѣзненно боялся всякой рекламы; нельзя было бы представить себѣ его сообщающимъ журналистамъ о томъ, какъ онъ «живетъ и работаетъ»; онъ убѣжалъ бы отъ попытки устроить ему какое-либо публичное юбилейное чествованіе. Лишь, когда онъ былъ разбитъ параличомъ и въ Городской Думѣ былъ поставленъ вопросъ о назначеніи ему пенсіи, его имя и перечень его заслугъ передъ городомъ попали въ печать. Можно было тогда увидѣть и рѣдкое зрѣлище, какъ на исключительномъ уваженіи къ Любенкову сошлись всѣ рѣшительно гласные. Онъ скоро скончался и никто пышныхъ некрологовъ ему не посвятилъ. Но москвичи, особенно судьи, его не забудутъ. Если можно дѣлить всѣхъ людей на честолюбцевъ (спортсменовъ) и праведниковъ, Любенковъ былъ праведникомъ общественной дѣятельности. Самъ онъ оставался въ тѣни, выдвигалъ впередъ молодыхъ, уклонялся отъ отвѣтственныхъ должностей, но по моральному авторитету былъ вождемъ и учителемъ. При немъ становилось стыдно «мелкихъ помысловъ и мелкихъ страстей». Наблюдая его, я понималъ вліяніе тѣхъ людей, кого народная память называла «святыми».

Любенковъ былъ состоятельнымъ тульскимъ помѣщикомъ Богородицкаго уѣзда, гласнымъ Губернскаго Земства и безсмѣннымъ Мировымъ Судьей Пречистенскаго участка въ Москвѣ. На службѣ земству и мировому суду прошла вся его долгая жизнь. Въ Гранатномъ переулкѣ у него былъ маленькій домикъ, съ большимъ садомъ, смежнымъ съ садомъ Саввы Морозова по Спиридоновкѣ. Садъ давалъ ему иллюзію жизни въ деревнѣ. Это было только послѣдова-

тельно, такъ какъ въ немъ самомъ не было ничего городского. Когда часовъ въ 5 онъ пѣшкомъ возвращался изъ камеры, онъ снималъ европейскій костюмъ, облекаясь въ поддевку, изъ которой уже не вылѣзалъ. Онъ никогда не выѣзжалъ, но его домъ былъ всегда полонъ народу. Къ обѣду приходили незванные; всѣ проходили черезъ кухню, съ чернаго хода. Если раздавался звонокъ съ параднаго подъѣзда, въ домѣ поднимался переполохъ; это значило — *чужіе*, непривычные гости. Тогда бѣжали зажигать лампы въ передней. Старики уходили встрѣчать гостей, наглухо запирали двери туда, гдѣ оставалась одна молодежь, и возвращались потомъ съ облегченнымъ вздохомъ: бѣда миновала.

Этотъ непритязательный, скромный старикъ былъ иллюстраціей поговорки, что человѣкъ краситъ мѣсто. Тамъ, гдѣ онъ былъ и работалъ, онъ становился немедленно авторитетомъ и центромъ. Въ земствѣ онъ былъ предсѣдателемъ редакціонной комиссіи; и *эта* комиссія стала инстанціей, которая направляла всю земскую жизнь. Въ Москвѣ онъ по средамъ сидѣлъ въ составѣ Мирового Судейскаго Съѣзда; и въ *этотъ* составъ Съѣзда тотчасъ ради него стали направляться всѣ *сложнѣйшія* съѣздовыя дѣла. Въ Любенковѣ цѣнили не только тонкій юридическій умъ, но и исключительную независимость совѣсти; его нельзя было бы поймать ни на какую уловку. Онъ сталъ идеаломъ мирового судьи; своимъ обаяніемъ создалъ школу и былъ непререкаемымъ авторитетомъ въ спорныхъ вопросахъ.

Отношеніе Любенкова къ людямъ было интересно сравнить съ Голохвастовскимъ. Тотъ образованный европеецъ тоже предпочиталъ всему русскаго человѣка; но даже мнѣ, мальчику, было понятно, что это потому, что въ русскомъ человѣкѣ онъ видитъ *свой* идеалъ, *свое* сочиненіе. Любенковъ же любилъ свой народъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ; онъ его не идеализировалъ, но зато и неспособенъ былъ бы его разлюбить за недостатки. У него, какъ у мирового судьи, было обширное поле для наблюденія, и онъ

былъ мастеромъ наблюдать и разсказывать. Эти разсказы всегда дышали непоколебимымъ доброжелательствомъ къ русскому человѣку во всѣхъ его проявленіяхъ. Онъ умѣлъ отыскивать залогъ хорошаго въ самомъ дурномъ, а законную досаду смягчать добродушной усмѣшкой. Онъ одинаково беззлобно подтрунивалъ и надъ безтолковостью некультурныхъ людей и надъ горделивой претензіей самодовольнаго «барина». Онъ понималъ, что нравы сильнѣе законовъ, что надо себя долго воспитывать, чтобы отдѣлаться отъ *старыхъ* привычекъ. Несмотря на встряску шестидесятыхъ годовъ, въ людяхъ еще сохранялись прежніе слѣды и «рабства» и «барства»; они то и дѣло вылѣзали наружу въ причудливыхъ формахъ. Къ этимъ чертамъ Любенковъ относился безъ озлобленія, такъ какъ онѣ были естественны, но и безъ снисхожденія; *онѣ* мѣшали Россіи двигаться дальше. Постепенно побѣдить эти пережитки въ себѣ и другихъ казалось ему главной задачей. Этого онъ достигъ въ *своемъ домѣ;* въ немъ установилась особая атмосфера, которую рѣдко гдѣ можно было встрѣтить.

Любенкова коробило все *показное;* коробилъ и *показной* демократизмъ. Онъ счелъ бы проявленіемъ «барства» демонстративную подачу министромъ руки швейцару, въ чемъ въ первые дни революціи видѣли символъ прогресса. Но Любенковъ былъ тѣмъ *естественнымъ* демократомъ, который не могъ ни въ чемъ ни проявить «сословнаго» предразсудка, ни задѣть чужого достоинства. Въ его домѣ всѣ были равны. Прислуга чувствовала себя домочадцами; по привычкѣ говорила «ты» молодымъ господамъ, а подругъ дочери безразлично величала «красавицами». Никого въ домѣ не шокировало и не удивляло, когда прислуга принимала участіе въ разговорѣ господъ.

Любопытно было отношеніе Любенкова къ молодому поколѣнію. У него было два сына и дочь, и домъ былъ всегда полонъ ихъ друзьями и гостями. У стариковъ былъ культъ молодежи; не тотъ лицемѣрный и льстивый культъ, кото-

рый можно наблюдать въ Совѣтской Россіи, гдѣ молодежь сознательно развращаютъ, чтобы имѣть ее на своей сторонѣ. Любенковъ былъ убѣжденъ, что молодое поколѣніе и лучше и умнѣе, чѣмъ онъ, что надо только ему не мѣшать, не стараться передѣлывать его на свой образецъ. Онъ по-стариковски сразу начиналъ говорить всѣмъ намъ «ты», но никогда ничѣмъ не старался намъ импонировать. Когда между нами происходили споры, онъ подходилъ незамѣтно изъ-за двери послушать, но въ споръ не вступалъ. Изрѣдка съ извиненіями, что онъ, старикъ, себѣ позволилъ вмѣшаться, говорилъ свое мнѣніе и поскорѣе уходилъ, повторяя: «гдѣ мнѣ съ вами спорить»! Сверстники Любенкова говорили, что онъ былъ превосходнымъ ораторомъ; намъ этого таланта видѣть не приходилось; съ нами онъ только разговаривалъ, при этомъ какъ бы всегда извиняясь предъ нами своей добродушной улыбкой. Только случайно онъ какъ будто забудется, голосъ его станетъ строгимъ, отрывистымъ, даже властнымъ, и мы видѣли, *какъ* онъ могъ и спорить и бороться, когда спорить хотѣлъ.

Старикъ Любенковъ, его дѣти, ихъ близкіе друзья и товарищи были по направленію тѣмъ, что въ широкомъ смыслѣ называлось «народничествомъ». Цѣлью ихъ жизни было *служить* народу. Одинъ его сынъ былъ, какъ и отецъ, мировымъ судьей, другой земскимъ врачомъ; дочь была фельдшерицей и вышла замужъ за земскаго доктора. Раньше у нихъ былъ большой кружокъ сверстниковъ, который поставилъ задачей: *всѣмъ* идти на земскую службу, заполонить цѣлый уѣздъ на разныхъ постахъ — медиками, учителями, агрономами и т. п. Они такъ и сдѣлали; захватили почти цѣликомъ въ свои руки Богородицкій уѣздъ Тульской губерніи. Другіе въ другихъ губерніяхъ и уѣздахъ, но дѣлали одно и то-же дѣло: служили народу по земству. *Эта* служба казалась имъ самой полезной и самой главной; все остальное въ свое время придетъ.

Любенковы сошли со сцены и кружокъ ихъ распался

еще до «освободительнаго движенія». Трудно предвидѣть, какъ бы этотъ кружокъ отнесся къ увлеченіямъ того времени. Но въ то время, когда я его помню, лозунгъ «долой самодержавіе», его не захватилъ бы; онъ нашелъ бы этотъ лозунгъ слишкомъ упрощеннымъ, книжнымъ, *не народнымъ* словомъ, «барскимъ» и «интеллигентскимъ». Въ этомъ отношеніи кружокъ Любенковыхъ былъ не моего поколѣнія.

Самъ старикъ помнилъ шестидесятые годы и сохранилъ культъ къ Александру II. Въ Тулѣ ставили памятникъ этому государю, и Любенковъ былъ приглашенъ на торжество. Уклониться онъ не хотѣлъ, но разсчитывалъ остаться въ тѣни. Этого ему не удалось, Губернаторъ Зиновьевъ его спровоцировалъ. Оффиціальную рѣчь свою онъ неожиданно кончилъ словами: «а о томъ, что сдѣлалъ Александръ II, пусть вамъ разскажетъ тотъ, кто лучше всѣхъ это сможетъ: Левъ Владиміровичъ Любенковъ». Отказаться было нельзя и Любенковъ заговорилъ. Эту рѣчь онъ намъ передавалъ; другіе разсказали о произведенномъ ею впечатлѣніи. Выходя на трибуну Любенковъ не зналъ, что онъ скажетъ. Но памятникъ Александру II, воздвигнутый въ эпоху реакціи, его воодушевилъ. Какъ онъ говорилъ, что-то сдавило ему горло и онъ началъ сразу повышеннымъ тономъ , указывая на бюстъ Александра II: «Великая тѣнь великаго прошлаго встала передъ нами — смотрите!» Послѣдовала вдохновенная импровизація, которая вышла цѣльной потому, что всѣ ея мысли были давно глубоко продуманы. Этому прошло столько времени, что въ памяти моей сохранился только общій планъ рѣчи и отдѣльныя фразы. Любенковъ превозносилъ Александра II за то, что онъ обновилъ русскую жизнь «идеями» *свободы и самоуправленія.* Онъ противопоставлялъ «идеямъ» то, что изъ нихъ «на практикѣ» получилось. Александръ II былъ изображенъ, какъ настоящій идеалистъ, ученикъ идеалиста Жуковскаго. Любенковъ картинно изображалъ его реформаторскую дѣятельность. «Онъ далъ народу свободу», говорилъ Любенковъ. — «Но какъ

же управлять имъ, Ваше Величество»? съ удивленіемъ спрашивали его приближенные. И Александръ отвѣчалъ: «пусть управляется самъ» и создалъ сельское и волостное самоуправленіе, волостные суды. Потомъ по тому же образцу уже для *всѣхъ* создалъ безсословное земство, университетскую автономію, судебную независимость. Наконецъ, онъ понесъ свободу и заграницу; освободилъ славянъ на Балканахъ. И на прежній вопросъ, *какъ* ими управлять, сказалъ тѣ-же слова: «пусть управляются сами», и далъ имъ конституцію. Любенковъ кончалъ выводомъ: «все, что было великаго въ шестидесятыхъ годахъ, всѣ великія *идеи* были провозглашены имъ, Александромъ II; а въ томъ, что изъ этого вышло, виноваты только *мы сами*». Пусть этой юбилейною рѣчью Александръ II былъ поставленъ на высоту имъ незаслуженную. *Но величіе идей* шестидесятыхъ годовъ и *идейный упадокъ* позднѣйшей политики были имъ изображены такъ убѣдительно, что самъ губернаторъ со слезами въ голосѣ повторялъ заключительныя слова: «да, мы, мы виноваты».

Такого культа Александра II *молодое* поколѣніе, собиравшееся у Любенковыхъ, уже не знало. Но отъ мысли, что просвѣщенный абсолютизмъ не сказалъ своего послѣдняго слова, оно не отказывалось. Конечно самоуправленіе оставалось его *главной* вѣрой. Сельскій сходъ, крестьянская община, которая еще не потеряла своего обаянія, въ представленіи людей этого настроенія были *неприкосновенны;* слѣдующимъ этапомъ, который народу надлежало *пройти,* было всесословное земство. Сфера мѣстныхъ непосредственныхъ интересовъ была народу доступна и въ ней онъ *могъ* быть хозяиномъ. Но зато сразу сдѣлать народъ вершителемъ судебъ *всего* государства, значило оказать народу плохую услугу, отдать его въ руки демагогіи; Самодержавіе еще должно было на общее благо сплачивать самоуправляющійся народный міръ въ государство. не дѣля своей верховной

власти съ «барскимъ» Парламентомъ. Эти «демократическія» настроенія, которыя не были *враждебны* Самодержавію, въ кружкѣ Любенковыхъ сохранялись долго. Помню споры послѣ злополучной рѣчи Николая II о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ». Ею всѣ возмущались; возмущались и тѣмъ, что молодой Императоръ сказалъ это старымъ людямъ, которые пріѣхали для поздравленія. Но сынъ Любенкова, убѣжденный народникъ, земскій врачъ Владиміръ Львовичъ выступилъ съ другой точкой зрѣнія. Онъ прочелъ докладъ, около котораго и завязались страстныя пренія. «Если дѣло въ невѣжливой фразѣ, говорилъ Владиміръ Львовичъ, этой «шаркунской» оцѣнки оспаривать я не буду. Я просто съ ней не считаюсь. Когда рѣчь идетъ о такомъ гигантскомъ принципѣ, какъ Самодержавіе, разсматривать его съ точки зрѣнія «свѣтскихъ манеръ» смѣшно». Но споръ по существу за Самодержавіе Любенковъ готовъ былъ принять. И такой споръ могъ происходить въ 95 г., и защиту Самодержавія могъ брать на себя человѣкъ такой исключительный искренности, какимъ былъ молодой Любенковъ! Еще удивительнѣй, что въ данномъ вопросѣ старикъ Любенковъ поддерживалъ позицію сына. Черезъ 40 лѣтъ я не помню всѣхъ доводовъ этого мнѣнія, но основной тенденціи ихъ не забылъ. Тогдашняго полицейскаго Самодержавія, конечно, никто не защищалъ; но, чтобы задачей было не исправленіе Самодержавія, а введеніе «конституціи», съ этимъ Любенковы не соглашались. Конституціонная практика Запада въ восторгъ ихъ не приводила; они указывали въ ней тѣ же недостатки, что и славянофилы. Въ неподготовленной, некультурной Россіи государственное самоуправленіе, по ихъ мнѣнію, было бы самообманомъ. Они предсказывали при конституціи образованіе класса профессіональныхъ политиковъ, у котораго заботы о благѣ народа переродятся въ тактику «уловленія» голосовъ; всеобщее избирательное право превратится въ подделку подъ народную волю; разумъ и «совѣсть» народныхъ представителей смѣ-

нятся подчиненіемъ новымъ деспотамъ-партіямъ, ихъ случайному большинству и безотвѣтственнымъ руководителямъ и т. д.

Вотъ какія мысли еще имѣли право гражданства въ 90-хъ годахъ. Не говорю о тѣхъ теченіяхъ мысли, которыя, предваряя современную моду, уже тогда смѣялись надъ «парламентскимъ кретинизмомъ», и «либерализмомъ» и предпочитали имъ якобинскія диктатуры, что сближало ихъ противъ ихъ воли и съ фашизмомъ и съ Самодержавіемъ. Могу сдѣлать одинъ общій выводъ; въ 90-хъ годахъ «конституція» панацеей еще не считалась; Самодержавіе не было для всѣхъ *общимъ и главнымъ врагомъ,* какъ это сдѣлалось позже.

Если позже оставались еще сторонники Самодержавія, то его «идеалисты» уже исчезали. За Самодержавіе стояли тогда или пассивные поклонники всякаго факта, или представители привилегированныхъ классовъ, которые понимали, что Самодержавіе ихъ охраняетъ. Эта перемѣна настроенія произошла на нашей памяти и на нашихъ глазахъ.

Глава III.

СТУДЕНЧЕСТВО МОЕГО ВРЕМЕНИ.

Настоящая глава писана не для этой книги и потому требуетъ извиненія. Въ 1930 году я написалъ свои «студенческія воспоминанія» для сборника въ память 175-лѣтія Московскаго Университета. Они оказались слишкомъ длинны для сборника; изъ нихъ были помѣщены только отрывки о Герье, Ключевскомъ и Виноградовѣ. Но я пользуюсь уже написаннымъ для настоящей книги. Читатели извинятъ, что у меня не хватило охоты воспоминанія радикально передѣлывать и что они носятъ слишкомъ личный характеръ. Но эпоха моего студенчества настолько характерна, что интересъ они могутъ представить.

Студенты моего поколѣнія даже внѣшнимъ образомъ принадлежали къ *переходной* эпохѣ. Мы поступили въ Университетъ послѣ Устава 84 года и носили форму; старшій курсъ ходилъ еще въ штатскомъ. Такъ смѣшались и различались по платью питомцы эпохи «реформъ» и питомцы «реакціи».

Уставъ 84 года былъ первымъ *органическимъ* актомъ *новаго* царствованія. Его Катковъ привѣтствовалъ извѣстной статьей: «Встаньте, господа! Правительство идетъ, правительство возвращается». Онъ предсказывалъ, что университетская реформа только начало и указуетъ направленіе «новаго курса». Онъ не ошибся. Реформа Университета имѣла цѣлью воспитывать новыхъ людей. Она сразу привела къ «достиженіямъ»; ихъ усмотрѣли въ посѣщеніи Московскаго Университета Александромъ III въ маѣ 86 г.

Конечно, для успѣха этого посѣщенія были приняты и полицейскія мѣры; но ими однѣми объяснить всего невозможно. Даже предвзятые люди не могли не признать, что молодежь вела себя не такъ, какъ полагалось ей по ея репутаціи. При пріѣздѣ государя она обнаружила настроеніе, которое до тѣхъ поръ бывало только въ привилегированныхъ заведеніяхъ. Такой восторженный пріемъ Государя не былъ возможенъ ни раньше, ни позже. Онъ произвелъ впечатлѣніе. Московскіе обыватели обрадовались, что «бунтовщики» *такъ* встрѣтили своего Государя. Катковъ ликовалъ. Помню его передовицу: «Все въ Россіи томилось въ ожиданіи правительства. Оно возвратилось.. И вотъ на своемъ мѣстѣ оказалась и наша молодежь...». Онъ описывалъ посѣщеніе Государя: «Радостные клики студентовъ знаменательно сливались съ кликами собравшагося около университета народа». И онъ заключалъ, что Россія вышла наконецъ изъ эпохи волненій и смутъ.

Легкомысленно дѣлать выводы изъ криковъ толпы; мы ихъ наслушались и въ 917 г., и теперь въ совѣтской Россіи.

Еще легкомысленнѣй было бы думать, что одного Устава могло быть достаточно, чтобы студенчество переродилось въ два года. Но не умнѣе воображать, что пріемъ былъ «подстроенъ» и что въ немъ приняли участіе только «подобранные» элементы студенчества. Онъ былъ новъ и знаменателенъ, и это надо признать.

Воспитаніе новаго человѣка началось собственно много раньше, еще съ «Толстовской гимназіи». Дѣло не въ классицизмѣ, который могъ самъ по себѣ быть благотворенъ, а въ стараніи гимназій создавать соотвѣтствующихъ «видамъ правительства» благонадежныхъ людей. Какъ жестока была эта система, можно судить по тому, что ея результаты оказывались тѣмъ печальнѣе, чѣмъ гимназія была лучше поставлена; ея главными жертвами были всегда преуспѣвшіе, *первые ученики*. Они потомъ меньше лѣнтяевъ оказывались приспособлены въ жизни. Но не гимназія и не Уставъ 84 года переродили студенческую массу къ 86 году; это сдѣлало настроеніе самого общества, которое къ этому времени опредѣлилось и которое студенчество на себѣ отражало.

Уставъ 84 года не могъ продолжать дѣло Толстовской гимназіи. Только старшіе студенты ощущали потерю нѣкоторыхъ прежнихъ студенческихъ вольностей и этимъ могли быть недовольны. Для вновь поступающихъ Университетъ и при новомъ Уставѣ въ сравненіи съ гимназіей былъ мѣстомъ такой полной свободы, что мы чувствовали себя на свѣжемъ воздухѣ. Насъ не обижало, какъ старшихъ, ни ношеніе формы, ни присутствіе педелей и инспекціи. Уставъ 84 года больнѣе ударилъ по профессорамъ, чѣмъ по *студентамъ*. Его основная идея относительно насъ, т.-е. попытка объявить студентовъ «отдѣльными посѣтителями университета» и запретить имъ «всякія дѣйствія, носящія характеръ корпоративный», никогда полностью проведена быть не могла.

Припоминаю характерный случай. Когда я былъ еще гимназистомъ, я отъ старшихъ слыхалъ много нападокъ на

новый Университетскій Уставъ и его негодность была для меня аксіомой. Послѣ Брызгаловскихъ безпорядковъ, гдѣ въ числѣ студенческихъ требованій стояло «долой новый уставъ», я какъ то былъ у моихъ товарищей по гимназіи Чичаговыхъ, сыновей архитектора, выстроившаго Городскую Думу въ Москвѣ. Разговоръ зашелъ о требованіи «отмѣны Устава». Безъ всякой ироніи, далекій отъ академической жизни, архитекторъ Д. Н. Чичаговъ насъ спросилъ: «Что собственно Вамъ въ новомъ Уставѣ не нравится»? Въ отвѣтъ мы ничего серьезнаго сказать не могли. *Мы не знали.* Намъ, новымъ студентамъ, Уставъ ни въ чемъ не мѣшалъ; мы стали говорить о запрещеніи библіотекъ, землячествъ, о несправедливостяхъ въ распредѣленіи стипендій. Д. Н. Чичаговъ слушалъ внимательно, видимо стараясь понять, и спросилъ въ недоумѣніи: «но вѣдь все это можно исправить, не отмѣняя Устава»? Позднѣе я зналъ, что было бы нужно противъ Устава сказать. А еще позднѣе я понялъ, что въ совѣтѣ архитектора Д. Н. Чичагова исправлять недостатки, не разрушая самого зданія, было то правило государственной мудрости, котораго не хватало не только моему поколѣнію.

Время студенчества (87—94) лично мнѣ дало очень много. Гимназистомъ я жилъ въ средѣ людей достигшихъ замѣтнаго и твердаго положенія въ обществѣ. Въ ней одной я не могъ бы увидѣть всего, что переживать въ молодые годы полезно. Къ счастью, моя студенческая жизнь подпала подъ другія вліянія. Я былъ въ возрастѣ, когда ничего не потеряно и жизнь можетъ опредѣляться случайностью. Она и произошла со мной въ ноябрѣ 87 года, т.-е. черезъ два мѣсяца послѣ моего поступленія въ Университетъ.

22-го ноября 87 года я былъ на очередномъ концертѣ студенческаго Оркестра и Хора. Оркестръ былъ привилегированнымъ студенческимъ учрежденіемъ; *его* концертъ былъ внѣшней причиной посѣщенія Государя. Я сидѣлъ въ боковыхъ залахъ Собранія, когда мимо прошелъ инспекторъ

Брызгаловъ. Я зналъ, что студенчеству онъ ненавистенъ, но съ нимъ лично не сталкивался. Едва онъ прошелъ, какъ изъ сосѣдней залы послышался трескъ и всѣ туда бросились. Студентъ Синявскій только что далъ Брызгалову пощечину. Этого я не видѣлъ своими глазами. Возможно, что зрѣлище насилія меня возмутило бы. Но когда я подбѣжалъ, Брызгалова уже не было, за то два педеля держали за руки блѣднаго, незнакомаго мнѣ студента. Его потащили къ выходу. Толпа студентовъ росла, пока его уводили. Я узналъ, что случилось, и это было для меня откровеніемъ. Въ моихъ глазахъ живо стояло лицо арестованнаго. Я понималъ, что его ожидаетъ. Въ первый разъ я видѣлъ передъ собой человѣка, который добровольно всей своей будущей жизнью за что-то пожертвовалъ. Это одно изъ впечатлѣній, которыя въ молодости не проходятъ безслѣдно.

Не я одинъ это чувствовалъ. Никто не зналъ, что надо дѣлать, но университетская традиція помогала. 24 ноября на дворѣ Стараго Зданія собралась толпа, человѣкъ 200 или 300 и стала кричать: «ректора». Это было тѣмъ, что именовалось «сходкой». Немедленно толпа запрудила Моховую и сквозь рѣшетку смотрѣла какъ «бунтуютъ» студенты. Сходка была сама по себѣ явленіемъ не опаснымъ; но власти съ ней не шутили. Черезъ нѣсколько минутъ прибыли конныя войска съ Тверской и Никитской и Университетъ со всѣхъ сторонъ оцѣпили. «Бунтъ» былъ оформленъ. Пріѣхалъ попечитель, уговаривалъ разойтись; его освистали. Сходку пригласили въ актовый залъ; вышелъ ректоръ, студентъ Гофштеттеръ изложилъ ему различныя требованія, начиная съ освобожденія Синявскаго и отставки Брызгалова и кончая отмѣной Устава. «Виновныхъ» переписали, отобрали билеты и запретили входъ въ Университетъ до окончанія надъ ними суда. Участниковъ сходки было такъ мало, что занятія въ университетѣ послѣ этого продолжались и только городовые, которые у входа провѣряли билеты, напоминали, что въ университетѣ былъ только что

бунтъ. Но безпорядки питаютъ сами себя. Сочувствіе къ участникамъ сходки помогало расширенію неудовольствія. Тѣ, кому запретили входъ въ университетскія зданія, стали собираться на улицахъ. Въ четвергъ 26 ноября состоялась большая сходка на Страстномъ Бульварѣ. Ее разогнали силой, кое-кто пострадалъ; разнесся слухъ, будто оказались *убитые*. Тогда негодованіе охватило рѣшительно всѣхъ. Тщетно сконфуженная власть эти слухи опровергала; напрасно тѣ, кого считали убитыми, оказывались на провѣркѣ въ добромъ здоровьи. Никто не вѣрилъ опроверженіямъ и они только больше насъ возмущали. Помню резоны П. Д. Голохвастова, который меня успокаивалъ: «вы не могли убитыхъ назвать и за это на власть негодуете. Не можетъ же она убить кого-либо для Вашего удовольствія?» Эта шутка казалась кощунствомъ. Въ Университетѣ не могло состояться ни одной уже лекціи. Попечитель туда показавшійся въ субботу былъ снова освистанъ. Университетъ пришлось закрыть, чтобы дать страстямъ успокоиться. За Московскимъ университетомъ аналогичныя движенія произошли и въ другихъ и скоро пять русскихъ университетовъ оказались закрытыми.

Это пустое событіе произвело громадное впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Либеральная общественность ликовала: Университетъ за себя постоялъ. «Позоръ» царскаго посѣщенія былъ теперь смытъ. Катковъ, который къ осени 87 г. уже умеръ, былъ посрамленъ въ своей преждевременной радости. Молодежь оказалась такой, какой бывала и раньше. Конечно, въ газетахъ нельзя было писать о безпорядкахъ ни единаго слова, но стоустая молва этотъ пробѣлъ пополняла. Студенты чувствовали себя героями. На ближайшей Татьянѣ въ Стрѣльнѣ и въ Ярѣ насъ осыпали хвалами ораторы, которыхъ мы по традиціи Татьянина дня выволакивали изъ кабинетовъ для произнесенія рѣчи. С. А. Муромцевъ, какъ всегда величавый и важный, намъ говорилъ, что студенческое поведеніе даетъ надежду на то, что

у насъ создастся то, чего къ несчастью еще нѣтъ — русское общество. Безъ намековъ, ставя точки на і, насъ восхвалялъ В. А. Гольцевъ: Татьянинъ день по традиціи былъ днемъ безцензурнымъ и за то, что тамъ говорилось, ни съ кого не взыскивалось. Но эти похвалы раздавались по нашему адресу не только въ взвинченной атмосферѣ Татьянина дня. Я не забуду, какъ Г. А. Джаншіевъ мнѣ наединѣ объяснялъ, какой камень мы — молодежь—сняли съ души всѣхъ тѣхъ, кто уже переставалъ вѣрить въ Россію.

А между тѣмъ безпорядки 87 г. должны были бы скорѣе привести къ обратному выводу. Наблюдательному человѣку они могли показать, что молодежь не та, что была раньше, что даже та среда, которая оказалась способна на рискъ, откликнулась только на призывъ къ студенческой солидарности, а никакой «политики» не хотѣла и не шла дальше чисто университетскихъ вопросовъ. Вотъ сценка, на которой я присутствовалъ самъ.

На сходкѣ 26 ноября на Страстномъ бульварѣ студенты заполняли бульваръ, сидѣли на скамьяхъ и гуляли ожидая событій. Вдругъ прошелъ слухъ, что на бульварѣ есть «посторонніе» люди, которые хотѣли «вмѣшать въ дѣло политику». Надо было видѣть впечатлѣніе, которое это извѣстіе произвело на собравшихся. Мы бросились по указанному направленію. На скамьѣ рядомъ со студентами въ формѣ сидѣлъ штатскій въ сѣрой барашковой шапкѣ. «Это Вы хотите вмѣшать въ наше дѣло *политику?*» Его поразила въ устахъ студенчества такая постановка вопроса. Онъ сталъ объяснять, что надо использовать случай, чтобы высказать нѣкоторыя общія пожеланія. Дальше слушать мы не хотѣли. «Если вы собираетесь это сдѣлать, мы тотчасъ уходимъ; оставайтесь одни». Студенческая толпа поддерживала насъ сочувственными возгласами. Онъ объявилъ, что если мы не хотимъ, то, конечно, онъ этого дѣлать не станетъ. Долго говорить не пришлось. Показались казаки и жандармы и началось избіеніе.

Этотъ эпизодъ характеренъ. Человѣкъ въ сѣрой барашковой шапкѣ не былъ совсѣмъ «постороннимъ»; онъ былъ студентомъ юристомъ 4-го курса. Только онъ былъ *старшаго* поколѣнія. И мы уже не понимали другъ друга. Слово «политика» *насъ* оттолкнуло. А *мы* были *большинство* въ это время; отъ *насъ* зависѣла удача движенія; и «политики» мы не хотѣли. Ея дѣйствительно и не было въ безпорядкахъ этого года. Потому они и сошли для всѣхъ такъ благополучно. Власть опасности въ нихъ не увидѣла и успокоилась. Пострадавшій Брызгаловъ былъ смѣщенъ и скоро умеръ. На его мѣсто былъ назначенъ прямой его антиподъ, С. В. Добровъ. Синявскій отбывъ въ арестантскихъ ротахъ трехлѣтнее наказаніе, вернулся въ Москву. Я съ нимъ познакомился; историческіе герои теряютъ при близкомъ знакомствѣ. Я могу сказать положительно: громадное большинство университетской молодежи того времени на «политику» не реагировало.

Не могу сразу разстаться съ сѣрой барашковой шапкой. Судьба насъ впослѣдствіи сблизила. Но слѣдующая встрѣча была забавна и характерна.

Этой зимой былъ юбилей Ньютона, который праздновался въ соединенномъ засѣданіи нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, подъ предсѣдательствомъ профессора В. Я. Цингера. Какъ естественникъ, я пошелъ на засѣданіе. Было много студентовъ. Мы увидали за столомъ Д. И. Менделѣева. Онъ былъ въ это время особенно популяренъ, не какъ великій ученый, а какъ «протестантъ». Тогда разсказывали, будто во время безпорядковъ въ Петербургскомъ университетѣ Менделѣевъ заступился за студентовъ и вызванный къ Министру Народнаго Просвѣщенія, на вопросъ послѣдняго, знаетъ ли онъ, Менделѣевъ, что его ожидаетъ, гордо отвѣтилъ: «знаю; лучшая каѳедра въ Европѣ». Не знаю, правда ли это, но намъ это очень понравилось, и Менделѣевъ сталъ нашимъ героемъ. Неожиданно увидѣвъ его въ засѣданіи, мы рѣшили, что этого *такъ оставить* нельзя.

Во время антракта мы заявили Предсѣдателю Цингеру, что если Менделѣеву не будетъ предложено почетное предсѣдательство, то мы сорвемъ засѣданіе. В. Я. Цингеръ съ сумасшедшими спорить не сталъ. И хотя Менделѣевъ былъ спеціально приглашенъ на это собраніе, хотя его присутствіе сюрпризомъ не было ни для кого, кромѣ насъ, послѣ возобновленія засѣданія Цингеръ заявилъ торжественнымъ тономъ, что узнавъ, что среди насъ присутствуетъ знаменитый ученый (кто-то изъ насъ закричалъ «и общественный дѣятель») Д. И. Менделѣевъ, онъ проситъ его принять на себя почетное предсѣдательствованіе на остальную часть засѣданія. Мы неистово аплодировали и вопили. Публика недоумѣвала, но не возражала. Мы были довольны. Но на утро, вспоминая происшедшее, я нашелъ, что надо еще что-то сдѣлать. Въ моментъ раздумій я получилъ приглашеніе придти немедленно на квартиру С. П. Невзоровой по неотложному дѣлу.

Два слова объ этой квартирѣ. Старушка С. П. Невзорова, сибирская уроженка, въ очкахъ, со стриженной сѣдой головой, была одной изъ многочисленныхъ хозяекъ квартиръ, гдѣ жили студенты. Это было особой профессіей; для однихъ содержаніе такихъ квартиръ было «коммерціей», для другихъ «служеніемъ обществу». Софья Петровна была типичной хозяйкой второй категоріи; она жила одной жизнью со своими молодыми жильцами и со всѣми, кто къ нимъ приходилъ. Защитница ихъ и помощница, ничего для нихъ не жалѣвшая, все имъ прощавшая, не знавшая другой семьи, кромѣ той, которая у нея образовалась, она устроила у себя центръ студенческихъ конспирацій. Каждый могъ къ ней привести переночевать нелегальнаго, спрятать запрещенную литературу, устроить подозрительное собраніе и т. д. А въ мирное время къ ней собирались почти каждый вечеръ то тѣ, то другіе. Совмѣстно въ честь хозяйки готовили сибирскія пельмени, пока кто-нибудь читалъ вслухъ новинки литературы (какъ сейчасъ помню выходив-

шую тогда въ «Вѣстникѣ Европы» щедринскую «Пошехонскую старину»). Потомъ поглощали пельмени, запивая чаемъ или пивомъ, и пѣли студенческія пѣсни. Иногда спорили до потери голоса и хрипоты. Такія квартиры были во всѣ времена. Въ нихъ разсказывалъ Лежневъ въ Тургеневскомъ Рудинѣ. Они не мѣняли характера въ теченіе вѣка. Ибо главное — 20 лѣтъ у участниковъ—оставались всегда. Много воспоминаній связано у меня съ такими квартирами. Они дополнительно воспитывали питомцевъ толстовской гимназіи. Не всѣмъ были по вкусу нравы подобныхъ квартиръ. Когда мой братъ Николай, будущій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, сталъ студентомъ, я его привелъ къ Софьѣ Петровнѣ. Все тамъ его удивляло и коробило; онъ не прошелъ моей школы. А его вѣжливость и воспитанность поливали холодной водой нашу публику. Болѣе онъ сюда не ходилъ, да я его и не звалъ. Возвращаюсь къ разсказу.

У С. П. Невзоровой я засталъ тогда цѣлое общество. Былъ и ставшій позднѣе извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ Г. А. Фальборкъ, вѣчно кипятящійся, все преувеличивающій, типъ политическаго Хлестакова. Не знаю, *кѣмъ* онъ былъ въ это время. Но навѣрное исключеннымъ студентомъ; это было его обычное состояніе. Онъ пришелъ сказать, что пріѣздъ Менделѣева надо использовать, послать къ нему депутацію; увѣрялъ, что съ Менделѣевымъ онъ очень друженъ, что предупредилъ его о депутаціи и что онъ ее ждетъ. Менделѣевъ пробудетъ еще нѣсколько дней, но откладывать нечего. Надо идти. Всѣ немедленно согласились быть въ депутаціи. Никто себя не спросилъ, зачѣмъ и главное *отъ кого* идетъ депутація? Ждали только Гуковскаго. Я слыхалъ это имя, но до тѣхъ поръ его не встрѣчалъ. Когда онъ явился, я неожиданно узналъ въ немъ незнакомца въ сѣрой барашковой шапкѣ.

Мы двинулись въ путь. Фальборкъ довелъ насъ до «Европы», гдѣ стоялъ Менделѣевъ, но съ нами войти не захотѣлъ. Говорилъ, что ему, какъ близкому другу Менде-

лѣева, въ депутаціи неловко участвовать. Входя по лѣстницѣ, мы рѣшили, что начнемъ съ того, что явились, какъ депутація. Въ разговорѣ станетъ понятно, о чемъ говорить. На стукъ въ дверь кто-то отвѣтилъ: «войдите». За перегородкой передней мы увидали проф. А. Г. Столѣтова и остолбенѣли. Перспектива его встрѣтить намъ въ голову не приходила, а разговоръ *при немъ* не прельщалъ. Мы стояли въ передней и переглядывались. Чей-то голосъ нетерпѣливо сказалъ: «Ну что-же, входите». И показалась фигура Менделѣева. Тогда одинъ изъ насъ объявилъ торжественнымъ тономъ: «депутація Московскаго Университета». Менделѣевъ какъ-то стремительно бросился къ намъ, постепенно вытѣснялъ насъ назадъ въ корридоръ, низко кланялся, торопливо жалъ всѣмъ намъ руки. Онъ говорилъ «благодарю, очень благодарю, но извините, не могу, никакъ не могу». Когда мы очутились въ корридорѣ, онъ держась рукой за дверь все еще кланялся, повторялъ «благодарю, не могу» и скрылся. Щелкнулъ замокъ. Мы разошлись не безъ конфуза.

Въ этотъ день я пошелъ на засѣданіе Московскаго губернскаго земства. Вспоминая объ утреннемъ посѣщеніи, я рѣшилъ одинъ отправиться опять къ Менделѣеву узнать, *что* означалъ такой странный пріемъ. Гостиница была въ двухъ шагахъ. Мнѣ отвѣтили, что Менделѣевъ съ почтовымъ поѣздомъ уѣхалъ назадъ въ Петербургъ. Дѣлать было нечего. Но черезъ нѣсколько дней кто-то изъ профессоровъ при мнѣ разсказывалъ моему отцу, что, заѣхавъ къ Менделѣеву въ назначенный часъ, онъ засталъ его на отъѣздѣ. Менделѣевъ объяснилъ, что пріѣхалъ на нѣсколько дней отдохнуть и кое-кого увидать, но что здѣсь всѣ рехнулись. Наканунѣ ему приподнесли «сюрпризъ» предсѣдательствованія, а на другой день въ одно утро пришло 4 или 5 студенческихъ депутацій. Онъ принялъ одну, не зная въ чемъ дѣло; остальныхъ не сталъ и пускать. Но понявъ, что ему не дадутъ здѣсь покоя, поторопился уѣхать.

Когда мы разсказали про наше посѣщеніе Фальборку, онъ не смутился. Онъ далъ намъ тонко понять, будто на Менделѣева было произведено властями давленіе и что его изъ Москвы удалили. Это объясненіе намъ больше понравилось. Я разсказалъ объ этомъ шутовскомъ эпизодѣ потому, что онъ очень типиченъ. На почвѣ дезорганизованности студенческой массы, такъ фабриковали тогда *депутаціи*, которыя считали себя въ правѣ говорить отъ имени всѣхъ.

А. И. Гуковскаго я потомъ видалъ очень часто. Годами онъ былъ не много старше меня, но безконечно старше опытомъ и развитіемъ. Въ глазахъ моего поколѣнія онъ и его сверстники казались стариками, которые видали лучшіе дни. Мы относились къ нимъ съ уваженіемъ, но ихъ не понимали и за ними не шли. Въ грубой формѣ это сказалось, когда мы грозили уйти со Страстного бульвара. Это всегда ощущалось позднѣе. Насъ уже раздѣляла какая-то пропасть. Говорю при этомъ только про идейную молодежь нашего времени, не «бѣлоподкладочниковъ». Лично я испытывалъ это съ Гуковскимъ. Я бывалъ у него очень часто; онъ меня просвѣщалъ политически; давалъ мнѣ литературу, но держался отъ меня въ сторонѣ. Я никогда его не спрашивалъ, даже когда увидался съ нимъ здѣсь въ Парижѣ, узналъ ли онъ меня въ числѣ тѣхъ, кто на Страстномъ бульварѣ заставилъ его замолчать. По той или другой причинѣ тогда онъ мнѣ или не вѣрилъ, или меня щадилъ. Скоро онъ былъ арестованъ и посаженъ на три года въ Шлиссельбургскую крѣпость. Несмотря на мою близость съ нимъ, я ни къ чему не оказался примѣшанъ. Про его связь съ активными революціонерами и про его дѣятельность я не зналъ ничего.

Хочу добавить одинъ штрихъ къ фигурѣ А. Гуковскаго. Онъ стоилъ гораздо больше, чѣмъ его оцѣнила судьба. Когда я былъ уже филологомъ и работалъ у проф. Виноградова, я получилъ письмо отъ Гуковскаго. Выпущенный изъ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ въ припадкѣ душевнаго

разстройства онъ выбросился изъ окна и разбился, онъ жилъ гдѣ-то въ провинціи. Въ это время я былъ занятъ однимъ предпріятіемъ, въ которомъ участвовалъ и Виноградовъ. Кружокъ студентовъ затѣялъ издательство. Пользуясь отсутствіемъ конвенціи объ авторскомъ правѣ, мы задумали выпускать переводы политическихъ и историческихъ классиковъ по грошевой цѣнѣ. Всѣ работали даромъ: переводы оплачивались пятью рублями за листъ. Мы могли выпускать книги за четвертакъ. Виноградовъ руководилъ этимъ дѣломъ. Въ числѣ намѣченныхъ переводовъ была книга Токвиля «L'Ancien régime». Но сколько ни представляли Виноградову образчиковъ перевода, онъ ихъ браковалъ. Переводить Токвиля было трудно и было стыдно выпустить *плохой* переводъ такого стилиста, какъ онъ. Получивъ письмо отъ Гуковскаго, который владѣлъ прекрасно перомъ, (онъ сочинялъ всѣ студенческія прокламаціи), я предложилъ ему неудававшійся переводъ. Онъ согласился и скоро прислалъ двѣ главы на просмотръ. Они привели въ восторгъ Виноградова; переводъ былъ не только лучше другихъ, но хорошъ абсолютно. Мы послали ему деньги и ждали дальнѣйшихъ главъ. Неожиданно я получилъ второе письмо отъ Гуковскаго. Переводя Токвиля, онъ нашелъ, что это сочиненіе отсталое и что распространять его вредно; поэтому онъ отъ перевода отказывается и полученныя деньги возвращаетъ намъ назадъ. Не помню его аргументовъ. Виноградовъ самъ ему отвѣчалъ, настойчиво доказывая, что сочиненіе Токвиля полезно. Я же отъ себя добавлялъ, что онъ насъ подводитъ и что его трудно сейчасъ замѣнить. Мы получили отъ Гуковскаго характерный отвѣтъ. Онъ подробно объяснилъ, почему доводы Виноградова его не убѣдили; но такъ какъ подводить насъ онъ не хотѣлъ, то переводъ онъ все-таки кончитъ. Но не желая быть прикосновеннымъ къ сомнительному дѣлу, отъ полученія денегъ отказывался.

Участіе въ безпорядкахъ сблизило меня со студенческой массой. Безъ нихъ этого сближенія могло и не быть.

Для москвича поступленіе въ Университетъ не мѣняло всей жизни. Только провинціалы, пріѣзжая въ чужой городъ, держались другъ друга, жили семьей старыхъ и новыхъ товарищей. Они создали кружки, землячества, общежитія и другіе суррогаты со своими традиціями. Запретъ коллективной жизни загонялъ студентовъ въ подполье, которое оставалось для власти за «предѣлами досягаемости». Безпорядки сблизили меня съ этой средой. Я ей многимъ обязанъ. Кончая гимназію, я казался подготовленнымъ не хуже другихъ. Но студенчество открыло мнѣ области, о которыхъ я не зналъ ничего. На одной вечеринкѣ спросили меня: «считаю ли я Лассаля практикомъ или теоретикомъ?» А я тогда еще *ничего* не слыхалъ о Лассалѣ. Я сталъ подъ руководствомъ старшихъ товарищей изучать, что полагалось знать въ то время передовому студенту. Наука была не хитра. Было достаточно прочесть списокъ *запрещенныхъ* въ библіотекахъ книгъ. Въ этихъ книгахъ было много отсталаго. Но противъ яда Толстовской гимназіи это было и полезнымъ противоядіемъ и необходимой школой ума.

Я настолько тѣсно сблизился тогда съ студенческой жизнью, что могу ставить вопросъ: что представляло собой студенчество этихъ годовъ? Характерно, что этотъ вопросъ мы *тогда* ставили сами.

Мы разъ затѣяли даже разрѣшить его научнымъ путемъ. Мы собрались разослать всѣмъ студентамъ вопросникъ: къ какому каждый принадлежитъ міровоззрѣнію, что, по его мнѣнію, сейчасъ нужно дѣлать, какъ онъ относится къ различнымъ популярнымъ людямъ и т. д. «Анкетой», которыми сейчасъ журналы забавляютъ читателей, мы хотѣли опредѣлить физіономію поколѣнія.

Это показывало, что у насъ было неблагополучно. Люди смотрятся въ зеркало, когда подозрѣваютъ, что у нихъ не все въ порядкѣ. И это мы ощущали. У нашего поколѣнія не было идейныхъ вождей. Не было *вѣры;* были «знанія» и

«скептицизмъ». Въ юные годы на насъ вымѣщались разочарованія нашихъ отцовъ. Ключевскій имѣлъ привычку говорить въ своей вступительной лекціи: «у всякаго поколѣнія свои идеалы; у меня одни, у Васъ, господа, другіе; но жалко то поколѣніе, у котораго нѣтъ идеала». Слушая его мы себя спрашивали: «не на насъ ли онъ намекаетъ»?

Увлеченія 60-хъ годовъ намъ казались наивны. Мы не увлекались ни «матеріализмомъ», ни «атеизмомъ», ни «позитивизмомъ». Все это мы переросли — и уже не понимали, что Писаревъ могъ быть властителемъ думъ. Но у насъ не было и противоположныхъ вѣрованій. Мы на все глядѣли глазами скептиковъ. Помню людей, въ которыхъ была какая-то жажда во что-то «повѣрить» и которые предмета вѣры не находили. Такъ бываютъ женщины, которымъ страшно хочется полюбить, но которыя этого не могутъ.

Всего нагляднѣе нашъ скептицизмъ обнаруживался въ «политической» области. 26-го ноября на Страстномъ бульварѣ насъ оттолкнуло самое слово «политика»; въ проектѣ вопросника никому не пришло въ голову спросить о принадлежности къ *партіи*.

Мы не принесли съ собой *своего* «новаго слова»; не пережили политической *катастрофы*, не были «дѣти страшныхъ лѣтъ Россіи». У насъ не было основаній для того душевнаго перелома, когда молодежь сжигаетъ то, чему поклонялись отцы. Никогда не было такъ мало принципіальной розни между «дѣтьми» и «отцами»; мы бы были рады ихъ слушать. Но что могли намъ дать они съ ихъ психологіей побѣжденныхъ и это сознавшихъ? Ихъ идеалы мы принимали за наши; готовы были имъ слѣдовать. Но что съ ними надо было дѣлать въ условіяхъ тогдашней русской дѣйствительности?

Въ старыхъ революціонерахъ мы готовы были видѣть «героевъ»; возмущались, когда на нихъ нападали. Но въ успѣхъ ихъ дѣятельности больше не вѣрили. Попытки впрочемъ исходящія быть можетъ отъ «провокаторовъ» пе-

ревести насъ въ революціонную вѣру соблазняли отдѣльныхъ людей, но не создали замѣтнаго направленія. Недавній поучительный опытъ не былъ забытъ.

Не удовлетворялъ и классическій «либерализмъ». Мы понимали, что Самодержавіе наше несчастье. Но что надо было дѣлать «конституціоналистамъ» безъ конституціи? Намъ разсказывали о величіи шестидесятыхъ годовъ. Но тогда власть *хотѣла* реформъ; а что дѣлать *теперь*, когда она ихъ уничтожаетъ? Соблазнять насъ разсказами о 60-хъ годахъ было равносильно тому, чтобы сейчасъ въ совѣтской Россіи расписывать, какъ хорошо жилось при конституціи 906 года. Что *намъ* было дѣлать? Старый либерализмъ отвѣта на это не давалъ; но мы и не могли смотрѣть на него съ осужденіемъ, съ которымъ теперешняя молодежь смотритъ на насъ:

«Съ насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ».

Наши отцы ничего не «промотали», какъ мы въ наше время. Они были побѣждены грубою силою. Но *новой* мечты и мы съ собой не принесли. То, что было типично для 80-хъ годовъ, т. е. отказъ отъ великихъ «надеждъ», проповѣдь «малыхъ дѣлъ» и «достиженій», приспособленіе къ дѣйствительности не могло *увлекать* молодежь. И она отъ политики отстранялась. Моимъ однокурсникомъ на Естественномъ факультетѣ былъ тогда А. И. Шингаревъ. Кто зналъ его позже, съ трудомъ можетъ повѣрить, что онъ интересовался только наукой—ботаникой; въ безпорядкахъ участія не принималъ и пока былъ студентомъ никакой общественной дѣятельностью не занимался.

А тотъ, у кого билась жилка общественной дѣятельности, искалъ выхода ей въ какой-нибудь *легальной* работѣ. Вѣдь именно этому учили насъ сломленные жизнью наши

отцы. Мы знали стихотвореніе Некрасова Щедрину. Некрасовъ звалъ его вернуться на прежній путь:

«На путь, гдѣ шагу мы не ступимъ
Безъ сдѣлокъ съ совѣстью своей,
Но гдѣ мы снисхожденье купимъ
Трудомъ у мыслящихъ людей».

Это считалось необходимостью. Иначе нельзя. Необходимость уступокъ и компромиссовъ насъ не смущала, точно такъ-же какъ въ былое время революціонеровъ не пугала *опасность*. Такъ поступали и старшіе. Это было время, когда Н. М. Астыревъ пошелъ въ «волостные писаря», зная, на что онъ идетъ. Тотъ-же Астыревъ въ книгѣ своей разсказалъ о громадной пользѣ, которую народу принесъ *Становой Приставъ* Бѣльскій. Самой одіозной реформой 80-хъ годовъ было Положеніе о Земскихъ Начальникахъ. А я помню, какъ М. О. Гершензонъ меня старался увѣрять, что нѣтъ болѣе полезнаго и почетнаго дѣла, какъ быть земскимъ начальникомъ. И въ нихъ дѣйствительно шли не одни «обуздатели», а и идейные люди, А. А. Чернолусскій, С. Л. Толстой. Конечно, они не преуспѣли, но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что они на это *пошли*, и что никто не клеймилъ этого, какъ измѣну.

Люди болѣе крайніе принимали и рѣшенія болѣе радикальныя. 80-ые годы стали эпохой Толстовства. Если религіозная проповѣдь Л. Толстого большинству была непонятна, то имѣло успѣхъ устройство «колоній». Это была попытка создать ячейку «идеальнаго общества», но опять-таки въ рамкахъ существовавшаго государства. Это мы принимали. Все это были явленія эпохъ упадка, блужданія, индивидуальныя попытки найти хотя бы для себя дорогу въ пустынѣ, въ которой всѣ заблудились. Но сознаніе, что мы «въ пустынѣ», насъ не покидало. Оно было всеобщимъ. Мы не догадывались, что эта эпоха упадка доживаетъ послѣдніе дни и что скоро придетъ и вѣра, и дѣятельность.

Эти настроенія отражались въ студенческой жизни этого времени.

Безпорядки 87 года кончились нашей побѣдой, потому что мы хотѣли немногаго. Брызгалова удалили и для умиротворенія этого уже оказалось достаточно. Синявскаго не помиловали; но о немъ скоро забыли. Требованіе: «долой новый уставъ» было фразой, которую въ серьезъ не принимали. Еще до возобновленія занятій я говорилъ объ этомъ съ Ключевскимъ. Разсчитывая, что его слова дойдутъ до другихъ, онъ мнѣ доказывалъ, почему нельзя требовать этого. Уставъ 84 года сочинялся многіе годы; его нельзя просто взять да отмѣнить; надо будетъ его пересматривать, а покуда это будетъ сдѣлано насъ давно въ университетѣ не будетъ. Ключевскій притворялся серьезнымъ. Но онъ не предвидѣлъ, что въ августѣ 905 года по совѣту Д. Ф. Трепова именно такъ будетъ поступлено съ уставомъ 84 года.

Когда черезъ 1½ мѣсяца Университетъ былъ снова открытъ уже безъ Брызгалова, студенты могли убѣдиться, что не только въ рамкахъ существовавшаго строя, но даже въ рамкахъ Устава 84 года жизнь фактически могла измѣниться. Студенты продолжали считаться «отдѣльными посѣтителями университета», всякая корпоративная дѣятельность попрежнему имъ запрещалась. Но на дѣлѣ все пошло по иному.

Безпорядки намъ показали, какъ студенчество плохо организовано, и какъ только гнетъ надъ нимъ былъ ослабленъ, начался естественный процессъ организаціи. Сверху ему не мѣшали. Землячествъ не разрѣшили, но на нихъ смотрѣли сквозь пальцы и они расцвѣли. Создалось даже ихъ объединеніе: Центральная Касса. Позднѣе, когда она стала именоваться «Союзнымъ Совѣтомъ», она измѣнила характеръ и сыграла въ жизни Университета замѣтную роль руководителя. Основалось землячество «Москвичей». Въ немъ *прежде* надобности не ощущалось. Но на землячество мы уже стали смотрѣть не съ точки зрѣнія «самопомо-

щи», а какъ на обязательный способъ организаціи всего студенчества въ цѣломъ. Въ качествѣ таковогo оно стало нужно. Съ нѣсколькими товарищами мы его создали. Помню какъ многіе все-таки идти въ него «сомнѣвались».

Но земляческая среда для объединенія была слишкомъ громоздка. Къ ней присоединили другую; на старшихъ курсахъ медицинскаго факультета существовалъ институтъ курсовыхъ старостъ для распредѣленія студентовъ на группы при практическихъ занятіяхъ въ клиникахъ. Этотъ институтъ мы рѣшили распространить повсемѣстно. Курсовые старосты выбирали изъ себя факультетскихъ; изъ нихъ составился нѣкій центральный органъ изъ 4 человѣкъ. Полу-шутя мы его называли высокопарнымъ терминомъ «боевой организаціи». Такъ возникъ аппаратъ объединенія студентовъ «по-аудиторно».

Стали возстанавливать и другія уничтоженныя или придушенныя учрежденія; напримѣръ: столовую, подъ покровомъ «Общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ». Стали расти и множиться кружки саморазвитія. Это не выходило за рамки студенческихъ интересовъ. Студенты оставались чужды политикѣ и на провокацію къ ней не подавались. Охранное Отдѣленіе было бы радо въ нее студентовъ втянуть, но для этого и оно оказалось безсильнымъ. «Политики» не было даже тогда, когда по внѣшности можно было бы ее заподозрить. Разскажу примѣръ этого.

Въ 89 году умеръ Н. Г. Чернышевскій. Онъ былъ изъ ссылки уже возвращенъ, жилъ въ Саратовѣ, не занимался политикой. Но его громкаго имени все же боялись. Незадолго до его смерти въ «Русской Мысли» была напечатана его статья *противъ* дарвинизма, за подписью «старый трансформистъ». Всѣ знали кто авторъ, но имени его называть позволено не было. Молодое поколѣніе Чернышевскаго уже не читало. Но его не забыли. Тогда даже въ учебникѣ Русской Исторіи Иловайскаго былъ помѣщенъ пренебрежитель-

ный отзывъ о его романѣ «Что дѣлать». А въ студенческой пѣснѣ сохранялся куплетъ:

«Выпьемъ мы за того,
Кто «Что дѣлать» писалъ,
За героевъ его,
За его идеалъ».

Чернышевскій былъ для насъ символомъ лучшего прошлаго. Кромѣ того онъ пострадалъ за убѣжденія, былъ жертвой несправедливости. Его смерть кое-что во всѣхъ затронула. Власти хотѣли бы, чтобы она прошла незамѣтно. Лаконическое оповѣщеніе о ней было допущено въ газетахъ въ отдѣлѣ извѣстій. Панихидъ назначено не было. Мы, студенты, рѣшили, что этой смерти безъ отклика оставить нельзя. Не предупреждая священника, мы заказали въ церкви Дмитрія Солунскаго, противъ памятника Пушкина, панихиду въ память «раба Божія Николая». Объявленій въ газетахъ не помѣщали; но посредствомъ нашей «боевой организаціи» оповѣстили студенчество по аудиторіямъ.

Призывъ имѣлъ необыкновенный успѣхъ. Церковь была переполнена; многіе стояли на улицѣ. Я съ паперти наблюдалъ, какъ со всѣхъ сторонъ непрерывными струями вливались студенты. Встревоженный священникъ сначала отказался служить; его упросили, запугали или подкупили — не знаю. Власти панихиды не ожидали; мѣръ принять не успѣли. Это было скандаломъ. Въ декабрѣ 87 года, въ десятилѣтіе смерти Н. А. Некрасова, была задумана панихида по немъ въ той церкви Большого Вознесенія, гдѣ была свадьба Пушкина и которую большевики разломали. Некрасовъ не чета Чернышевскому; онъ былъ человѣкомъ легальнымъ. Годовщина его смерти была всей прессой отмѣчена. И все-таки, только потому, что иниціаторами панихиды были неизвѣстные люди, которые что-то организовали безъ вѣдома власти, и разослали приглашеніе на панихиду,

церковь заперли, подходящихъ къ ней переписывали, и нѣсколькихъ лицъ — Фальборка, Новоселова (позднѣе основателя Толстовской Колоніи, а еще позднѣе священника) *арестовали.* Но на нашей панихидѣ произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное. Изъ церкви всѣ сами собой пошли процессіей въ университетъ. Это было по тому времени уже чрезвычайнымъ «событіемъ». Громадная толпа студентовъ шла по Тверскому бульвару и по Никитской безъ криковъ, безъ пѣнія, спокойно и стройно. Но это все же была уличная демонстрація; она всѣхъ захватила врасплохъ. Мы прошли мимо дома оберъ-полицеймейстера; несчастные городовые не знали, что съ нами дѣлать. Дошли до университета и вошли толпой въ садъ. Это была уже «сходка». И опять характерно для этого времени. Нѣкоторые хотѣли демонстрацію продолжать, произнести соотвѣтствующія случаю рѣчи. Большинство тотчасъ же заподозрило въ этомъ «политику» и не захотѣло. А когда стали настаивать, поднялись споры и шумъ и всѣ разошлись.

«Походъ по Тверскому бульвару», какъ его тогда называли, произвелъ впечатлѣніе. Генералъ-губернаторъ былъ недоволенъ. Замѣшанъ былъ Чернышевскій; это казалось «*политикой*». Кромѣ того, обнаружилась организація. Администрація не была способна понять, что этотъ «инцидентъ» наоборотъ показалъ, насколько студенчество, даже организованное и передовое, было все-же лойяльно настроено. Конечно, выступленіе обнаружило, что студенчество было не тѣмъ, чѣмъ его хотѣли бы видѣть; оно не относилось *враждебно* къ 60-мъ годамъ, почитало *прежнихъ* властителей думъ. Но выраженіе сочувствія памяти Чернышевскаго не превратилось въ антиправительственную демонстрацію, не осложнилось выходками противъ властей. Оно со стороны студенчества было выраженіемъ человѣческаго сочувствія, а не политической манифестаціей. Панихида не была борьбой съ властью. Но администрація этого и не понимала и не умѣла использовать.

У этой исторіи было одно продолженіе; оно интересно.

Въ день панихиды на моемъ курсѣ читалъ К. А. Тимирязевъ. Безъ церемоній мы рѣшили отмѣнить его лекцію. Какъ староста курса, я увѣдомилъ Тимирязева, что мы идемъ на панихиду и просимъ его не читать. Мы не думали, что этой просьбой его компрометируемъ. Онъ согласился. Когда же началось разслѣдованіе о панихидѣ, добрались и до этого. Передъ началомъ слѣдующей лекціи Тимирязева явился деканъ и вошелъ въ аудиторію вмѣстѣ съ профессоромъ. Тимирязевъ намъ объявилъ, что въ его согласіи не читать лекцію по просьбѣ студенчества былъ усмотрѣнъ съ его стороны «какъ бы заговоръ» и что ему за это сдѣлано замѣчаніе. Не знаю, кто былъ иниціаторомъ такого нелѣпаго обращенія къ намъ. Едва Тимирязевъ окончилъ, деканъ Н. В. Бугаевъ добавилъ своимъ писклнвымъ голосомъ, но онъ надѣется, что студенты въ «своемъ нравственномъ чувствѣ найдутъ основаніе, чтобы понять, насколько они были неправы, обращаясь къ профессору съ такой неосновательной просьбой». Я вскочилъ отвѣчать. Но деканъ уже махалъ на меня рукой и уходилъ. К. А. Тимирязевъ сразу лекцію началъ. Когда онъ кончилъ, мы долго ему аплодировали. Субъ-инспекторъ вбѣжалъ въ аудиторію, но мы продолжали при немъ.

Черезъ день я получилъ повѣстку, вызывавшую меня къ Попечителю. Тамъ я засталъ человѣкъ десять своихъ однокурсниковъ. Это показало, по какому дѣлу насъ вызывали; мы не могли только объяснить выбора, который былъ сдѣланъ въ средѣ нашего курса. Попечитель обратился къ намъ съ рѣчью. Если бы въ наши годы мы были умнѣе, она должна была намъ показать какимъ благожелательнымъ человѣкомъ былъ тогдашній попечитель Капнистъ. Но въ немъ, какъ во всякомъ начальствѣ, полагалось видѣть врага, и мы потомъ издѣвались надъ его рѣчью, придираясь къ неудачнымъ словамъ. Онъ напомнилъ, что аплодисменты профессорамъ запрещаются, но что въ данномъ случаѣ дѣло

было не въ нихъ: «Вы не дѣти, да и я не дѣти» неудачно сказалъ онъ. Не будемъ играть въ прятки. Вы хотѣли сдѣлать демонстрацію, которая связана съ именемъ Чернышевскаго; Вы просили не читать лекціи, чтобы быть на *его* панихидѣ. Но какое отношеніе къ Вамъ, студентамъ естественнаго факультета, имѣлъ политико-экономъ Чернышевскій». Обращаясь къ стоявшему съ краю, онъ спросилъ: «Скажите, какія сочиненія Чернышевскаго Вы читали»? Вопросъ захватилъ его врасплохъ. Студентъ, большой, рослый уфимецъ Кротковъ, сконфуженно пробормоталъ: «я ничего не читалъ». Такой отвѣтъ ободрилъ попечителя. Онъ обратился къ другому, тотъ отвѣтилъ то-же. Мы становились смѣшными. Чтобы спасти положеніе, я заявилъ, что Чернышевскаго мы поминали не какъ студенты-естественники и не какъ политико-эконома. Кровная связь Чернышевскаго со студенчествомъ не оборвалась до сихъ поръ, что видно изъ студенческой пѣсни. Капнистъ понялъ, что я на этой скользкой почвѣ могу зайти слишкомъ далеко и перебилъ: «нельзя отмѣнять лекціи изъ-за пѣсенокъ». Затѣмъ сталъ говорить на чистоту. Онъ указалъ, что мы сами знали, что Чернышевскій въ свое время былъ осужденъ какъ преступникъ, что правительство чествовать его не позволило. Почему мы, студенты, могли думать, что общее правило къ намъ однимъ не относится? «Я позвалъ Васъ, сказалъ онъ въ заключеніе, не для наказанія, даже не для замѣчанія. Слава Богу, все окончилось благополучно: но если бы къ несчастью произошла на улицѣ какая бы то ни было стычка съ полиціей, то гдѣ бы былъ сейчасъ каждый изъ Васъ, одному Богу извѣстно. Но я прошу Васъ повторить всѣмъ, что я Вамъ говорю. Мои права ограничены, я не всегда буду въ состояніи Васъ защитить. Я пригласилъ именно Васъ не потому, чтобы считалъ Васъ болѣе виноватыми, чѣмъ другихъ. Я не знаю, кто затѣялъ эту исторію, и не хочу этого знать; но Вы, конечно, ихъ знаете и это имъ отъ меня передайте». Онъ затѣмъ объяснилъ, почему *насъ* выбралъ для передачи. Всѣхъ основаній не помню; тому про-

шло 45 лѣтъ. Одни были стипендіатами и могли лишиться стипендій; другіе были рецидивистами, ибо уже подвергались дисциплинарнымъ взысканіямъ. «А Васъ, сказалъ онъ мнѣ, я пригласилъ спеціально изъ-за Вашего темперамента; нужно, чтобы Вы прежде думали, а дѣйствовали только потомъ. Учитесь управлять собой раньше, чѣмъ можетъ быть Вамъ придется управлять и другими».

Не знаю, есть ли кто-либо въ живыхъ изъ тѣхъ, кто эту рѣчь слышалъ вмѣстѣ со мной, и кто помнитъ, какъ мы къ ней отнеслись. Уйдя отъ Попечителя, мы по свѣжей памяти его рѣчь записали, подчеркивая ея смѣшныя мѣста; ихъ было много. Потомъ съ насмѣшками распространяли ее, какъ бы исполняя данное намъ порученіе. Это не было ни умно, ни благородно. Однажды читая эту рѣчь съ интонаціями передъ профессорами, собравшимися у моего отца, я былъ удивленъ, что они не смѣялись. Въ отношеніи Попечителя къ намъ сказался не только самъ Капнистъ съ его доброй и хорошей душой. Въ немъ было и правильное пониманіе положенія. Несмотря на демонстрацію, которую можно было выдать за политическую, конечно, опасны для порядка мы *не* были. Но за то мы показали, какъ многаго не понимали и не умѣли цѣнить.

Приблизительно въ это время началось кратковременное, но характерное и замѣтное движеніе въ студенчествѣ, которое стали называть «легализаторствомъ». Я не только къ нему принадлежалъ, но считался самымъ несомнѣннымъ его представителемъ. Объ этомъ я узналъ изъ мемуарной литературы, главнымъ образомъ изъ книжки В. М. Чернова «Записки Соціалъ-Революціонера». Эти его воспоминанія многое мнѣ въ моемъ собственномъ прошломъ показали съ другой стороны, чѣмъ я въ своей наивности думалъ.

Вотъ что по этому поводу пишетъ Черновъ:

> «Вокругъ студента-юриста IV курса, В. А. Маклакова *), только что вернувшагося изъ-за границы,

*) Это ошибка. Я не былъ ни юристомъ, ни четырехкурсникомъ.

сплотился кружокъ, лелѣявшій идею о легализаціи студенческихъ землячествъ. Идея принадлежала лично Маклакову. Онъ написалъ въ «Русск. Вѣд.» два-три фельетона о разныхъ типахъ студенческихъ организацій, корпорацій, научно-литературныхъ кружковъ и т. п. за-границей. Говорили о какомъ-то «докладѣ» совѣту профессоровъ, о шансахъ аналогичнаго доклада въ болѣе высокихъ сферахъ. Покуда-что, явилось «легализаторское» теченіе въ студенческой средѣ. Его сторонники говорили о необходимости, въ особенности на время «кампаніи» за узаконеніе студенческихъ организацій — воздержаться отъ всякаго рода выступленій». . . . . . .

Въ этихъ словахъ не все точно, и моя роль очень преувеличена. Но разъ она все-таки сдѣлана предметомъ чужихъ воспоминаній, я имѣю право разсказать то, что дѣйствительно было. Оно было гораздо скромнѣй и безобиднѣй.

Глава IV.

НОВЫЯ ТЕЧЕНІЯ ВЪ СТУДЕНЧЕСТВѢ.

Осенью 89 года я поѣхалъ съ отцомъ въ Парижъ на всемірную выставку. Для студента такая поѣздка была рѣдкой удачей. Даже съ точки зрѣнія формальныхъ законовъ ему поѣхать заграницу было не просто. Было необходимо свидѣтельство врача о болѣзни. Проф. Дьяконовъ свидѣтельство далъ. Надо было его утвердить во Врачебномъ Управленіи. Губернскій врачъ не взглянувъ на меня написалъ на свидѣтельствѣ, что съ коллегой согласенъ. Эта безцѣльная ложь считалась небходимой; она напомнила мнѣ потомъ процедуру бракоразводныхъ процессовъ.

Это показывало, какъ мало власть сочувствовала поѣздкамъ молодежи заграницу и старалась ее уберечь отъ впечатлѣній. Это было неумной политикой. Заграничныя впечатлѣнія для русской молодежи могли быть *полезны*. Если большевистская власть боится пускать свою молодежь заграницу — это понятно. Но тогдашняя власть не была въ такомъ положеніи.

Заграничная поѣздка стала для меня откровеніемъ. Я упросилъ отца оставить меня въ Парижѣ по-дольше; онъ возвратился одинъ, и я пробылъ въ Парижѣ мѣсяцъ послѣ него. Это время было и для Парижа исключительнымъ временемъ. Была не только всемірная выставка; было столѣтіе французской революціи и апогей политической борьбы съ буланжизмомъ, выборы 89 года, которые буланжизмъ разгромили. Впечатлѣнія отъ этого безслѣдно пройти не могли. Менѣе всего заняла меня выставка. Я ходилъ по ней вмѣстѣ съ отцомъ; но у меня оказались *свои* интересы и завелись *свои* знакомства. Влекло къ себѣ и студенчество. Про парижскихъ студентовъ я зналъ только то, что существуетъ Латинскій кварталъ, гдѣ они проживаютъ. Я думалъ, что этотъ кварталъ похожъ на нашу Казиху. Мнѣ хотѣлось поскорѣе ихъ найти, узнать, какъ имъ живется во Франціи. Примѣняясь къ нашимъ обычаямъ, я искалъ ихъ по наиболѣе дешевымъ столовымъ, разсчитывая ихъ увидать въ бѣдномъ и въ поношенномъ платьѣ. Я заговаривалъ съ незнакомыми и удивился, что попадалъ не на студентовъ. Меня выручилъ случай. Проходя по rue des Ecoles, я увидалъ флагъ и вывѣску: «Association générale des étudiants de Paris». Я сказалъ, что я русскій студентъ, который прибылъ въ Парижъ и хотѣлъ бы познакомиться съ ихъ учрежденіемъ. Отворившій дверь студентъ радостно потрясъ мнѣ руку и кликнулъ кого-то ихъ сосѣдней комнаты: «venez donc ici». Такъ началось наше знакомство.

Въ этой средѣ я прожилъ около мѣсяца. Черезъ нее окунулся и въ политическую горячку этого времени. Все

прельщало меня новизной. Даже на избирательныя афиши, которыя тогда расклеивали по всѣмъ стѣнамъ, я глядѣлъ съ волненіемъ и любопытствомъ, Тамъ оставались еще афиши знаменитыхъ выборовъ въ январѣ, когда Буланже былъ выбранъ депутатомъ Парижа и могъ сдѣлать переворотъ въ свою пользу. Къ сентябрю положеніе перемѣнилось. Страна мирнымъ голосованіемъ рѣшала чему быть: буланжизму или Республикѣ? Буланже былъ въ бѣгахъ. Его сторонники вели кампанію за него. Студенты, какъ избиратели, въ этой борьбѣ принимали участіе. Они стали водить меня на собранія; я слушалъ всѣхъ популярныхъ ораторовъ и знакомился на практикѣ съ избирательной кухней. Я не оставался пассивнымъ, дѣлалъ на собраніяхъ «interruptions», мѣшалъ говорить, одинъ разъ самъ благодаря этому чуть не попалъ на трибуну. Мнѣ такъ хотѣлось самому все испытать, что въ день выборовъ 22 сентября я въ избирательномъ участкѣ раздавалъ афиши и бюллетени, сидѣлъ въ партійномъ «permanence» и былъ счастливъ, когда на одномъ собраніи, гдѣ выступилъ Naquet противъ Bourneville началась драка, остановленная пѣніемъ Марсельезы. Всѣ «впечатлѣнія бытія» для меня были новы и соблазны открытой политической жизни на долго меня отравили. Нѣсколько недѣль, что я провелъ здѣсь, меня перерodили. Въ первые дни, когда мнѣ всучили на улицѣ прокламацію, я ее пряталъ отъ посторонняго взгляда. Возвращаясь въ Россію, я не думалъ, что кое-что надо спрятать, и на границѣ у меня отобрали кипу фотографій дѣятелей Французской Революціи, хотя я не безъ основанія называлъ ихъ ея «жертвами».

Но возвращаюсь къ «студенческой жизни». Я былъ потрясенъ Студенческой Ассоціаціей, которая такъ-же мало походила на наши землячества, какъ Латинскій кварталъ на Казихинскій переулокъ. Открытое существованіе студенческихъ учрежденій, активная поддержка ихъ со стороны университетскихъ властей и правительства, были для меня

неожиданны. Къ этому мы не привыкли. Ясно, что за это надо было платить. Существованіе Студенческой Ассоціаціи было бы невозможно, если бы студенты въ ней занимались «политикой». Это запрещалось самимъ уставомъ Ассоціаціи. Студенты, которые были полноправными гражданами, и наряду съ другими, принимали участіе въ политической жизни страны, другъ съ другомъ боролись, могли безнаказанно быть къ правительству въ оппозиціи, *изъ своей Ассоціаціи* политику устранили. Партійныхъ споровъ въ ней не допускалъ не только уставъ, но и нравы студенчества. Отстраненіе отъ «политики», котораго въ Россіи отъ насъ *требовала* власть и за которое «старшее поколѣніе» насъ осуждало, какъ за равнодушіе къ гражданскому долгу, въ Парижской Ассоціаціи напротивъ оказывалось признакомъ политической *зрѣлости*. Это былъ для меня первый урокъ, который было полезно продумать. Я кромѣ того могъ увидѣть, насколько французскіе студенты были образованнѣй насъ, которые больше воспитывались на журналистикѣ и публицистикѣ, чѣмъ на «первоисточникахъ». Легальная студенческая дѣятельность вела къ европейскимъ порядкамъ, не къ нашему русскому кипѣнію «въ дѣйствіи пустомъ». Тамъ я это понималъ и не разъ себя спрашивалъ: неужели наша власть этого не сумѣетъ понять?

Я открылъ въ Парижѣ и бо̀льшую «сенсацію». Я узналъ, что лѣтомъ тамъ состоялся международный Студенческій Съѣздъ и на немъ были представлены *всѣ*, кромѣ *русскихъ*. Меня упрекали: почему никто изъ насъ не пріѣхалъ? «Вѣдь и вамъ было послано приглашеніе черезъ вашего Министра Народнаго Просвѣщенія». Я негодовалъ на это незнакомство съ нашею жизнью. Разсказывалъ про наши отношенія съ властями, про подпольныя организаціи, землячества и т. д. Это было ново для нихъ; по ихъ просьбѣ я написалъ о нашемъ студенчествѣ статью для Бюллетеня Студенческой Ассоціаціи. Но меня утѣшали, что не все было потеряно. Вес-

ной будетъ новый съѣздъ въ Монпелье по поводу шестисотлѣтія тамошняго университета. Если бы мы прислали туда депутацію? Я съ радостью согласился на это. Было рѣшено, что по пріѣздѣ въ Москву я поставлю Парижскую ассоціацію въ непосредственную связь съ нашими организаціями и черезъ ихъ посредство наше студенчество свяжется съ международнымъ. Я получилъ письменныя полномочія отъ Ассоціаціи и ѣхалъ въ Москву въ увѣренности, что сближаю Россію съ Европой. Въ мои годы было естественно увлечься политической и студенческой жизнью Парижа. Но, конечно, у меня было къ этому préjugé favorable. Я слышалъ потомъ разговоръ двухъ студентовъ «бѣлоподкладочниковъ», которые были въ Парижѣ въ одно со мной время; никто изъ нихъ не заглянулъ ни въ Ассоціацію, ни въ политическія собранія. Они проводили очень весело время, но совершенно иначе.

Итакъ, благодаря этой поѣздкѣ, я неожиданно обрелъ для себя новую «вѣру». Потребность въ ней была такъ велика, что одного толчка оказалось достаточно. Я безъ устали разсказывалъ товарищамъ о томъ, что видѣлъ. Написалъ фельетонъ «Парижская студенческая ассоціація». Это было мое первое печатное выступленіе. В. А. Розенбергъ, которому я вручилъ мою статью, въ своей книгѣ о «Русскихъ Вѣдомостяхъ» вспоминаетъ объ этомъ. Позднѣе я въ нихъ много писалъ. Мы собирались даже праздновать двадцатипятилѣтіе моей писательской дѣятельности; только оно совпало съ началомъ войны. Первый опытъ прошелъ не безъ огорченій. Когда я увидѣлъ свою статью напечатанной, гдѣ изъ 700 строкъ исключили не меньше 300, я пришелъ въ негодованіе; мнѣ казалось, что все въ ней испорчено.

Статья имѣла успѣхъ; студенты знали, кто авторъ, хотя были только иниціалы. Она мнѣ создала популярность. Меня приглашали въ кружки разсказывать о томъ, что я видѣлъ. Общее сочувствіе этой статьѣ было характерно. Черезъ нѣсколько лѣтъ она была бы всѣми осмѣяна за оппор-

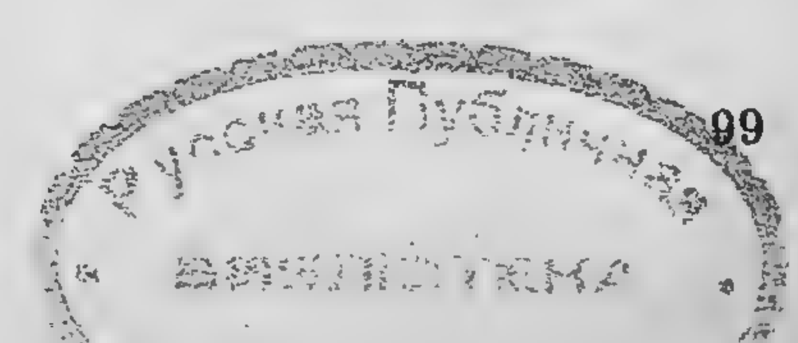
тунизмъ и аполитичность. Тогда же меня критиковали только отдѣльныя лица. Большинство мнѣ явно сочувствовало. А я въ отвѣтъ усиленно хлопоталъ, чтобы отправили въ Монпелье авторитетную делегацію, чтобы она сама увидѣла, какъ дѣйствительно живутъ студенты въ Европѣ. Я былъ приглашенъ въ засѣданіе Центральной Студенческой Кассы и тамъ сдѣлалъ докладъ; такой же докладъ сдѣлалъ и въ Петровской Академіи. Никто мнѣ не возражалъ; всѣ находили, что сближеніе съ Европой открывало новые горизонты студенчеству. Никто не доказывалъ преимущества подполья передъ легальной жизнью. Посылка делегаціи была рѣшена; я собирался ѣхать и самъ, но хотѣлъ непремѣнно, чтобы со мной поѣхали студенты болѣе лѣво настроенные. Я хотѣлъ, чтобы именно *они* убѣдились, что намъ не грѣхъ примѣръ брать съ Европы. Эти мои планы были разрушены безпорядками марта 1890 года.

Безпорядки 90 года носили другой характеръ, чѣмъ въ 87 году; къ нимъ и отнеслись по иному. Авгуры тогда говорили, что въ нихъ было не безъ «политики». Это невѣрно. Настроеніе таково еще не было. И поводъ для обоихъ безпорядковъ былъ одинаковъ: солидарность учащейся молодежи. Тогда въ 87 году другіе университеты «поддержали» Москву; сейчасъ московскій университетъ «поддержалъ» Петровскую Академію. Жизнь Петровской Академіи была непохожа на нашу; студенты жили въ общежитіи, внѣ Москвы; тамъ и для политики была болѣе благодарная почва. Я не помню причинъ разгрома, который въ 90 году тамъ совершился. Но когда съ начала марта стало извѣстно, что Академія закрыта, а студенты всѣ арестованы, это по детонаціи тотчасъ отразилось на насъ. 7 марта я работалъ въ Химической Лабораторіи, когда въ окно мы увидѣли, что въ саду собирается сходка. Мы бросились узнать, что происходитъ. Я боялся, что новые безпорядки намъ помѣшаютъ; уговаривалъ не торопиться, сначала узнать. На меня набросились, поднялись возраженія, крики. Мы не кончили

спорить, какъ въ ворота въѣхали казаки и насъ окружили; увели сначала въ манежъ, а когда стемнѣло, въ Бутырскую тюрьму, гдѣ и помѣстили всѣхъ вмѣстѣ. Насъ оказалось 389 человѣкъ.

Это сидѣнье могло лишній разъ подтвердить, какъ слабы были политическія настроенія въ нашемъ студенчествѣ. Въ тюрьмѣ мы прожили пять дней на полной «свободѣ». Дѣлали, что хотѣли; постоянно собирались на общія сходки, для «обсужденія своего положенія». Среди насъ вѣроятно были агенты; но о нихъ мы не думали. Они не мѣшали намъ на сходкахъ говорить о томъ, какъ мы будемъ «продолжать», когда насъ выпустятъ. На сходкахъ иногда читались доклады на общія темы. Интереса къ нимъ не проявлялось, а если докладчики подходили къ политикѣ, то «махали руками» и расходились. И мы нисколько себѣ не противорѣчили, когда проявили горячее сочувствіе къ «политическимъ арестантамъ». Разъ двухъ въ штатскомъ вывели на прогулку изъ башни—и мы ихъ увидѣли. Электрическій токъ пробѣжалъ по тюрьмѣ. Всѣ привалили къ окнамъ, пѣли имъ пѣсни, сообщали новости о томъ, что происходитъ, пока ихъ не увели. Потомъ цѣлый день сторожили всѣ окна башни, потому что въ одномъ изъ нихъ увидѣли руку, которая чертила въ воздухѣ буквы. Мы сочувствовали имъ лично, ихъ тяжелой судьбѣ, но какъ въ тюрьмѣ, такъ и на волѣ дѣятельность, за которую эти люди сидѣли въ мѣшкахъ, насъ не увлекала. Мы не вдохновлялись никакимъ другимъ чувствомъ, кромѣ долга студенческой «солидарности». Если были среди насъ люди другихъ болѣе серьезныхъ настроеній, ихъ было такъ мало, что они не выявлялись. Вѣроятно на насъ они смотрѣли съ большимъ сокрушеніемъ.

Зато мы не уставали развлекаться отъ бездѣлья. По вечерамъ устраивали литературно-музыкально-вокальные вечера, на которые приходили всѣ, не исключая тюремныхъ начальниковъ. Издавались двѣ газеты, которыя (уже тогда!)

шутя между собою бранились. Утромъ выходила либеральная газета, вечеромъ консервативная; ихъ читали на сходкахъ. Консервативная газета, которой я и Полѣновъ были редакторами, называлась «Бутырскія Вѣдомости» и имѣла эпиграфъ «Воздадите Кесарево Кесареви, а Божіе тоже — Кесареви». Либеральная газета называлась «Невольный Досугъ» и имѣла эпиграфомъ «изведи изъ темницы душу мою». Первый номеръ консервативной газеты начинался такъ: «Оффиціальный Отдѣлъ». «Г. Министръ внутреннихъ Дѣлъ, освѣдомившись, что газета «Невольный Досугъ» позволяетъ себѣ» и т. д. постановилъ объявить ей сразу три предостереженія въ лицѣ ея редакторовъ и *подписчиковъ*. Потомъ слѣдовала передовая статья, въ которой мы подражали Грингмуту: «съ глубокой радостью мы, какъ и всѣ истинно-русскіе люди, освѣдомились о распоряженіи Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ непростительная дерзость нашихъ псевдолибераловъ переходитъ всѣ границы позволеннаго. Извѣстно, что наше мудрое правительство въ своей заботѣ объ истинно научномъ просвѣщеніи открыло на дняхъ новое высшее учебное заведеніе — Бутырскую Академію. И что-же? Крамола забралась и сюда» и т. д. Дальше такихъ невинныхъ шутокъ не шли наши политическіе намеки. Чтобы оправдать нашъ нелѣпый арестъ, намъ было отъ оберъ-полицеймейстера предъявлено обвиненіе «въ принадлежности къ соціалъ-революціонной партіи». Насъ водили въ контору расписываться. Это обвиненіе казалось только смѣшно и всѣ безъ колебанія отрекались отъ принадлежности къ партіи. Правда въ первую же ночь нашего сидѣнья были увезены четверо товарищей: Антоновъ, Сапожниковъ, Сопоцько, я четвертаго не запомнилъ. Если они были «политики», то ихъ было немного. Да одного изъ нихъ, Сопоцько, надо скинуть со счетовъ. Позднѣе онъ прославился, но какъ изступленный черносотенецъ и провокаторъ. Сыщики, которые, сидя среди насъ, писали доклады о нашемъ сидѣньи, должны были бы по совѣсти успокоить наше началь-

ство. Опасной политикой среди насъ и не пахло. Когда на 5-ый день судъ надъ нами окончился, намъ стали объявлять приговоры. Съ утра по группамъ вызвали въ контору «съ вещами», а вызванные не возвращались. Судъ установилъ нѣсколько категорій. Немногіе были совсѣмъ исключены; другіе отдѣлались пустяками. Я попалъ въ третью категорію, которая была уволена, но только до осени, съ правомъ обратнаго поступленія. Эта категорія была объявлена «серьезными виновниками, но не вовсе морально испорченными и дающими надежду на исправленіе». Объявивъ рѣшеніе часовъ въ 11 вечера, Полицеймейстеръ съ вѣжливымъ поклономъ намъ возвѣстилъ «Вы свободны». Странно звучало это слово «свободны» въ тюрьмѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ освобожденія я получилъ изъ Монпелье приглашеніе на Студенческій Съѣздъ. Въ приглашеніи говорилось, что организаціонный комитетъ, узнавъ отъ своихъ товарищей по Парижской Ассоціаціи, какую полезную роль я сыгралъ въ устройствѣ депутаціи въ Парижъ (sic!), обращается ко мнѣ съ просьбой и т. д. Но положеніе перемѣнилось. Заграницу я ѣхалъ больше всего на этотъ разъ по настоящей болѣзни. Зимой на охотѣ я отравился тухлой колбасой, доктора меня залѣчили и потомъ сами заграницу послали. Но я уже не былъ студентомъ и не могъ быть въ депутаціи. Я передалъ приглашеніе въ Центральную Кассу и этимъ вопросомъ болѣе не занимался. Центральная Касса избрала депутатомъ студента Нижегородскаго землячества, естественника второго курса А. И. Добронравова. Для русскаго студента онъ былъ типиченъ: лохматый, съ длинными волосами и бородой, неряшливый, французскимъ языкомъ плохо владѣвшій. Въ своемъ землячествѣ онъ пользовался большимъ уваженіемъ. Я слышалъ потомъ много курьезовъ про организацію делегаціи. Члены Центральной Кассы письма писали по-русски; ихъ переводилъ преподаватель французскаго языка Дюсимитьеръ. Изъ осторожности старались писать неясно, чтобы

въ случаѣ перлюстраціи полиція не догадалась, въ чемъ дѣло. Первый ихъ не понималъ переводчикъ. Можно представить, что поняли французскіе адресаты! Послѣ перваго же отвѣта, въ Монпелье никакъ не могли догадаться, будетъ ли или нѣтъ депутація?

Но все обошлось благополучно. Добронравовъ поѣхалъ. Въ это время я жилъ въ Montreux. Я тамъ познакомился съ докторомъ Н. А. Бѣлоголовымъ; не заграничные спеціалисты, а онъ меня вылѣчилъ сразу, отмѣнивъ всѣ діэты, лѣкарства и истязанія, которымъ меня подвергали въ Москвѣ. Въ Montreux у вдовы эмигранта географа Л. И. Мечникова (брата біолога) я познакомился съ Элизе Реклю. Я часто бывалъ у него и мы вмѣстѣ гуляли. Я былъ начинавшій естественникъ, онъ знаменитый натуралистъ. Но именно онъ болѣе всего отвратилъ меня отъ естествознанія. Онъ былъ теоретикомъ-анархистомъ; только *это* его и увлекало. «Какъ можетъ быть Вамъ интересно изучать естественныя науки? говорилъ онъ мнѣ. Развѣ въ нихъ сейчасъ дѣло! Человѣчество идетъ къ полному переустройству принциповъ общежитія. Всѣмъ нужно думать только объ этомъ, какъ въ Голландіи, когда грозитъ наводненіе, всѣ заняты только плотинами. Я пишу свою географію (Nouvelle Géographie Universell) потому, что законтрактованъ Hachett'омъ, но когда кончу послѣдній томъ, брошу все, чтобы посвятить себя всецѣло соціальной борьбѣ. Изучать сейчасъ надо не естествознаніе; оно достаточно изучено, нужно изучать науки общественныя». Проповѣдь такого человѣка, съ его увлекательнымъ краснорѣчіемъ и энтузіазмомъ укрѣпила меня въ правильной мысли, что естественный факультетъ съ моей стороны былъ ошибкой и что единственную пользу, которую онъ мнѣ принесъ, была «передышка» послѣ гимназіи для сближенія со средой студенчества.

Въ Montreux я получилъ телеграмму, что Добронравовъ проѣзжаетъ черезъ Лозанну и вызываетъ меня на вокзалъ. Телеграмма пришла слишкомъ поздно; я встрѣтить его не

успѣлъ. Но я слѣдилъ за газетами, гдѣ описывали Монпельевскія празднества. Боюсь спутать то, что я читалъ въ газетахъ, съ разсказами Добронравова и очевидцевъ о томъже. Но успѣхъ вышелъ полный. Пріѣздъ Добронравова сдѣлался событіемъ дня. Это были годы передъ заключеніемъ союза, когда популярность Россіи росла съ каждымъ днемъ. Россіи не знали, но въ ея силу такъ вѣрили, что союзъ съ ней казался спасеніемъ. Приглашеніе студентовъ на праздникъ было послано не мнѣ одному, т. е. нелегальнымъ путемъ, но и оффиціально «Министру». Во Франціи не различили, *какое* именно приглашеніе привело къ результатамъ, и присутствію русскаго делегата придали характеръ *оффиціальный*. Ему сдѣлали трехцвѣтную ленту, дали въ руки такое же знамя и всякое его появленіе встрѣчали аплодисментами и исполненіемъ русскаго гимна. Министръ Народнаго Просвѣщенія Гобле его представилъ Карно, президенту французской республики. На банктеѣ мэровъ Карно упомянулъ въ своей рѣчи о присутствіи русскаго делегата, видя въ этомъ доказательство растущаго довѣрія къ французской республикѣ. Когда Добронравовъ со студентами входилъ въ кафе, его узнавали и пѣли въ его честь «Боже Царя Храни». Мы изъ оппозиціонности не любили нашего гимна, но радикалу Добронравову приходилось снимать шляпу и благодарить. Это онъ дѣлалъ искренно. Атмосфера празднествъ его увлекла, и онъ мнѣ позднѣе писалъ, что если бы заранѣе зналъ, чѣмъ дѣло кончится, то все равно бы поѣхалъ.

Когда приблизился срокъ подачи прошенія о возвращеніи въ университетъ, я колебался, кончать ли сначала естественный факультетъ или сразу, не теряя времени, переходить на другой, гдѣ бы я могъ изучать науки объ обществѣ. Вопросъ рѣшился неожиданно. Къ отцу пришелъ бывшій въ то время помощникомъ ректора Н. А. Звѣревъ и сообщилъ, что получена бумага отъ Министра Народнаго Просвѣщенія, коей я «по политической неблагонадежности»

распоряженіемъ двухъ Министровъ — Внутреннихъ Дѣлъ и Просвѣщенія исключаюсь изъ Университета безъ права поступленія въ другое учебное заведеніе. Это былъ волчій паспортъ. Начали справляться. Никто не зналъ ничего. Попечитель былъ задѣтъ мѣрой, принятой помимо него. Онъ снабдилъ отца письмомъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія, графу Делянову и Директору Департамента Полиціи П. Н. Дурново. Попечитель въ немъ не только меня защищалъ, но соглашался принять меня на поруки. Въ Петербургѣ все кончилось благополучно. Мнѣ разрѣшили вернуться въ Университетъ на личную отвѣтственность Попечителя. Но въ чемъ была причина моего исключенія, не объяснили. Деляновъ не зналъ, ссылался на требованіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ. П. Н. Дурново не счелъ возможнымъ раскрыть «служебную тайну». Я ломалъ себѣ голову, что это значитъ. Мои ли прогулки съ Реклю или то, что проѣздомъ черезъ Парижъ я былъ на лекціи П. Л. Лаврова, гдѣ встрѣтилъ знакомыхъ?

Но какъ никакъ запрещеніе было снято; мнѣ пришлось пойти къ Попечителю; я былъ у него на порукахъ. Онъ былъ очень радушенъ. «Радъ, что смогъ Вамъ помочь, сказалъ онъ, знаю Ваши грѣхи, но знаю, что Вамъ можно вѣрить. Помните, что теперь я за Васъ отвѣчаю. Я Вамъ ставлю условіе: Вы не должны участвовать ни въ какихъ запрещенныхъ организаціяхъ; все это теперь Вамъ надо оставить». Мнѣ не было выбора; я обѣщалъ и изъ всѣхъ организацій дѣйствительно вышелъ. «Но это не все», сказалъ мнѣ Капнистъ: «не какъ условіе ,а какъ совѣтъ, я Вамъ говорю: бросьте свой факультетъ, онъ не по Васъ». Этотъ совѣтъ, такъ курьезно совпавшій съ совѣтами анархиста Реклю, не противорѣчилъ моимъ настроеніямъ, но меня удивилъ. Я спросилъ: почему? Мотивы Капниста были неожиданны. Онъ привелъ справку, что естественный факультетъ далъ второй разъ наибольшій процентъ участниковъ въ безпорядкахъ. Я не сталъ спорить съ нимъ; перемѣна фа-

культета въ сущности совпала съ моими намѣреніями. Общественныя науки изучать можно было и на историческомъ и на юридическомъ факультетахъ. Историческій факультетъ былъ лучше по составу профессоровъ, и кромѣ того я унаслѣдовалъ отъ отца традиціонное нерасположеніе къ юриспруденціи. Я поэтому перешелъ на Историческій факультетъ и объ этомъ никогда не жалѣлъ.

Прошло нѣсколько времени и все стало ясно. Добронравовъ меня извѣстилъ, что онъ тоже «по политической неблагонадежности» исключенъ. Постановленіе объ этомъ было принято въ одинъ день съ моимъ. Это показало въ чемъ дѣло. Мы съ Добронравовымъ отвѣчали за Монпелье, за привѣтствіе Президента Карно, за оваціи Франціи по адресу Россіи, за постоянное исполненіе «Боже Царя Храни». Я написалъ объ этомъ въ Парижскую Ассоціацію; получилъ отвѣтъ, что Французскій Министръ Народнаго Просвѣщенія черезъ Посла свидѣтельствовалъ о полной корректности поведенія Добронравова, просилъ не ставить ему въ вину, что присутствовалъ на оффиціальныхъ торжествахъ. Кромѣ этого, я началъ дѣйствовать самъ. Я отправился къ попечителю съ товарищемъ по естественному факультету В. В. Марковниковымъ, сыномъ профессора химіи. Не помню, на какомъ основаніи я его захватилъ; потому ли, что онъ замѣнилъ меня какъ «староста курса» или что былъ представителемъ нашего землячества въ Центральной Кассѣ. Нашъ визитъ былъ характеренъ для стараго времени, воплощавшаго столько противорѣчій. Мы пришли хлопотать за Добронравова. Но я самъ еще недавно былъ исключенъ по волчьему паспорту, а Марковниковъ, который въ этомъ дѣлѣ былъ ни причемъ, въ оправданіе своего права ходатайствовать, могъ ссылаться только на свои «нелегальные титулы». «Я понимаю теперь, говорилъ я Попечителю, почему меня исключили; *этой* причины раньше я себѣ представить не могъ». Я разсказалъ все, что было, начиная съ того, какъ я былъ огорченъ, что русскихъ не было на студенческомъ

съѣздѣ въ Парижѣ; что я рѣшилъ поправить это по крайней мѣрѣ въ Монпелье, что и сдѣлалъ. Капнистъ сочувственно слушалъ, прибавивъ, что зналъ про съѣздъ въ Монпелье и что приглашенiе было прислано и ему; онъ прибавилъ, что, по «свѣдѣнiямъ», въ Монпелье дѣйствительно ничего вреднаго не было. Но прибавилъ онъ: «вѣдь Вы же знали, что посылать туда самовольно депутацiю было нельзя, почему не пришли спросить моего разрѣшенiя»? Моя позицiя была благодарна. «Я зналъ, что этого дѣлать нельзя, но зналъ также и то, что Россiи стыдно было быть тамъ не представленной. Я думалъ, что и Вамъ было этого стыдно. Но какъ я могъ просить у Васъ разрѣшенiя, зная, что разрѣшить Вы сами не имѣли бы права? Вы бы мнѣ отвѣтили, какъ Цезарь: «это надо было сдѣлать, но объ этомъ не надо было спрашивать». Ссылка на Цезаря должна была Капнисту понравиться; онъ былъ убѣжденнымъ классикомъ. «Чего же Вы хотите теперь отъ меня»?—«Чтобы Вы сдѣлали для Добронравова то-же, что сдѣлали для меня. Возьмите его на поруки». «Но я его вовсе не знаю». «Мы Вамъ вѣрю и напишу въ Министерство». Онъ дѣйствительно Вы слово, что онъ ни въ чемъ, кромѣ этой поѣздки, не замѣшанъ»? Искренно, но, конечно, съ достаточнымъ легкомыслiемъ, мы слово дали. «Хорошо, отвѣтилъ Капнистъ, я Вамъ вѣрю и напишу въ Министерство». Онъ дѣйствительно написалъ. Не знаю, чѣмъ это могло бы окончиться. Жаль для полноты фигуры столь мало оцѣненнаго попечителя, что онъ не оказался поручителемъ и за Добронравова. Довести дѣла до конца не пришлось. Черезъ нѣсколько дней пришла телеграмма, что Добронравовъ скончался отъ нарыва въ ухѣ, который вызвалъ зараженiе крови.

Такова была развязка нашего сближенiя съ Европейскимъ студенчествомъ. Добронравовъ и я были исключены по «политической неблагонадежности». Достаточно этого эпизода, чтобы видѣть, что наряду съ патрiархальнымъ добродушiемъ, государственная власть этого времени могла

обнаруживать и совершенно безсмысленную жестокость. Вѣдь это только случай, а вѣрнѣе сказать «протекція», если распоряженіе двухъ министровъ меня не раздавило совсѣмъ. А сколькіе были раздавлены!

На моей личной судьбѣ это отразилось своеобразно. Ради этого я не кончилъ Естественнаго факультета и перешелъ на Историческій. Затѣмъ, исполняя данное мною обѣщаніе, устранился отъ подпольной студенческой жизни. Склонность къ дѣятельности во мнѣ не прошла: но я могъ проявлять ее только въ условіяхъ, которыя не противорѣчили моему обѣщанію. Этой причины было бы достаточно, чтобы я пошелъ по дорогѣ именно «легализаторства». Но конечно къ «легализаторству» меня влекли и заграничныя впечатлѣнія, соблазны открытой, легальной дѣятельности, для которой ненужно было подполья и конспираторства, т.-е. моя новая «вѣра». Мнѣ хотѣлось перенести къ намъ *эти* порядки. Пересадить сразу въ Москву Парижскую Студенческую Ассоціацію было очевидно нельзя. Но можно было идти къ тому медленно, организовывая спеціальныя учрежденія для болѣе узкихъ и закономъ признанныхъ цѣлей. Потомъ все это объединилось бы въ одной всеобъемлющей организаціи. Важно было заставить признать самый принципъ. Изъ такихъ разсужденій родилось «легализаторство» въ студенческой жизни, которое продолжалось недолго, но прожило достаточно ярко.

* *
*

Это теченіе, бывшее параллелью соглашательскимъ тенденціямъ и въ взросломъ обществѣ, стало возможно на время, вслѣдствіе дружелюбнаго отношенія къ нему Университетскихъ властей. Разумѣю не только Попечителя, но и инспектора С. В. Доброва. Онъ былъ своеобразной фигурой Университета и просто Москвы. Можно удивляться непо-

слѣдовательности нашего начальства, которое замѣнило Брызгалова Добровымъ. Я Брызгалова лично не зналъ. Встрѣчалъ его только на улицѣ и узнавалъ по формѣ, которую онъ носилъ, чтобы студенты не забывали отдавать ему честь. Брызгаловъ былъ худощавый человѣкъ, съ черной бородой, деревяннымъ лицомъ и мертвыми глазами. Онъ проникся сознаніемъ долга «передѣлать» студенчество въ духѣ устава 84 г., придирчиво слѣдилъ не только за ношеніемъ формы, посѣщеніемъ лекцій, но и за «направленіемъ»; не брезгалъ доносами и «наблюденіемъ» не только за студентами, но и за профессорами. Въ университетѣ всѣ его *не* любили. Послѣ скандала 87 г. рѣшено было перетянутыя возжи ослабить, тѣмъ болѣе, что настроеніе студентовъ надобности въ свирѣпости не показывало. Но, если не упразднять Инспекціи вовсе, никто менѣе С. В. Доброва не былъ предназначенъ для *инспекторской* роли. Врачъ по образованію, добрый, толстый, страдающій отдышкой, лѣнивый и тяжелый на подъемъ, онъ былъ типомъ стараго студента, съ его традиціями. Онъ понималъ свою роль какъ защитника студентовъ отъ грозившихъ имъ со всѣхъ сторонъ непріятностей; если онъ не лѣзъ за студентовъ въ огонь, то только потому, что для этого вообще былъ по натурѣ слишкомъ пассивенъ. Такое отношеніе къ своей должности не было съ его стороны обманомъ довѣрія: онъ не могъ вбить себѣ въ голову, чтобы отъ него ждали *другого*. Онъ воспитывался на старыхъ традиціяхъ, на легендарномъ инспекторѣ Николаевской эпохи Нахимовѣ и не боялся студенческихъ вольностей. Онъ не считалъ ихъ опасными ни для университета, ни для государства, а стремленіе устава 84 г. молодежь «передѣлать» осуждалъ всѣмъ своимъ старческимъ опытомъ. Молодежь, думалъ онъ, всегда одинакова и бояться ея нечего. Въ немъ была другая черта. Снисходительное отношеніе Доброва къ нарушителямъ университетскихъ порядковъ нельзя объяснить только его добродушіемъ. Я не разъ удивлялся, какъ мало значенія онъ придаетъ студен-

ческимъ выходкамъ. Серьезными онъ ихъ не считалъ. Студенты совсѣмъ не такъ страшны, какъ кажутся, говаривалъ онъ; кончатъ университетъ, посмотрите, *что* изъ нихъ выйдетъ. Въ такомъ отношеніи къ нимъ была нотка пренебреженія. Потомъ я это понялъ. С. В. Добровъ лучше насъ зналъ оборотную сторону студенчества. Зналъ, чего мы не видѣли, чему бы и не повѣрили. Какъ Революція открыла агентовъ *охранки* тамъ, гдѣ ихъ не подозрѣвали, такъ должность инспектора показывала ему студенческихъ героевъ съ неизвѣстной ни для кого ихъ изнанки. Сколько «непримиримыхъ борцовъ», когда они попадали въ бѣду, ходили къ Инспектору просить заступничества. Какъ-то я узналъ объ арестѣ Н. П. А., виднаго студенческаго дѣятеля, ставшаго позднѣе радикальнымъ журналистомъ, а къ концу жизни работавшаго съ большевиками. Не сомнѣваясь, что это долженъ былъ быть арестъ политическій, я пошелъ къ Доброву «хлопотать». Добровъ спокойно отвѣтилъ, что все обошлось, что женщина, въ которую Н. П. стрѣлялъ, его уже простила и дѣло замято. Я не понималъ: причемъ могла быть тутъ женщина? С. Добровъ невозмутимо мнѣ объяснилъ, что А. жилъ на содержаніи женщины, съ которой не поладилъ, и у нихъ произошла «непріятность». Онъ говорилъ это равнодушнымъ тономъ, какъ всегда пыхтя и отдуваясь. Замѣтивъ впечатлѣніе, которое на меня его разсказъ произвелъ, онъ началъ смѣяться, трясясь всѣмъ животомъ: «эхъ вы, дитё». С. Добровъ видѣлъ столько оборотныхъ сторонъ и столько метаморфозъ, что могъ быть не очень чувствителенъ къ студенческимъ подвигамъ и громкимъ словамъ. Съ С. В. Добровымъ мнѣ пришлось много совмѣстно работать. Онъ самъ подходилъ къ идеологіи «легализаторовъ». Студенческое желаніе дѣлать *совмѣстно* полезное дѣло опаснымъ ему не казалось. Правда это запрещали формальныя препятствія, но ихъ можно всегда обойти. «Дѣлайте это «совокупно», но не «коллективно» — объяснялъ онъ вамъ безъ всякой ироніи»; коллективныя дѣй-

ствія вѣдь не дозволяются». Этотъ инспекторъ, какъ и попечитель были администраторами старой Москвы, для которыхъ Петербургскіе законы не были писаны. Безъ такого отношенія «легализаторство» совсѣмъ не имѣло бы почвы.

И Добровъ и графъ Капнистъ собирались мѣшать намъ тѣмъ менѣе, что по началу «легализаторство» не было какою-либо «системою дѣйствій». Это движеніе рождали отдѣльные поводы. Мы только старались использовать возможности, которыя намъ открывались, не думая о томъ, что потомъ изъ этого выйдетъ.

Знаменательно, что это новое теченіе въ студенческой жизни началось съ такого безобиднаго факта, какъ реформа Оркестра и Хора. Оркестръ и Хоръ со времени Брызгалова были единственнымъ легальнымъ студенческимъ учрежденіемъ. Репутація у нихъ была очень плохая. Созданные инициативой Брызгалова, они превратились въ привилегированную группу студентовъ. *Они* устроили тотъ концертъ, который былъ поводомъ къ посѣщенію Государя. Послѣ этого имъ все стало дозволено. Говорили, будто профессора должны были относиться къ нимъ снисходительно на экзаменахъ, потому что Брызгаловъ являлся за нихъ ходатаемъ и инсинуировалъ, что профессора къ нимъ придираются изъ «либерализма». Говорили, что вырученныя изъ концерта деньги они дѣлятъ между собой, или оставляютъ въ распоряженіи того же Брызгалова для его протеже. Многое изъ того, что говорилось, могло быть злостною сплетней. Но постановка дѣла въ Оркестрѣ и Хорѣ, ихъ интимная близость къ Брызгалову эти слухи плодила. При Добровѣ положеніе перемѣнилось. С. Добровъ раздѣлялъ общее противъ нихъ предубѣжденіе; но онъ ничего не мѣнялъ и формально дѣло шло, какъ и прежде. Но группѣ студентовъ, неимѣвшихъ никакого отношенія къ Оркестру и Хору, пришла мысль: создать изъ Оркестра и Хора типъ не только легальной, но свободной, самоуправляющейся студенческой организаціи и примирить съ ней студентовъ.

Мы не ломали голову, какъ это сдѣлать. Безцеремонности у насъ было больше, чѣмъ уваженія къ чужимъ правамъ. Нѣсколько товарищей, всѣхъ именъ я не помню, рѣшили этимъ дѣломъ заняться. Мы сочинили новый уставъ для Оркестра и Хора. Уставъ ставилъ во главѣ дѣла, какъ исполнительный органъ, выбранную Оркестромъ и Хоромъ комиссію, состоящую изъ членовъ Оркестра и Хора и на половину изъ студентовъ къ нимъ не принадлежащихъ. Распоряжалось всѣмъ общее собраніе Оркестра и Хора. Ни инспекторъ, ни Попечитель никакого отношенія къ нашему самоуправленію имѣть не должны были. Была полная автономія. Присутствіе въ исполнительномъ органѣ половины не членовъ Оркестра и Хора было символомъ, что Оркестръ и Хоръ стали разсматриваться какъ органъ *всего* студенчества. Поэтому собранія ихъ были публичны. Все это мы сами придумали. Оркестръ и Хоръ на эту работу насъ не уполномочивалъ и о ней даже не зналъ. Это насъ не смущало. Послѣ осенняго концерта должно было быть по обычаю собраніе членовъ Оркестра и Хора для утвержденія отчета, распредѣленія денегъ и другихъ текущихъ дѣлъ. Это все обыкновенно происходило домашнимъ образомъ въ Инспекторской канцеляріи по иниціативѣ дирижеровъ, какъ главныхъ руководителей дѣла. Но на этотъ разъ мы попросили С. Доброва разрѣшить намъ собраться въ аудиторіи. Ему это было только пріятно, такъ какъ близостью съ Оркестромъ и Хоромъ онъ тяготился. На собраніе мы привели нашихъ сторонниковъ. Когда оффиціальная часть была окончена, я выступилъ съ обвинительной рѣчью противъ всей постановки дѣла въ Оркестрѣ и Хорѣ, доказывалъ, что существованіе ихъ все студенчество компрометируетъ. Было бы просто меня попросить удалиться. Но приглашенная нами аудиторія была на нашей сторонѣ: и въ Оркестрѣ и Хорѣ оказались люди, которые намъ сочувствовали. Наконецъ по существу мы были правы. Съ нами стали спорить и это уже было нашей побѣдой. Наша безцеремонность дошла

до того, что мы предложили сразу голосовать нашъ проектъ. Это предложенiе конечно пройти не могло. Была выбрана комиссiя, которой поручили разсмотрѣть нашъ проектъ и меня, какъ инициатора, пригласили въ эту комиссiю. А черезъ нѣсколько времени проектъ нашъ былъ принятъ сначала комиссiей, потомъ общимъ собранiемъ; при поддержкѣ Доброва онъ былъ утвержденъ Попечителемъ. Была создана первая Хозяйственная Комиссiя изъ 12 человѣкъ, въ которой я выбранъ былъ предсѣдателемъ. Ни Добровъ, ни Попечитель въ нашемъ проектѣ не видѣли никакого подвоха, а только полезное дѣло. Для насъ же оно стало показателемъ «новаго курса». Вѣдь какъ ни какъ было организовано нѣкое легальное студенческое самоуправленiе. С. В. Завадскiй въ воспоминанiяхъ о Московскомъ Университетѣ, напечатанныхъ въ сборникѣ «Московскiй Университетъ» (1755—1930) правильно отмѣчаетъ, что эта комиссiя являлась «единственнымъ» выборнымъ общественнымъ органомъ. Изъ-за этого мы и старались. Послѣ очередного концерта отчетъ обсуждался въ публичномъ засѣданiи; было постановлено отдать всѣ деньги въ «Общество вспомоществованiя нуждающимся студентамъ» безъ какихъ бы то ни было привилегiй для Оркестра и Хора. Это была популярная мѣра; отчетъ былъ напечатанъ и расклеенъ. Студенты не безъ удовольствiя читали, что распредѣленiе денегъ было сдѣлано по *постановленiю* общаго собранiя Оркестра и Хора, а не такъ какъ прежде по распоряженiю власти. Для того времени это былъ *новый* языкъ.

Но Оркестру и Хору пришлось обратить на себя больше вниманiя. Осенью опредѣлился знаменитый голодъ 91 года. Послѣ попытокъ его отрицать и замалчивать, подъ влiянiемъ знаменитыхъ писемъ В. Соловьева, Д. Самарина, В. Короленко, наконецъ Льва Толстого, правительство должно было сдаться и обществу была предоставлена свобода для помощи голодающимъ. Оно со страстностью на эту свободу набросилось.

Предстоялъ нашъ осеннiй концертъ и передъ Хозяйственной Комиссiей сталъ вопросъ: прилично ли въ этихъ условiяхъ дѣлать концертъ въ *свою* пользу? Мы рѣшили, что нужно отдать весь сборъ голодающимъ. Этотъ проектъ вызвалъ однако большое неудовольствiе. Насъ обвиняли, что красивый жестъ будетъ сдѣланъ за счетъ бѣднѣйшихъ студентовъ. Въ этомъ была доля правды. Но мы не сдавались. Мы предпочитали совсѣмъ отказаться отъ очередного концерта, чѣмъ давать его въ нашу пользу. Мы рѣшили рискнуть. Было созвано общее собранiе; во всѣхъ прiемныхъ вывѣшены повѣстки о его цѣли. Интересъ къ собранiю былъ громадный. Помню, какъ подходя къ Университету, я видѣлъ непрерывныя струи студентовъ, которыя со всѣхъ сторонъ въ него вливались. Большая Словесная была переполнена до отказу. Многiе стояли на лѣстницѣ. Инспекцiя и педеля испугались; боялись столкновенiя. Страсти разгорѣлись и пришло много противниковъ. Меня предупреждали, что пришла оппозицiя, что намъ будутъ свистать. Предсѣдательствовалъ на собранiи дирижеръ хора, добродушный розмазня, В. Г. Мальмъ. Лицо его всегда сiяло блаженной улыбкой, онъ не сумѣлъ бы управиться съ безпорядками. Въ такихъ непривычныхъ для Россiи условiяхъ мнѣ пришлось выступать: многолюдныхъ митинговъ тогда еще не бывало. Я выступилъ съ первой въ моей жизни большой политической рѣчью. Я говорилъ о голодѣ, о томъ, что все общество поднимается на помощь голоднымъ, что студенчество не можетъ отстать отъ общаго порыва; что мы потеряемъ всякое право на это, если въ это время пойдемъ просить о помощи *нашей* нуждѣ. Говорилъ о томъ, что бѣдные студенты не беззащитны, что мы сами своими силами устроимъ имъ помощь, что сочувствiе къ нимъ возрастетъ отъ нашего жеста, что они первые заинтересованы въ томъ, что мы сейчасъ предлагаемъ. Успѣхъ превзошелъ ожиданiя. Заключительныя слова были покрыты такими аплодисментами, что никто возражать не рѣшился. О

томъ, какое эта рѣчь произвела впечатлѣніе, можно судить по тому, что черезъ 40 лѣтъ двое студентовъ, которые тогда ее слышали, И. П. Алексинскій и С. В. Завадскій въ своихъ воспоминаніяхъ о ней говорятъ (Московскій Университетъ, юбилейное изданіе). На другой день я по всему Университету былъ прославленъ ораторомъ. Противъ насъ было подано всего 15 голосовъ , и было рѣшено отдать свой концертъ голодающимъ.

Въ связи съ этимъ тотчасъ началось новое дѣло. Такъ какъ отъ нашего рѣшенія страдали нуждающіеся студенты, то было постановлено справиться съ этой нуждой путемъ самопомощи. Хотя это насъ, Хозяйственной Комиссіи, и не касалось, она взяла на себя это устроить. Мы добыли отъ Попечителя разрѣшеніе на устройство оффиціальной среди студентовъ подписки. Намъ выдали подписные листы. По нашей просьбѣ популярные профессора вручали ихъ курсамъ, произнося рѣчи о солидарности, объ обязанности студентовъ другъ другу помочь. Все это были новые пріемы, съ Уставомъ несовмѣстимые. Все удалось совершенно. Сборъ съ концерта въ пользу голодающихъ на много превысилъ сумму обычныхъ въ пользу студентовъ сборовъ, а подписка дала вдвое больше чѣмъ самъ концертъ. Такъ студенты отъ этого начинанія дѣйствительно получили не только моральную, но и матеріальную выгоду.

Это было тріумфомъ «новой политики». Оркестръ и Хоръ, на которые раньше смотрѣли какъ на отверженныхъ, сдѣлались героями дня. Студенчество поняло, что это учрежденіе стало общимъ ихъ дѣломъ. А обстановка собраній Оркестра и Хора, гдѣ говорить могъ всякій, многолюдность ихъ, публичность, полная свобода и при этомъ легальность, привлекали своей новизной. Давно въ Университетѣ ничего подобнаго не было. Аудиторіи на собраніяхъ были набиты биткомъ. Когда окончился срокъ полномочій первой Комиссіи и мы въ своей дѣятельности давали отчетъ, то по пріему, который былъ сдѣланъ моей заключи-

тельной рѣчи, мы могли судить о популярности ,такъ быстро нами пріобрѣтенной.

Чтобы поддерживать связь Оркестра и Хора со студенчествомъ, мы рѣшили ежегодно, хотя бы частями, Комиссію обновлять. Главные ея дѣятели, я въ томъ числѣ, на второй годъ баллотироваться не стали. У меня къ тому же былъ новый планъ.

Среди этихъ успѣховъ мы не замѣтили сразу затрудненій, которыя стали возникать передъ нами. Надо было обладать большою наивностью, чтобы воображать, что при тогдашнемъ режимѣ могло создаться совершенно *свободное самоуправляющееся учрежденіе.* У него явились враги не только справа, но главное слѣва. Правительство не было способно понять, насколько для него было выгодно направлять энергію студентовъ на такія *безобидныя* и даже *полезныя* цѣли и отвлекать студентовъ отъ соблазновъ и искушеній подполья. Слѣва же наоборотъ это отлично постигли и испугались.

Практически это сказалось сразу послѣ концерта. Здѣсь вышелъ непредвидѣнный казусъ. Давая концертъ, мы не подумали, *кому* отдать деньги. Это казалось деталью, которую собраніе рѣшитъ въ свое время. Но когда собраніе было назначено, Попечитель потребовалъ, чтобы деньги были отданы въ Оффиціальный Комитетъ сбора для голодающихъ, отдѣленіе котораго въ Москвѣ было подъ предсѣдательствомъ Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны. Это требованіе насъ очень смутило. Противъ самаго Комитета мы ничего не имѣли; во главѣ дѣла стоялъ Д. Ф. Самаринъ, популярный за свое энергичное выступленіе по поводу голода. Самъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ только что назначенный въ Москву генералъ-губернаторомъ на мѣсто В. А. Долгорукова, не успѣлъ себя показать съ дурной стороны. Относительно студентовъ онъ сумѣлъ даже сдѣлать красивый жестъ. Какъ и другія начальствующія лица въ Москвѣ, онъ имѣлъ даровое кресло на всѣхъ спектак-

ляхъ. Въ день концерта онъ прислалъ адъютанта заплатить за свое кресло 50 рублей и внести 1000 р. въ пользу студентовъ. Этотъ взносъ, показавшій, что онъ оцѣнилъ отдачу концерта голодающимъ, несмотря на нашу нужду, былъ очень замѣченъ. По существу мы противъ желанія Попечителя могли бы не спорить. Но мы были задѣты, что отъ насъ этого *требовали;* это нарушало наши *права.* Но конфликта съ Попечителемъ *изъ-за этого* мы не хотѣли. Мы пошли на «компромиссъ», какъ въ такихъ случаяхъ приходится дѣлать. Начались необычные для нашихъ нравовъ дипломатическіе переговоры между попечителемъ и студенческой организаціей и мы кончили миромъ. Требованіе попечителя было имъ взято назадъ. Онъ написалъ намъ *другую* бумагу; онъ предоставлялъ намъ свободу рѣшить, куда направить наше пожертвованіе, но требовалъ, чтобы деньги были отданы не *частнымъ* лицамъ, а *оффиціальному* учрежденію. А за то мы обѣщали *отъ себя* предложить Общему Собранію направить деньги въ Комитетъ Великой Княгини. Для насъ, конечно, былъ рискъ; мы брали на себя слишкомъ много; съ нами могли не согласиться, и что еще хуже — съ общимъ собраніемъ мы вели двойную игру. Всей правды мы ему сказать не могли. Однако все обошлось. Новое требованіе Попечителя было въ нравахъ этого времени. Оно никого не удивило и устранило самые популярные проекты направленія денегъ. Оппоненты не были подготовлены для возраженій, да по тогдашнимъ временамъ возражать могло казаться не безопаснымъ. Какъ бы то ни было, противъ нашего предложенія никто не поднялся. Одинъ студентъ попросилъ проголосовать еще разъ обратнымъ порядкомъ: *сидѣть,* а не вставать несогласнымъ. Въ этомъ былъ психологическій смыслъ; но студенты уже были связаны состоявшимся голосованіемъ и мнѣній не перемѣнили. *Потомъ* насъ осуждали и правильно; но это припомнилось гораздо позднѣе.

Казалось все сошло благополучно. Рѣшеніе состоялось въ томъ смыслѣ, какъ мы обѣщали, и какъ хотѣлъ Попечи-

тель. Деньги Великой Княгинѣ были отвезены депутаціей, въ которую вошли предсѣдатели и казначеи старой и новой Комиссіи. Мое участіе въ этой депутаціи позднѣе слѣва мнѣ поставили тоже въ вину. Но, несмотря на благополучный исходъ, студенческая инищіатива съ концертомъ наверху не понравилась. Не понравилось въ ней именно то, что насъ привлекало; то, что студенты показали себя хозяевами собственнаго дѣла, что оказалось необходимымъ считаться съ волей общаго собранія, что не начальство, а мы распоряжались. Это противорѣчило не только духу Устава 1884 г., но духу режима.

Несочувствіе не замедлило обнаружиться. Наступило время весенняго концерта. Новая Комиссія понимала, что давать концертъ въ свою пользу теперь было еще невозможнѣй, чѣмъ осенью, и возбудила вопросъ объ устройствѣ второго концерта на *тѣхъ-же основаніяхъ*. Но наверху «продолженія» опыта уже не хотѣли. Попечитель сообщилъ Комиссіи, что разрѣшенія не будетъ. Кто на этомъ настоялъ, осталось загадкой; рѣшеніе шло очевидно не отъ него, а противъ него. Возникъ вопросъ: что же дѣлать? Было послѣдовательно одно: отъ концерта совсѣмъ отказаться; давать его въ свою пользу было очевидно нельзя. Хозяйственная комиссія предложила это собранію. Она просила меня придти ее защищать. Я согласился охотно, такъ какъ такому рѣшенію очень сочувствовалъ. Но въ день засѣданія Попечитель потребовалъ, чтобы я съ рѣчью не выступалъ, и напомнилъ, что я у него на порукахъ. Я подчинился. Предложеніе комиссіи защищали другіе. Но настроеніе было не прежнее. С. В. Завадскій былъ главнымъ ораторомъ *противъ* проекта Комиссіи. Онъ понималъ, что мы отдали первый концертъ голодающимъ, но не могъ понять, что мы отъ концерта хотимъ совсѣмъ отказаться. Въ его воспоминаніяхъ объ этомъ концертѣ память ему измѣнила; спорить ему пришлось не со мной. При голосованіи сошлись голоса правыхъ и лѣвыхъ. Правые не хотѣли идти противъ желанія власти; а лѣвые защищали нужды студен-

чества, тѣмъ болѣе, что новой «подписки» намъ бы не разрѣшили. А демонстраціи за чужой счетъ они не хотѣли. Предложеніе Хозяйственной Комиссіи было отвергнуто. Нѣсколько членовъ ея вышли въ отставку и въ нее были выбраны «новые люди». Моя личная связь съ новой Комиссіей оказалась разорванной.

Мнѣ пришлось столкнуться съ новымъ отношеніемъ власти и по другому вопросу. Я упомянулъ, что ушелъ изъ Хозяйственной Комиссіи потому, что затѣвалъ новое дѣло, которое мнѣ казалось еще болѣе благодарнымъ. Вотъ въ чемъ оно состояло. Какъ извѣстно, студентамъ было трудно обходиться безъ литографированныхъ лекцій. Изданіе ихъ сдѣлалось для отдѣльныхъ студентовъ источникомъ дохода; издатель несъ рискъ, но за то и наживался; на многолюдныхъ курсахъ даже чрезмѣрно. Мы затѣяли организовать «общественное изданіе» лекцій, безъ предпринимательской прибыли. Централизовать изданіе въ однихъ выборныхъ рукахъ, платить справедливо за трудъ, но не давать никому наживаться на общей потребности и поставить все дѣло подъ контроль выборныхъ студенческихъ органовъ. Насъ особенно соблазняло, что такая организація была бы болѣе широкой, чѣмъ Оркестръ и Хоръ, охватила бы весь Университетъ безъ исключенія и показала бы всѣмъ преимущество общественной самодѣятельности. И инспекторъ и попечитель опять на это пошли. Профессора насъ поощряли. Мы скорѣе встрѣтили сопротивленіе въ прежнихъ издателяхъ, которыхъ этотъ планъ билъ по карману. Съ ихъ стороны предъявлялись возраженія самыхъ различныхъ порядковъ. Но раньше, чѣмъ мы окончили разработку проекта, инспекторъ насъ предупредилъ, чтобы мы не торопились, что противъ насъ ведется интрига, что насъ обвиняютъ въ желаніи создать свою литографію и собирать суммы на «неизвѣстныя цѣли». Могу засвидѣтельствовать, что объ этомъ тогда мы не помышляли. Говорили тогда же, что возраженія исхо-

дили не только отъ *студентовъ* издателей, но и отъ нѣкоторыхъ профессоровъ, которые, какъ Боголѣповъ, *сами* издавали свои лекціи. Не знаю, гдѣ была правда; но едва ли для такого отношенія властей надо искать особенно глубокихъ причинъ.

Если наши власти были бы способны иначе смотрѣть, вся ихъ политика была бы иная; но тогда не было бы и «Освободительнаго Движенія», а потомъ Революціи. Тогда общественныя силы не ворвались бы на сцену бурно, какъ непримиримые враги Самодержавія, а стали бы выступать постепенно, сначала какъ простые сотрудники власти, а потомъ какъ ея замѣстители. Поскольку сама власть не хотѣла *такого* исхода и продолжала бороться съ зародышами самоуправленія въ обществѣ, она не могла позволять, чтобы студенчество получило права, въ которыхъ власть отказывала взрослому обществу. Нельзя было серьезно мечтать, чтобы правительство покровительствовало студенческому самоуправленію и у насъ появилась бы «Парижская Ассоціація». Легализаторское движеніе имѣло временный успѣхъ потому, что его опасности не замѣтили сразу; потому, что у насъ были еще патріархально-благодушные администраторы Добровъ, Капнистъ, кн. В. А. Долгорукій, которые не были типичны для занимаемыхъ должностей и одинъ за другимъ скоро ушли. Капнистъ, надъ которымъ такъ смѣялись студенты, былъ всегда ихъ ярымъ защитникомъ. Позднѣе изъ напечатанныхъ воспоминаній Н. П. Боголѣпова я увидѣлъ, какъ злобно онъ относился къ Капнисту. Н. П. Боголѣповъ на все смотрѣлъ совершенно иначе. Я могъ это испытать на себѣ. Капнистъ взялъ меня на поруки; а когда въ Москвѣ открылась Глазная Клиника и было торжественное ея освященіе, на которомъ присутствовалъ Боголѣповъ, какъ Ректоръ, мой отецъ, какъ директоръ клиники, меня представилъ ему. Боголѣповъ холодно и внимательно меня осмотрѣлъ и только сказалъ: «а! это тотъ самый, подвергавшійся». Скоро онъ смѣнилъ Капниста на по-

сту попечителя и, когда П. Г. Виноградовъ меня представилъ къ «оставленію при Университетѣ», онъ отвѣчалъ: «пока я Попечителемъ, Маклакову каѳедры не видать». Кн. В. А. Долгорукій на посту Генералъ-Губернатора былъ замѣненъ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ. Старая Москва уходила. На ея мѣсто приходили люди безъ благодушія и добродушія. Они поняли то, чего не понимали старые администраторы, что наше теченіе могло стать политически опаснымъ, если бы дать ему развиваться *свободно*. Болѣе проницательные догадались, что можно въ полицейскихъ цѣляхъ использовать склонность къ легальнымъ общественнымъ организаціямъ. Изъ этой догадки выросло то своеобразное русское явленіе, которое стало называться Зубатовщиной.

Интересно и поучительно то, что недоброжелательству властей помогли и *новыя* студенческія настроенія. Конечно, они были и раньше; но въ извѣстное время они начали овладѣвать студенческой массой, которая стала поддерживать ихъ, какъ раньше она поддерживала «легализаторство». Всякое явленіе трудно замѣтить *вначалѣ*. А для меня это было тѣмъ труднѣе, что въ это приблизительно время я самъ отошелъ отъ студенческой общественной дѣятельности и переживалъ полосу другого увлеченія, которое пришло неожиданно, какъ почти все въ моей жизни. Я позволю себѣ на немъ остановиться.

Въ томъ же 1891 году, какъ и голодъ, въ Британскомъ музеѣ былъ открыта рукопись Аристотеля, Αθηναίων Πολιτεία. изъ которой до тѣхъ поръ былъ извѣстенъ только отрывокъ изъ пяти строкъ. Объ этой рукописи тогда появилось много спеціальныхъ работъ и не было спеціалиста по Греческой исторіи, который бы по ней не провѣрялъ своихъ старыхъ воззрѣній. П. Г. Виноградовъ на своемъ семинаріи задалъ студентамъ работу «объ избраніи жребіемъ въ Аѳинскомъ государствѣ» на основаніи сочиненій «Fustel de Coulanges'a» и «Headlam'a». Оба сочиненія стояли на разныхъ позиці-

яхъ; оба были написаны *до открытія* рукописи Аристотеля. И однако послѣ открытія ея оба нашли, что Аристотель ихъ воззрѣнія подтвердилъ. «Fustel de Coulanges'a» въ живыхъ уже не было, и это сдѣлалъ за него издатель его сочиненій, профессоръ Jullian, который недавно умеръ въ Парижѣ. А Headlam сдѣлалъ это самъ, издавъ къ своей книгѣ Appendix, въ которомъ отмѣчалъ, насколько Аристотель его въ его взглядахъ подтверждаетъ. Отчасти по этой причинѣ, а отчасти по другимъ, о которыхъ не стоитъ разсказывать, я вышелъ за предѣлы поставленной Виноградовымъ задачи и попытался дать объясненіе жребію исключительно на основаніи непредвзятаго отношенія къ Аристотелю. Моя работа такъ понравилась Виноградову, что онъ напечаталъ ее въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета. Я получилъ сотню авторскихъ оттисковъ, которые по его указанію разсылалъ русскимъ ученымъ классикамъ и историкамъ. Они вызвали нѣсколько рецензій и съ похвалою и съ критикой, на которыя я опять отвѣчалъ въ спеціальныхъ журналахъ. Эта работа, а главное этотъ успѣхъ меня захватилъ. Я сталъ много работать у Виноградова, сталъ кандидатомъ въ ученые и на студенческую общественную дѣятельность у меня не хватало ни времени, ни вниманія. Я не сдѣлалъ ученой карьеры; какъ я говорилъ, Н. П. Боголѣповъ отказался меня при Университетѣ оставить. П. Виноградовъ уговаривалъ меня не смущаться и готовиться къ магистерскому экзамену дома. «Такой дуракъ, какъ Боголѣповъ, утѣшалъ онъ меня, долго попечителемъ не пробудетъ». Въ этомъ онъ не ошибся, но только Боголѣповъ изъ Попечителей попалъ въ Министры Народнаго Просвѣщенія. Но совѣту Виноградова я не послѣдовалъ. Я былъ правъ. Закулисная сторона моей ученой работы мнѣ показала, что у меня не было настоящей жилки *ученаго*. Барьеровъ, которые мнѣ ставилъ отказъ Боголѣпова, и которые перепрыгнуть было нетрудно, я брать не хотѣлъ. Я подалъ прошеніе о дозволеніи держать мнѣ государственный экзаменъ на

Юридическомъ Факультетѣ экстерномъ, не слушая курсовъ, выдержалъ его и сталъ адвокатомъ.

Вспоминаю курьезы въ связи съ этимъ эпизодомъ. Я былъ членомъ Государственной Думы, когда моя сестра встрѣтила у депутата М. Я. Капустина Казанскаго профессора-филолога Мищенко. Въ свое время Мищенко о моей статьѣ напечаталъ рецензію. Онъ поинтересовался узнать, не знаетъ ли моя сестра судьбы молодого ученаго, носившаго ту-же фамилію, напечатавшаго когда-то интересную работу по исторіи Греціи и потомъ съ научнаго горизонта исчезнувшаго. Узнавши, что это я, онъ долго не вѣрилъ, а потомъ съ вздохомъ сказалъ: «а мы отъ него такъ много ждали». Еще забавнѣе, что здѣсь въ Парижѣ М. И. Ростовцевъ случайно узналъ отъ меня, что я былъ авторомъ этой статьи. Онъ разсказалъ, что ее самъ не читалъ, но по выдержкамъ изъ нея въ книгѣ пр. Бузескула, ею былъ заинтересованъ, и запрашивалъ Бузескула, гдѣ была помѣщена эта статья. Тотъ отвѣтилъ, что не имѣетъ понятія; что когда-то онъ получилъ авторскій оттискъ и больше объ авторѣ ничего не слыхалъ. Насколько помнилъ, я изложилъ М. И. Ростовцеву свои тогдашніе выводы, и онъ мнѣ говорилъ, что эта работа и теперь не потеряла бы своего интереса. Я сдѣлалъ попытку достать Ученыя Записки этого года. Проф. Курчинскій въ Дерптѣ пересмотрѣлъ ихъ за 94 годъ, но моей статьи не обнаружилъ. Правда, самыя Ученыя Записки я въ Москвѣ не просматривалъ и имѣлъ въ рукахъ только *оттиски* — но они были не миѳъ и я недоумѣваю, какъ объяснить это исчезновеніе *).

Вотъ эта неудавшаяся попытка войти въ цехъ ученыхъ помѣшала мнѣ замѣтить первые сдвиги налѣво въ студенческихъ настроеніяхъ. Какъ всегда они предварили аналогичные сдвиги среди взрослаго общества. Историки говорятъ, будто общественное оживленіе можно пріурочить къ 91 г., къ тогдашнему голоду и неумѣнью правительства

*) Мнѣ недавно удалось получить изъ Москвы оттискъ этой работы и воочію убѣдиться, что это не миѳъ.

собственными силами справиться съ нимъ. Черезъ немного лѣтъ послѣ этого на общественной сценѣ заняло прочное мѣсто новое явленіе «марксизмъ», и его схватки со старымъ «народничествомъ». Такъ кончался періодъ апатіи и унынія. Марксизмъ, не говоря о внутренней его цѣнности, принесъ съ собой то, что толпѣ всегда импонировало, самонадѣянность, нетерпимость и агрессивное отношеніе къ старымъ авторитетамъ. Тогда началась переоцѣнка цѣнностей, пересмотръ прежней тактики, появились наконецъ «властители думъ». Помню эти разорвавшіяся бомбы — книги Плеханова, Струве и др., диспуты о низкихъ цѣнахъ, марксистскіе журналы, осмѣяніе старыхъ интеллигентскихъ рецептовъ, и «курсъ» на фабричныхъ рабочихъ. Все это было позднѣе; и прежде всего это отразилось, какъ въ выпукломъ зеркалѣ, на студенческой жизни. Но въ *мое* время *этого* еще не было. Самое слово «марксизмъ» тогда еще не имѣло права «гражданства». Появились поклонники только «экономическаго матеріализма», противники «индивидуальныхъ» политическихъ дѣйствій, проповѣдники то «научныхъ», то «діалектическихъ» методовъ въ общественномъ дѣлѣ. Это не было новымъ поколѣніемъ; они были моложе насъ всего на нѣсколько курсовъ. Но настроеніе ихъ уже было иное.

Чтобы заднимъ числомъ оцѣнить это переломное время, мнѣ было интересно и очень полезно прочесть его описаніе въ тѣхъ мемуарахъ Чернова, которые я уже цитировалъ выше. Я не помню, встрѣчался ли я съ нимъ въ Университетѣ; онъ былъ моложе меня и сталъ играть роль въ студенческой жизни, когда я отъ нея отошелъ. Но если даже личныхъ столкновеній съ нимъ у меня не было, то его воспоминанія многое мнѣ открываютъ.

Вмѣстѣ съ явившейся тогда «смѣной» въ студенчествѣ, вновь воскресло «подполье» какъ классическій, традиціонный типъ русской организаціи. Наше прежнее стремленіе къ открытой *организаціи*, для чего мы были готовы дѣлать большія уступки, замѣнилось съ руководствомъ изъ тай-

наго центра. Въ этомъ подпольѣ выдѣлялись новые, свои вожаки, съ особыми свойствами и талантами; многіе изъ нихъ свое вліяніе потеряли, когда позднѣе имъ пришлось дѣйствовать уже открыто. Руководящій центръ естественно подпалъ подъ вліяніе крайнихъ политическихъ партій; это — Немзида режимовъ, которые загоняютъ въ подполье. Такимъ новымъ центромъ въ студенчествѣ явился Союзный Совѣтъ, смѣнившій прежнюю скромную и не претенціозную Центральную Кассу. Союзный Совѣтъ смотрѣлъ на себя какъ на руководителя всей студенческой жизнью и тенденція «легализаторства» являлась для него конкурентомъ; Союзный Совѣтъ рѣшилъ ее задушить, чтобы не дать студенчеству соблазниться преимуществами «легальнаго существованія».

Вопреки тому, что пишетъ Черновъ, «легализаторство» не было сколько-нибудь организованнымъ, тѣмъ болѣе кѣмъ-то управляемымъ теченіемъ. Лучшее доказательство этого, что главой его Черновъ называетъ меня. Легализаторство было всего больше общимъ обывательскимъ настроеніемъ, которое неизмѣнно поддерживало случайныхъ инициаторовъ. Оттого борьба съ нимъ получила невольно не лишенный комизма характеръ.

Такъ изъ книги Чернова я впервые узналъ, что «Союзный Совѣтъ назначилъ большое собраніе, по нѣсколько представителей отъ каждой студенческой организаціи, для обсужденія вопроса о легализаторствѣ. Приглашенъ былъ высказаться и самъ Маклаковъ».

Все это правда, и я это собраніе помню, хотя тогда не зналъ, изъ кого оно состояло и для чего оно собиралось. Тутъ уже вступали въ силу новые пріемы подполья. Они бы были смѣшны, если бы въ нихъ не было чего-то недостойнаго нормальной, здоровой общественности. Еще до собранія, о которомъ пишетъ Черновъ, я какъ-то узналъ отъ товарищей, что Союзный Совѣтъ интересуется дѣятельностью Оркестра и Хора и обсуждаетъ вопросъ о своемъ отношеніи

къ нимъ. Это учрежденіе я считалъ своимъ дѣтищемъ и попенялъ ,что меня не спросили. Да, Ваше показаніе тамъ было прочитано, отвѣтили мнѣ; и мнѣ разсказывали, что «снятіе допроса» съ меня было поручено тремъ студентамъ, въ томъ числѣ моему пріятелю А. Е. Лосицкому, позднѣе извѣстному статистику. Я дѣйствительно разъ зашелъ къ нему по его приглашенію и мы разговаривали съ нимъ объ Оркестрѣ и Хорѣ; но онъ ни слова мнѣ не сказалъ, *зачѣмъ* и по *чьему* порученію онъ со мной говорилъ. Я тогда съ досадой пенялъ Лосицкому, что онъ разыгралъ со мной комедію. Оказывалось, что двое другихъ членовъ комиссіи даже не были въ комнатѣ, а слушали разговоръ изъ-за двери. Лосицкій былъ сконфуженъ и извинялся. Вотъ когда уже начинались пріемы охранки, которые расцвѣли при большевикахъ. Но и собраніе, о которомъ пишетъ Черновъ, поступило не лучше. Мнѣ и на немъ никто не сказалъ, что это собраніе есть *судъ надъ цѣлымъ «движеніемъ»*. Меня не предупредили, въ чемъ и меня и другихъ *обвиняютъ*. Мой однокурсникъ по филологическому факультету, съ которымъ мы очень дружили, Рейнгольдъ, просилъ меня придти на вечеринку, гдѣ нѣсколько человѣкъ хотѣло со мной поговорить объ Оркестрѣ и Хорѣ, о землячествахъ, о Парижской ассоціаціи, Монпелье и т. д. Такіе разспросы очень часто происходили и раньше. Помню, какъ я былъ удивленъ, заставъ тамъ цѣлое общество, которое, какъ мнѣ объяснили, пришло меня слушать. Мнѣ было досадно, что я не приготовилъ доклада, думая, что будетъ простой разговоръ за чайнымъ столомъ; ни одинъ человѣкъ, даже изъ близкихъ людей, не счелъ мнѣ нужнымъ сообщить, *какая* была затаенная цѣль у собранія.

Я, какъ правильно вспоминаетъ Черновъ, на этомъ собраніи ни на кого не нападалъ и ничего не пропагандировалъ. Для этого не было повода. Я только объяснялъ нашу идею; я указывалъ, что для однихъ функцій удобны открытыя, а для другихъ подпольныя организаціи, что соединеніе

всѣхъ функцій вмѣстѣ вредно и для тѣхъ и для другихъ. Такъ какъ въ землячествахъ есть стороны, въ которыхъ можно работать открыто, то нерасчетливо держать людей въ подпольѣ ради того, чтобы исполнять тамъ кромѣ того и подпольныя функціи. Я помню еще, чего кажется не помнитъ Черновъ, что въ этомъ со мной согласился Сибирскій студентъ-медикъ С. И. Мицкевичъ, очень лѣво настроенный и вскорѣ сосланный. На этомъ собраніи никто мнѣ не возражалъ и мотивы, которые сейчасъ противъ насъ приводитъ Черновъ, никѣмъ изложены не были. Такъ насъ осудили, не предъявивъ обвиненія. И мотивовъ приговор.. я тоже не знаю. Но зато я видѣлъ, какъ приговоръ бы.. *приведенъ въ исполненіе* надъ *Оркестромъ и Хоромъ*. .. узналъ, что въ Хоръ стали массой записываться, чтобы э.. учрежденія взрывать извнутри. Соотвѣтственно такой цѣ.. былъ выбранъ и составъ новой комиссіи. По просьбѣ ста.. рыхъ товарищей по Оркестру и Хору я пошелъ на очередно.. собраніе. Я увидалъ на немъ незнакомую прежде картину.. Залъ былъ переполненъ; но многіе сидѣли съ книжками ил.. лекціями, не слушая, но аплодируя и голосуя какъ п.. указкѣ. На собраніи было «сплоченное большинство», ко.. торое умышленно дѣло губило. Я участвовалъ въ преніяхъ.. Не помню, о чемъ именно мы тогда спорили. Какъ курьез.. вспоминаю, что предсѣдателемъ собранія и моимъ оппонен.. томъ былъ теперешній редакторъ Возрожденія Ю. Ф. Семе.. новъ. Союзный Совѣтъ своей цѣли достигъ. Оркестръ .. Хоръ были уничтожены. Такъ не въ первый и не въ по.. слѣдній разъ сходились и помогали другъ другу «реакціон.. ры» и непримиримые «лѣвые». Отъ этого всегда страдает.. «либерализмъ». Студенческое ликвидаторство и было пр.. кончено тою же комбинаціей силъ. Это могло послужить про.. образомъ того, что происходило позднѣе въ болѣе крупном.. масштабѣ.

Отдѣлъ второй.

Оживленіе.

Глава V.

НАЧАЛО ОЖИВЛЕНІЯ ВЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ НАСТРОЕНІИ.

Я упоминалъ, что историки считаютъ голодъ 91 г. началомъ того общественнаго оживленія, которое затѣмъ росло безпрерывно до «освободительнаго движенія». Я этотъ годъ отчетливо помню. Въ немъ несомнѣнно произошло нѣчто новое. Тогда впервые выступила на сцену «общественность» въ ея противопоставленіи «власти».

Бѣдствія 91 г., въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ оно произошло, никто не предвидѣлъ; а люди еще не такъ очерствѣли, какъ въ наши дни, и равнодушно къ нему отнестись не могли. Сплошное вымираніе деревни, толпы голодныхъ, которые, бросивъ все, шли въ города, суррогаты хлѣба, которыми позднѣе Нансенъ хотѣлъ тронуть Женеву — все это было тогда. Не могу сравнивать этого съ тѣмъ, что происходило въ Россіи въ 20 и 33 годахъ; но картина была того-же порядка; она встревожила и испугала сытое общество. И еще болѣе его испугало то, что власть пыталась это замалчивать и отрицать, какъ это дѣлала въ наше время большевистская власть. Газетамъ было запрещено говорить о неуро-

жаѣ; хлѣбъ грузился въ южныхъ портахъ для вывоза за-границу, а на тѣхъ, кто пытался объ этомъ кричать, смотрѣли какъ на вредныхъ «смутьяновъ»; такъ въ наше эмигрантское время на это смотрѣли какъ на злоупотребленіе «гостепріимствомъ». Но это продолжалось недолго. Власть была не большевистская; да и общество не было задавлено страхомъ, не могло повѣрить, чтобы власть могла быть равнодушна къ вымиранію цѣлыхъ губерній. Началась первая борьба представителей общества съ «властью». Съ ея обличеніемъ выступили не только люди, которыхъ можно было по крайности причислить къ неблагонадежнымъ, въ родѣ Короленко, и Владиміра Соловьева; но тѣ, полная лойяльность которыхъ была внѣ всякихъ сомнѣній, какъ Д. Ѳ. Самаринъ или гр. В. А. Бобринскій съ его нашумѣвшимъ письмомъ къ губернатору В. К. Шлиппе. Еще болѣе упорная работа шла за кулисами власти. И власть вдругъ сдала. Она приняла рядъ рѣшительныхъ мѣръ. Послѣдовалъ Высочайшій Указъ, запретившій вывозъ хлѣба за-границу, были сдѣланы большія ассигнованія, приняты экстраординарныя, не всегда удачныя мѣры по транспорту и т. д. Но самое главное: была разрѣшена частная иниціатива для помощи голодающимъ. Этому же примѣру не надолго попытались послѣдовать въ 20 году и большевики.

Чѣмъ руководилась власть, разрѣшая это естественное, но для русскихъ нравовъ необычное отношеніе къ общественной самостоятельности? Едва ли сознаніемъ необходимости *общественной* помощи; бѣдствіе было такъ громадно, что вся общественная помощь была каплей въ морѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что было нужно; государство могло дать и дало для борьбы съ голодомъ безконечно больше, чѣмъ общество. Конечно, общественность могла выставить безкорыстныхъ, преданныхъ дѣлу работниковъ, какихъ не было въ распоряженіи власти; но дѣло было очевидно не въ *этомъ*. Важно, что этимъ разрѣшеніемъ государство отклоняло энергію общества отъ борьбы съ властью на борьбу съ голодомъ. Это было умной политикой; если бы она вездѣ про-

одилась, позднѣйшаго «освободительнаго движенія» не стало бы нужно. Общество организовалось бы для содѣйствія, сотрудничества съ властью, а не для одного сопротивленія ей. Но если власть поняла, что въ данную минуту и на такомъ дѣлѣ надо сдѣлать уступку, то она совсѣмъ не хотѣла, чтобы это стало *перемѣной политики;* при первой возможности всѣ уступки были взяты назадъ. Такъ въ 0 году поступили и большевики и притомъ гораздо скорѣе.

Но въ тотъ первый моментъ, когда запрещенія были няты, общественность съ воодушевленіемъ бросилась помоать голодающимъ, собирать деньги, устраивать столовыя и ругіе виды помощи. Одушевленіе и энтузіазмъ были не еньше, чѣмъ когда позднѣе общественность «организован-о» стала приходить на помощь войнѣ, когда началась раота «Союзовъ» и «Комитетовъ». Но настроенія были не тѣ, 91 г. поучителенъ въ сравненіи съ эпохой войны.

Въ основѣ общественныхъ выступленій въ 91 г. не было еланія «соревнованія» съ властью. Власть была настолько ильнѣе нашего общества, что общество объ этомъ соревнованіи и не думало. Люди просто шли помогать страшной ѣдѣ и были рады, что въ этомъ имъ не мѣшали. Бѣда и еобходимость что-то сдѣлать были такъ несомнѣнны, что . Толстой, который поѣхалъ къ Раевскимъ посмотрѣть ихъ толовую въ Епифанскомъ уѣздѣ совсѣмъ не затѣмъ, чтобы мъ помогать, а напротивъ, чтобы убѣдиться въ правильноти своего отрицательнаго отношенія къ этому «общественому увлеченію», и найти матеріалъ для статьи, которую нъ въ это время готовилъ, когда увидѣлъ, *что* тамъ происходило, забылъ свои принципіальныя возраженія и октрину свою, остался у Раевскихъ, сталъ во главѣ громаднаго дѣла помощи голодающимъ и началъ самъ собиать «пожертвованія» для этого дѣла.

Конечно, онъ нашелъ для этого и мотивы, которые были ушѣ его близки. Я тогда по его порученію занимался размѣщеніемъ лошадей изъ голодающихъ мѣстностей у тѣхъ, кого былъ кормъ, чтобы вернуть лошадей хозяевамъ къ

весеннимъ работамъ. Это былъ одинъ изъ видовъ помощи, придуманный однимъ Калужанинымъ. Помню, какъ Толстой радовался, что голодающій будетъ знать, что гдѣ-то далеко неизвѣстный ему человѣкъ, чтобы ему помочь, за его лошадью ходитъ, а этотъ другой будетъ радъ сознанію, что дѣлаетъ незамѣтно доброе дѣло. Но все это исключительно *моральная* сторона. Другихъ мотивовъ и побужденій въ то время и въ обществѣ не было. Я помню, какъ многіе изъ непосредственныхъ работниковъ среди голодающихъ разсказывали, какъ о курьезѣ, что всѣ голодающіе твердо убѣждены, что деньги на помощь голодающимъ даны Царемъ, что общественные работники были присланы имъ и что поэтому своей работой они служили только *его* прославленію. Это была та незнакомая интеллигенціи народная психологія, которую она неожиданно открывала при соприкосновеніи съ настоящимъ народомъ. И это никого не остановило, не смутило и не охладило. Тогдашняя общественность была выше этихъ соображеній. Только власть этого не захотѣла ни понять, ни оцѣнить, ни использовать. Она сама, когда острое время прошло, принялась вводить все въ прежнее русло, закрывать столовыя, дѣлать обыски и искать злоумышленниковъ. За эту правительственную идеологію эпохи Александра III пришлось заплатить его преемнику.

Въ 1914—17 г. все было другое. Общественность помогала войнѣ, тоже привлекая тѣ силы, которыхъ у правительства не было; это правда; но наряду съ простымъ «патріотизмомъ» у нея было стремленіе воочію показать *преимущество* «общественной» работы надъ «бюрократической». Вся работа Союзовъ была поэтому работой и политикой. И еще знаменательнѣй перемѣна народнаго настроенія. Въ эпоху войны союзы жили тогда на *государственныя* ассигнованія, всѣ ихъ деньги шли отъ *правительства.* Но на этотъ разъ никто этого знать не хотѣлъ; комфортъ и удобства земскихъ санитарныхъ отрядовъ и госпиталей сопоставлялся съ бѣдностью казенной военной санитаріи, ко-

торой приходилось обслуживать все, а не только то, что они *выбирали.* И въ преимуществахъ общественныхъ учрежденій видѣли преимущество самой «общественности» надъ правительствомъ. Всѣ старанія власти и ревниво относившейся къ этому Императрицы объяснять, что все это сдѣлано на средства казны, опубликовывать точныя цифры — не встрѣчали въ войскахъ никакого довѣрія. *Отношенія* перемѣнились.

Если голодъ 91 г. былъ началомъ оживленія общества, которое не уничтожилось сразу только потому, что его потомъ запретили, если немедленно за голодомъ и не безъ причинной съ нимъ связи возникла идейная полемика марксизма и народничества, въ которой неразумное правительство поощряло своихъ болѣе опасныхъ враговъ, то настоящій и рѣзкій переломъ въ настроеніи совпалъ съ *перемѣной царствованія.* Въ Россіи было традиціей, что перемѣна политики совпадала со смѣной ея Самодержцевъ. Все давало основаніе ждать такой перемѣны при воцареніи Николая II. Онъ вступилъ на престолъ въ благопріятныхъ условіяхъ. Ему не пришлось перешагнуть, какъ Александру III, черезъ окровавленное тѣло отца. Общество казалось спокойнымъ; кончина Александра III сопровождалась проявленіемъ скорби, котораго не вызвалъ даже трагическій конецъ Александра II. Самодержавія никто не оспаривалъ. Ультиматума, въ родѣ письма Исполнительнаго Комитета никто не предъявлялъ Государю. Возвращеніе къ нормальнымъ условіямъ жизни не могло показаться оказательствомъ слабости. Было естественно ждать поворота.

И его ждали. Жадно ловили малѣйшій намекъ на него. Надѣялись на молодость Государя, которая должна была его сдѣлать болѣе доступнымъ человѣческимъ чувствамъ. Въ день своей свадьбы онъ распорядился удалить полицію, охранявшую «молодыхъ». А. А. Пороховщиковъ въ своей газетѣ на основаніи этого немедленно объявилъ этотъ день, 14 ноября, концомъ «средостѣнія». Разсказывали съ

восторгомъ, будто новый Государь тяготился «охраной» и выѣзжалъ гулять безъ предупрежденія: будто въ Варшавѣ онъ говорилъ по-французски, «чтобы не задѣть поляковъ»; надѣялись на «либерализмъ» молодой Императрицы. Эти слухи показывали, какой кредитъ *ему* тогда дѣлали. Но если всѣ надѣялись на *перемѣну* политики, то никто не требовалъ, чтобы она началась съ уничтоженія «Самодержавія». Никто не ставилъ этого *непремѣннымъ* условіемъ. Не потому, чтобы боялись сказать; общество въ тотъ моментъ этого и не добивалось.

Помню банкетъ въ Москвѣ въ честь тридцатилѣтія судебныхъ уставовъ (20 ноября 1894 г.), первое публичное собраніе послѣ кончины покойнаго Императора. На него собралось все либеральное общество. Все было полно радужныхъ слуховъ. Незадолго до этого «Русскія Вѣдомости» напечатали передовицу, въ которой восхваляли отмѣтки, сдѣланныя новымъ Государемъ на докладѣ по народному просвѣщенію. Похвала Государю была не въ стилѣ «Русскихъ Вѣдомостей». Но и они усмотрѣли въ высочайшихъ отмѣткахъ наступленіе «новой политики». Вполголоса сообщали, будто сановники догадались, что наступило время крутыхъ измѣненій и забѣгали впередъ; что Государственный Совѣтъ подалъ Государю меморію о необходимости отмѣнить для крестьянъ тѣлесное наказаніе. Поэтому рѣчи на банкетѣ были полны оптимизма. Когда присяжный повѣренный Н. В. Баснинъ сказалъ нѣсколько словъ о перспективахъ, которыя теперь открылись для просвѣщенія, всталъ старый М. П. Щепкинъ: «Учить, сказалъ онъ, и въ то-же самое время сѣчь—немыслимо; если въ Россіи будутъ учить и послѣ все-таки сѣчь, я скажу, что у насъ народъ учатъ только затѣмъ, чтобы онъ больнѣе чувствовалъ свое униженіе. И я вѣрю, что скоро раздастся мощное слово нашего молодого Государя, который положитъ конецъ этому стыду».

Старый либералъ, ученикъ и поклонникъ Грановскаго, пострадавшій за то, что въ свое время написалъ о Герценѣ

некрологъ, Щепкинъ въ *такихъ* выраженіяхъ говорилъ о Самодержцѣ. И это никого не оскорбляло; это было общимъ явленіемъ этого «сладкаго мига» нашей новой исторіи. Какъ далеко это было отъ ультиматума народовольцевъ 81 года!

Иллюзіи о Николаѣ II раздѣлялись даже въ томъ Тверскомъ земскомъ адресѣ, который вызвалъ знаменитый окрикъ Государя и облилъ холодной водой либеральныя упованія. Объ этомъ адресѣ разсказалъ его составитель Ф. И. Родичевъ («Современныя Записки», № 53). Въ немъ не было ни единаго намека на *конституцію.* Онъ заканчивался фразой: «Мы ждемъ, Государь, возможности и права для общественныхъ учрежденій выражать свое мнѣніе по вопросамъ ихъ касающимся, дабы до высотъ престола могло достигать выраженіе потребности и мысли не только представителей администраціи, но и народа русскаго... Мы вѣримъ, что въ общеніи съ представителями всѣхъ сословій, равно преданныхъ престолу и отечеству, власть Вашего Величества найдетъ новый источникъ силы и залогъ успѣха въ исполненіи великодушныхъ предначертаній Вашего Императорскаго Величества».

Позднѣйшій либерализмъ былъ склоненъ настаивать на неизмѣнности своей политической линіи. А. А. Кизеветтеръ въ книгѣ «На рубежѣ двухъ столѣтій» оспариваетъ мнѣніе Богучарскаго объ отсутствіи конституціонныхъ требованій въ земскихъ собраніяхъ и утверждаетъ, будто Ф. И. Родичевъ сказалъ рѣчь, въ которой совершенно ясно указывалъ на необходимость конституціонныхъ гарантій. Эту легенду теперь разрушилъ самъ Родичевъ, напечатавъ въ № 53 Современныхъ Записокъ свою тогдашнюю рѣчь. Она приводитъ къ обратному выводу. Вотъ, что Родичевъ тогда говорилъ: «законъ, ясное выраженіе *мысли* и *воли Монарха* пусть господствуетъ среди насъ и пусть подчинятся ему всѣ безъ исключенія и больше всего представители власти». Здѣсь нѣтъ намековъ на конституцію; законъ опредѣляется, какъ мысль и воля Монарха. Родичевъ надѣется только,

что «голосъ народныхъ потребностей, выраженіе народной мысли всегда будутъ услышаны Государемъ, всегда свободно и непосредственно, по праву и безъ препятствій». Если это намекъ, то только на совѣщательное представительство при Самодержцѣ. Самодержавіе остается незыблемымъ: народу мнѣніе, воля Государю. Родичевъ могъ въ душѣ думать иное, но иного онъ *не* сказалъ, и свою рѣчь онъ кончилъ словами: «Господа, въ настоящую минуту наши надежды, наша вѣра въ будущее, наши стремленія всѣ обращены къ Николаю II. Николаю II наше ура»!

Можно судить о настроеніи средняго общества, когда такимъ языкомъ говорилъ даже *самъ Родичевъ;* были вѣроятно люди иныхъ настроеній, скептики язвительно смѣявшіеся надъ надеждами либераловъ. Общество было не съ ними. Оно заразило самого Родичева, ибо иначе онъ такимъ языкомъ говорить бы не сталъ. Кто зналъ Родичева, согласится, что такія слова о Государѣ онъ не могъ бы сказать изъ одной только «тактики».

Черезъ немного лѣтъ все стало инымъ; но неправильно смотрѣть на прошлое черезъ эти очки. Нужно признать: отъ Николая II ждали *не конституціи;* ждали только прекращенія реакціи, возобновленія линіи шестидесятыхъ годовъ, возвращенія къ либеральной программѣ. Даже тѣ, кто хотѣлъ конституціи, смотрѣли на нее только какъ на «увѣнчаніе зданія», которое будетъ позднѣе сдѣлано самимъ Самодержцемъ. Максимальнымъ желаніемъ того времени было предоставленіе мѣста народному голосу. Славянофилы и конституціоналисты на этомъ сходились. Какъ бы ни были различны ихъ представленія о томъ, что выйдетъ изъ этого «голоса», въ этомъ они сближались противъ полицейскаго Самодержавія.

Если бы новый Самодержецъ оказался способнымъ опереться на такое мирное настроеніе общества, какъ Александръ II вопреки своихъ личныхъ симпатій сумѣлъ въ 50-хъ годахъ опереться на либеральное меньшинство, то

13-лѣтняя реакція Александра III была бы оправдана. Самодержавіе исполнило бы свой долгъ до конца. Оно позднѣе само привело бы Россію къ конституціи и старая династія дала бы Россіи конституціонныхъ монарховъ. Но Самодержецъ на это не оказался способнымъ. 17 января на пріемѣ въ Зимнемъ Дворцѣ онъ сказалъ свою фразу о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ земствъ объ участіи ихъ въ дѣлахъ внутренняго управленія». Эта несчастная фраза опредѣлила характеръ его дальнѣйшаго царствованія.

Если бы она ударила только по «конституціоннымъ мечтаніямъ», то ее можно было бы если не оправдать, то хотя бы понять. Такъ, какъ я выше разсказывалъ, отнеслись къ ней у Любенковыхъ. Къ несчастью она шла гораздо дальше простого подтвержденія «Самодержавія». Этотъ ея истинный смыслъ не прошелъ не замѣченнымъ. Черезъ три дня послѣ рѣчи сталъ уже распространяться отвѣтъ на нее, написанный, какъ теперь стало извѣстно, П. Б. Струве. Въ немъ еще не было отрицанія «Самодержавія». А въ «Современныхъ Запискахъ» Родичевъ вспоминаетъ и свою статью, которую онъ тогда за-границею напечаталъ, и которую черезъ 36 лѣтъ нашелъ въ Лозаннѣ. Мнѣ пришлось видѣть эту статью. Въ ней тѣ-же самыя мысли; о *конституціи не говорится*. Легенда о томъ, будто земцы въ то время заговорили о конституціи, могла создаться лишь потому, что того адреса, на который отвѣчалъ Государь, опубликовано не было. Теперь мы его знаемъ, и потому видимъ, что и Струве, и Родичевъ, да и широкое общественное мнѣніе имѣли право увидѣть въ рѣчи Государя другое. Ея содержаніе было гораздо зловѣщѣе, чѣмъ отрицаніе конституціи. «Безсмысленными мечтаніями» Государь назвалъ не конституцію, но претензію земствъ на «участіе въ дѣлахъ внутренняго управленія». Но это участіе уже осуществлялось на дѣлѣ, было сущностью земскихъ учрежденій. Пока земства существовали, это было реальностью, а совсѣмъ не «мечтаніемъ». Николаю II предстоялъ выборъ не между Самодержавіемъ и конституціей, а

между либеральнымъ Самодержавіемъ эпохи Великихъ Реформъ и Самодержавіемъ эпохи реакціи. Онъ выбралъ второе. Курсъ Александра III, простительный какъ передышка, былъ объявленъ *вѣчной программой Самодержавія.*

Поэтому и ударъ былъ нанесенъ этими словами не «конституціи», а самому Самодержавію. «Безсмысленными мечтателями» оказались тѣ, кто думали, что Самодержавіе *способно* продолжать эпоху либеральныхъ преобразованій въ Россіи. Самодержавіе собиралось только себя защищать и это въ то время, когда на него никто не нападалъ и когда общія надежды именно на него возлагались.

Этой рѣчью кончился краткій періодъ *надеждъ* на новаго Государя. Съ той же жадностью, съ которой сначала искали симптомовъ перемѣны политики въ предстоящемъ царствованіи, теперь стали искать предзнаменованій неудачъ и несчастій; этому помогли Ходынка, буря на Нижегородской ярмаркѣ во время появленія Государя и другія суевѣрія такого же типа.

Перемѣна отношеній общества къ Государю постепенно подготовляла идеологію будущаго Освободительнаго Движенія. Окрикъ Николая II не могъ остановить идейнаго оживленія общества; тѣмъ болѣе, что модное его выраженіе — марксизмъ — никакихъ надеждъ съ личностью новаго Государя не связывало. Еще менѣе возвѣщенная Государемъ программа способна была устранить противорѣчіе между проблемами, которыя властно становились передъ государственной властью и той узкой задачей, которую она сама себѣ ставила—т. е. *защищать Самодержавіе.* Политика Николая II продолжала быть агрессивной; но такъ какъ открытыхъ враговъ Самодержавія онъ передъ собой не видалъ, то ударялъ по легальнымъ и лойяльнымъ людямъ и учрежденіямъ. Мелкіе, ненужные уколы въ родѣ закрытія общества Грамотности или Московскаго Юридическаго Общества чередовались съ безумными походами на Финляндію или армянъ.

Если кто-нибудь страдалъ отъ такого новаго курса, то это только *идеалисты Самодержавія,* поклонники Великихъ Реформъ. Общественная мысль получала предметное обученіе. Въ эпоху 80-хъ годовъ только отдѣльныя единицы съ проницательностью заклятыхъ враговъ догадывались, что реформы 60-хъ годовъ, либерализмъ и Самодержавіе несовмѣстимы. Широкое общество эту несовмѣстимость искренно отрицало. *Ее* еще можно было увидѣть въ Совѣщательномъ «представительствѣ»; но чѣмъ могли мѣшать Самодержавію судъ присяжныхъ или земскія учрежденія? Казалось, что на этомъ могло настаивать только реакціонное изувѣрство Побѣдоносцева или Каткова. Но при Николаѣ II это опасное ученіе о несовмѣстимости стало оффиціальнымъ мнѣніемъ власти. Государь сказалъ это въ своей рѣчи въ Зимнемъ Дворцѣ. Министръ Юстиціи Н. В. Муравьевъ въ вступительномъ словѣ о реформѣ Суда нашелъ его *независимость* несовмѣстимой съ Самодержавіемъ. Всемогущій Министръ Финансовъ С. Ю. Витте въ запискѣ о Сѣверо-Западномъ земствѣ написалъ то-же про *земство. Вся идеологія Великихъ реформъ* оказывалась принципіально *съ Самодержавіемъ* несовмѣстимой.

Понятно, какой выводъ изъ этого сдѣлало широкое общество. *Прежде* либеральные дѣятели, отстаивая реформы 60-хъ годовъ отъ ихъ ненавистниковъ, оберегая ихъ принципы отъ искаженія, вѣрили, что этимъ они служатъ *эволюціи* нашего строя; что въ результатѣ онъ дойдетъ и до «увѣнчанія зданія». При Николаѣ II мысль объ «эволюціи Самодержавія» стала считаться такой же утопіей, какой для многихъ является сейчасъ эволюція большевизма. Совѣтскій строй, говорятъ теперь, надо уничтожить, его нельзя исправлять; *такъ* либеральное общество стало смотрѣть и на Самодержавіе. Такая ультимативная постановка вопроса стала овладѣвать общественнымъ мнѣніемъ; ее понимали съ полслова. А «если нѣтъ — то нѣтъ», писалъ П. Н. Милюковъ, въ сборникѣ о «самоуправленіи» и всѣ отлично по-

нимали, на что онъ намекаетъ. Такъ создавалась новая идеологія либерализма, объявившая скоро непримиримую войну Самодержавію.

Передъ войной идетъ работа по мобилизаціи силъ. Это можно было наблюдать и въ Россіи. Въ 1898 году организовалась соціалъ-демократическая рабочая партія. Около 1903 года партія соціалистовъ-революціонеровъ. Революціонныя партіи подъ разными названіями не были новостью. Но организованной *либеральной* партіи Россія до тѣхъ поръ не видала. Теперь и *она* появилась. Созданіе «Союза Освобожденія» съ своимъ органомъ «Освобожденіемъ» заграницей было самымъ яркимъ, новымъ и символическимъ явленіемъ этого времени.

Такъ началось «Освободительное Движеніе» въ кавычкахъ, т.-е. та организованная работа общественныхъ силъ, которая наполнила первые годы XX вѣка и привела къ 17 октября 1905 г. Освободительное движеніе въ широкомъ смыслѣ, т.-е. борьба за начала либерализма, за свободу личности, законность, самоуправленіе существовала давно и никогда не исчезала. Въ шестидесятыхъ годахъ она вдохновляла даже самую Самодержавную власть. Но при Николаѣ II эта борьба измѣнила характеръ. Она сосредоточилась исключительно и всецѣло на низверженіи *Самодержавія;* сдѣлалась открытой войной противъ *него.* И именно эта война скоро захватила все общество.

Прежнее мирное и терпѣливое настроеніе измѣнилось; общество выбросило, какъ опасную иллюзію, мысль, будто развитіе учрежденій, созданныхъ въ шестидесятыхъ годахъ, само ведетъ къ конституціи. Эта вѣра прежняго либерализма была отброшена съ тою же легкостью, съ какой теперь отбрасываютъ мысль объ эволюціи совѣтскаго строя. Пока существуетъ совѣтская власть, не можетъ быть никакого прогресса въ Россіи, — учатъ *теперь;* пока не низвержено Самодержавіе, не могутъ развиваться либеральныя реформы Александра II, говорили *тогда;* нужно забыть все

разногласія, устремить всѣ силы на главный фронтъ, на борьбу съ Самодержавіемъ. Но отрицать эволюцію значило отвергать мирный путь, звать къ экстраординарнымъ методамъ борьбы возможнымъ лишь накороткѣ, на зато достигающимъ болѣе полнаго и скораго результата. Таковы всегда «войны» и «революціи»; они аналогичныя по пріемамъ явленія. На это пошли. Методы дѣйствій, которые стало примѣнять Освободительное Движеніе, были методами настоящей войны. Война ведетъ къ быстрой развязкѣ. Она и увѣнчалась скорою побѣдою уже 17 октября 1905 г. Но быстрота и успѣхъ безнаказанно не проходятъ. Война часто воюющія стороны развращаетъ и надолго мѣшаетъ установленію прочнаго мира. Мы можемъ наблюдать на Россіи, какой цѣной мы заплатили за нашъ слишкомъ быстрый успѣхъ.

Глава VI.

«ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ».

Аналогія «Освободительнаго Движенія» съ войной идетъ очень глубоко. Къ войнѣ позволительно прибѣгать только когда другого выхода нѣтъ. Она ведется единственно ради хорошаго мира. Но пока она длится, въ жертву ей приносится *все*. У военныхъ особая идеологія, съ которой во время войны сообразуется вся жизнь государства. Идеологія штатскихъ мѣшаетъ военной побѣдѣ, какъ идеологія военныхъ мѣшаетъ заключенію мира. Большинство населенія не хочетъ войны; она противорѣчитъ его интересамъ и складу понятій. Войну предпочитаютъ лишь профессіональные военные и особенно ихъ руководители; страна имъ подчиняется, какъ подчиняется вообще распоряженіямъ власти. И потому при войнѣ необходимо «руководство» всей жизнью страны.

Побѣдоносная война можетъ много дать побѣдителю, если разумный миръ заключить онъ сумѣетъ. Для подобнаго

мира не нужно, какъ можно больше ослабить противника: это полезно для успѣха *войны*, а не для качества *мира*. Миръ хорошъ не тогда, когда противникъ *ослабленъ*, а когда устранены причины для споровъ.

При заключенiи мира часто оказывается, что воевать не было надобности, что тѣ-же результаты могли быть достигнуты мирнымъ путемъ, болѣе долгимъ, но зато болѣе прочнымъ. Война объясняется тогда не необходимостью, а простой психологiей; упорствомъ тѣхъ, кто не хотѣлъ во время сдѣлать уступокъ или нетерпѣливостью тѣхъ, кто не хотѣлъ ихъ дождаться.

«Освободительное Движенiе» было войной и всѣ эти черты можно на немъ наблюдать. И эта война должна была кончиться примиренiемъ между обществомъ и исторической властью. И она не была необходима. Самодержавiе было обречено; оно могло выигрывать время, но спасти себя не могло. Обществу было достаточно жить и расти, чтобы получить все, что ему было нужно въ томъ числѣ и «увѣнчанiе зданiя». Но у руководителей общества не хватило терпѣнiя. Они предпочли покончить съ Самодержавiемъ короткимъ ударомъ — войной. Эту войну они провели очень умѣло и вышли изъ нея побѣдителями. Но за то хорошаго мира заключить не сумѣли.

Пока длилась война руководителями ея естественно стали тѣ, кто «войну» предпочиталъ мирной работѣ. Либеральные дѣятели старой формацiи войны не хотѣли и добивались своихъ цѣлей мирнымъ путемъ. Они служили своимъ идеямъ въ рамкахъ существовавшаго строя и *этимъ* готовили новый порядокъ. Мировой судья, который защищалъ въ своей камерѣ законъ и права человѣка, работалъ на «увѣнчанiе зданiя» не меньше, чѣмъ тѣ, кто въ подпольной прессѣ «требовалъ» конституцiи. Но надъ такимъ самомнѣнiемъ «освободительное движенiе» стало смѣяться, какъ всегда смѣются военные надъ дипломатами.

Прежнiй либерализмъ вѣрилъ, что къ конституцiи онъ

придетъ «эволюціей» существующихъ учрежденій. Въ Россіи было зерно, изъ котораго «самотекомъ» росла конституція. Это было мѣстное самоуправленіе, т.-е. земство. Оно вѣдало тѣ-же общія нужды, что и государство; какъ оно было принудительной организаціей, но осуществляло принципъ «народоправства». Стоило постепенно развить это начало къ низу и къ верху и конституція сама собой бы пришла. Это было бы долгимъ путемъ, но во время него воспитывались бы кадры людей, которые на опытѣ узнавали бы нужды страны, трудности, которыя имъ предстояли бы и были бы подготовлены, чтобы смѣнить прежнихъ представителей власти.

Это было такъ неизбѣжно, что Витте правильно отмѣтилъ *несовмѣстимость* земства съ Самодержавіемъ. Иной фактъ того же порядка. Земецъ, который по убѣжденіямъ *не хотѣлъ* конституціоннаго строя, Д. Н. Шиповъ только потому, что онъ былъ настоящій земецъ и развивалъ земское дѣло, противъ своей воли сдѣлался однимъ изъ основоположниковъ конституціоннаго строя въ Россіи. И первые конституціоналисты, которые начали *практически* ставить вопросъ о конституціи, были не даромъ именно *земцами*.

Не было поэтому оптическимъ обманомъ считать, что Освободительное Движеніе «выросло» изъ земской среды. Но земцы долго не хотѣли войны и предпочитали идти мирнымъ эволюціоннымъ путемъ. Если бы совѣтчики Николая II сумѣли использовать такое ихъ настроеніе, то стала бы происходить эволюція самодержавнаго строя, которая постепенно привела бы къ «конституціи»; и тогда на первомъ планѣ ея оказались бы земцы. Но Николай II отвергъ этотъ путь. Его политика стала бить по нервамъ либеральнаго общества. «Безсмысленными мечтаніями» показались тогда надежды на власть. Война началась. Но роли перемѣнились. Если земцы остались въ авангардѣ этой войны, дали ей свой флагъ и аппаратъ, то управлять войной пришлось уже не имъ.

Война противъ Самодержавія была *открыто* объявлена

созданіемъ въ 1902 году заграничнаго органа «Освобожденія». Позднѣе возникъ и «Союзъ Освобожденія». Въ этомъ либеральные земскіе дѣятели еще играли первую роль. Но когда борьба за принципы либерализма превратилась въ борьбу противъ самодержавія, руководство ею перешло въ руки «политиковъ». Практическихъ же же политическихъ дѣятелей Россія того времени не имѣла. «Политикѣ» можно было служить только въ теоріи, въ области науки и публицистики. Публицистика у насъ пріобрѣла особое значеніе. На Западѣ, гдѣ были «практическіе» политическіе дѣятели, она являлась подсобнымъ занятіемъ; вела *идейную* борьбу, но не руководила политической жизнью. Не публицисты считались вождями и знаменосцами. Если они выдвигались, то тотчасъ переходили въ разрядъ практическихъ дѣятелей. У насъ практическая политическая дѣятельность ограничивалась журналистикой. Теоретики сдѣлались единственными спеціалистами политики. И руководство освободительнымъ движеніемъ перешло къ нимъ, къ политической «интеллигенціи»; это положило на него свой отпечатокъ.

Характеръ новаго руководства не составлялъ тайны. Въ первомъ же номерѣ «Освобожденія» была помѣщена декларація «Отъ русскихъ конституціоналистовъ». Они «руководители»; но они не земцы. Земство только воинская часть, которой вожди указываютъ ея мѣсто на фронтѣ. Вожди же— «политики». Секрета болѣе нѣтъ. Въ «Послѣднихъ Новостяхъ» въ дни юбилейныхъ воспоминаній о П. Н. Милюковѣ было указано, что эта руководящая статья перваго номера была написана имъ, т.-е. не земцемъ, а ученымъ историкомъ и публицистомъ. Въ тотъ моментъ интеллигенты съ земцами еще однако не расходились. Они были другъ другу нужны. Когда передовые земцы начали войну «за конституцію», помощь «интеллигенціи» была имъ необходима. Земцы повели кампанію въ прессѣ, выпускали сборники политическихъ

статей, затѣяли заграничный органъ «Освобожденія»—и не могли этого сдѣлать безъ помощи «интеллигенціи». Самимъ редакторомъ «Освобожденія» былъ ими выбранъ не земецъ, а ученый и публицистъ П. Б. Струве. Но и интеллигенція нуждалась въ помощи земцевъ; они дали ей средства, кадры, техническій аппаратъ, связи съ практическими дѣятелями. Такъ въ началѣ между ними былъ равноправный союзъ. Но потомъ соотношеніе силъ измѣнилось. Ключевскій, передавая легенду о призваніи варяговъ, говорилъ въ своихъ лекціяхъ: «варяговъ призвали защищать интересы городовъ противъ внѣшнихъ враговъ, а не затѣмъ, чтобы они владѣли тѣмъ, кого защищали. А варяги ихъ себѣ подчинили». То-же случилось и съ земцами.

Но земцы не сразу и не безъ остатка растворились въ «интеллигенціи». Они еще долго были ближе къ психологіи населенія. Вѣдь военныя дѣйствія чужды обывателямъ. Они не одобряютъ, когда у нихъ вырубаютъ лѣса, взрываютъ мосты и разрушаютъ дома; тактическіе лозунги «Освобожденія» стали встрѣчать протесты въ обывателяхъ и въ земской средѣ. Это отражалось въ «Освобожденіи». Такъ въ одномъ изъ первыхъ его номеровъ появилась статья «стараго земца» въ защиту русскаго земства. Въ ней обнаруживалась душевная драма прежнихъ земскихъ работниковъ, кого руководители «освободительнаго движенія» съ легкимъ сердцемъ обвиняли теперь въ бездѣйствіи и покорности. Практическіе работники знали, каково было это бездѣйствіе и чего стоила эта покорность; сколько усилій непроизводительно тратилось для небольшихъ достиженій. Но «достиженія» существовали, двигали впередъ русскую жизнь и готовили Россіи лучшее будущее. Пренебреженіе къ этой работѣ прежнимъ дѣятелямъ казалось ошибкой. Прошлое земства возставало противъ директивъ «новой тактики». Но для «руководителей» этого cas de conscience существовать не могло. Въ № 17 «Освобожденія» появилась отвѣтная статья

П. Н. Милюкова. По отношенію къ земцамъ онъ беретъ начальственный тонъ. Ихъ душевную драму онъ просто вышучиваетъ. «Будемъ надѣяться, пишетъ онъ, что ненависть къ тому политическому строю, который могильной плитой придавилъ живыя силы пробуждающаго народа, докончитъ политическое воспитаніе земскихъ тружениковъ и уравняетъ настроеніе въ земской средѣ. Надо думать, тогда станутъ невозможными и реплики дилетантовъ политической борьбы по адресу кандидатовъ въ ея мученики».

Ироническое выраженіе «реплики дилетантовъ», смутило Редактора; онъ заявилъ въ примѣчаніи, что не понимаетъ этого слова. Но оно характерно. Оно напоминаетъ высокомѣріе, съ которымъ во время войны военные принимаютъ «штатскія» разсужденія. П. Милюковъ былъ послѣдователенъ; если война, такъ война. Можно было не объявлять войны Самодержавію, продолжать работу въ рамкахъ существовавшаго строя; мириться съ тѣмъ, что значительная часть этой работы уходитъ на тренія, и продолжать надѣяться на эволюцію. Но когда мирные пути покинуты и война объявлена, то нельзя смущаться тѣмъ, что война останавливаетъ мирныя достиженія и разрушаетъ то, что было сдѣлано раньше. Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ. Когда во время войны штатскіе указываютъ военнымъ на ея зло, напоминаютъ о необходимости щадить жизни, постройки и цѣнности, военные въ правѣ раздражаться на такія «дилетантскія реплики». Съ такими взглядами нельзя войны объявлять потому, что ее нельзя *выиграть*. Можно быть увѣреннымъ, что война противъ Самодержавія не была бы выиграна полностью, что примиреніе съ нимъ произошло бы гораздо раньше, если бы во главѣ движенія остались прежніе «дѣятели», а не тѣ, кто даже будучи ими по положенію усвоили *психологію* политическихъ теоретиковъ. Для побѣды въ этой войнѣ нужно было имѣть *ихъ* руководство и потому они скоро затмили и повели за собой прежнихъ испытанныхъ «практиковъ».

Но старые дѣятели не вовсе исчезли; они только стали меньшинствомъ, были поглощены «массой» и «улицей». Въ рядахъ «Освободительнаго Движенія» они занимали особую позицію; думали не только о томъ, чтобы ослабить врага, но и о томъ, что надо будетъ дѣлать, когда *война прекратится.* Эти ихъ отсталые штатскіе взгляды можно найти и въ Освобожденіи.

Они интересны; и болѣе всего потому, что люди этого настроенія къ «Освободительному Движенію» все же примкнули и съ Самодержавіемъ не хотѣли мириться. Напомню статью отъ 25 іюля 1904 г., въ которой по слогу и мыслямъ я узнаю одного изъ либеральныхъ предводителей Тамбовской губерніи. Авторъ — непримиримый конституціоналистъ. Но онъ все же находитъ, что *недостаточно* думать только о томъ, чтобы Самодержавіе *свергнуть;* пора спросить себя, что либерализмъ станетъ дѣлать, когда самъ станетъ властью и теперь же приспосабливать его къ этой будущей роли. Этой разновидности «либерализма» авторъ присваиваетъ довольно неуклюжее названіе «государственное общественное мнѣніе» *). Онъ напоминаетъ, что Россія находится въ условіяхъ тяжелой внѣшней войны и рекомендуетъ новую тактику; надо правительству не мѣшать, а приносить ему въ войнѣ посильную помощь, доказывая этимъ пользу общественности.

Въ слѣдующемъ номерѣ «Освобожденія» появилась отвѣтная статья С. С., т. е. П. Н. Милюкова. П. Милюковъ не скрываетъ тревоги, которую этотъ «уклонъ» встрѣтилъ въ средѣ чистыхъ «освобожденцевъ». «Мы, конечно, предполагали, говоритъ авторъ, что среди конституціоналистовъ есть

---

*) Этотъ терминъ, конечно, мало вразумителенъ и неуклюжъ; но онъ любопытенъ тѣмъ, что черезъ 20 лѣтъ снова воскресъ. Послѣ катастрофы 17 года появилось и было широко использовано тѣми самыми, кто въ 1904 г. этотъ терминъ осмѣивалъ, не менѣе неуклюжее названіе —«государственно-мыслящіе» люди и направленія. Это было не даромъ.

и такія настроенія, но не ожидали, что они могутъ обнаружиться такъ открыто и стать даже господствующими». Въ послѣднемъ онъ, къ сожалѣнію, ошибался; эти настроенія не могли быть господствующими. И все же они произвели на Милюкова «тяжелое впечатлѣніе». Почему? Потому, говоритъ онъ, что это пониманіе, къ которому онъ приклеивалъ насмѣшливую кличку «національ-либерализмъ», дѣлало его носителей «союзниками Плеве». Низверженіе Плеве было для правовѣрныхъ освобожденцевъ болѣе важной задачей чѣмъ побѣда во внѣшней войнѣ или спасеніе страны отъ анархіи. Поэтому Освободительное Движеніе не могло одобрить той тактики, которая меньшинствомъ предлагалась. Это значило бы «выпустить» непріятеля. И широкое общественное мнѣніе было не съ «конституціоналистами» приведенной статьи, а съ П. Н. Милюковымъ.

Естественный отборъ господствуетъ въ жизни. Нужды «войны» выдвинули на первый планъ *новыхъ* людей. Ихъ отличала непримиримая ненависть къ Самодержавію, неспособность съ нимъ помириться до полной побѣды, наивная вѣра, будто все зло *только* въ *немъ*. Только люди, которые *такъ* чувствовали, которые были готовы подать руку *всѣмъ*, кто шелъ противъ Самодержавія, тогда внушали довѣріе. Представители мирной земской работы, либералы стараго типа уже казались теперь ненадежными. Во время войны они только мѣшали, какъ мѣшаетъ всякій, кто осмѣливается преждевременно думать о мирѣ.

Конечно, не рекомендуемая «новая тактика», могла свергнуть Самодержавіе. Освобожденская непримиримость была для этой цѣли дѣйствительнѣй. Но существованіе въ освободительномъ лагерѣ этихъ «государственныхъ» элементовъ было необходимо для побѣды надъ Самодержавіемъ. Именно они были причиной того, что Самодержавіе, имѣвшее еще въ своемъ распоряженіи много моральныхъ и матеріальныхъ силъ для сопротивленія, въ 905 г. предпочло уступить. Оно думало, что уступаетъ

государственнымъ элементамъ, какъ въ 917 г. отрекавшійся Императоръ думалъ, что склоняется не передъ разбушевавшейся улицей, а передъ *Государственной Думой.* Въ обоихъ случаяхъ съ его стороны это было въ значительной степени только оптическимъ обманомъ. Благоразумные либеральные элементы страны въ этотъ моментъ уже были безсильны. Ихъ безсиліе и опредѣлило политику и судьбу либерализма послѣ побѣды. Такъ руководство профессіональныхъ политиковъ приблизило общество къ желанной побѣдѣ надъ Самодержавіемъ; но оно же уменьшило шансы, что общество этой побѣдой сумѣетъ воспользоваться на пользу Россіи. Можно было предвидѣть, что военные въ нужное время со сцены уйти не захотятъ.

* *
*

Во время войны условія будущаго мира отходятъ на задній планъ. О нихъ предпочитаютъ не говорить, чтобы не понижать настроенія и не позволить противнику провести себя лицемѣрными обѣщаніями. Тогда только одна цѣль — сломить силу противника, заставить его признать себя побѣжденнымъ.

Это можно было наблюдать и на «освободительномъ движеніи». Либеральная программа 60-хъ годовъ, свобода, законность, самоуправленіе — отошла на задній планъ. Было признано, что осуществить ее невозможно, *пока существуетъ Самодержавіе.* Война начата была только для того, чтобы Самодержавіе свергнуть; и потому программа движенія умѣстилась въ двухъ словахъ — «Долой Самодержавіе», которыя изъ эвфемизма назывались «двухчленною формулой», а по попавшему въ печать простодушному донесенію одного провинціальнаго полицейскаго пристава были «извѣстной русской поговоркой».

Въ такой постановкѣ вопроса для успѣха *войны* была своя выгода. Она откладывала попытки примиренія — до полной побѣды. Въ либеральной программѣ было много того, противъ чего Самодержавіе возражать бы не стало.

Вѣдь оно же само проводило *эту* программу въ 60-хъ годахъ. На этой программѣ ему бы было возможно съ обществомъ сговориться и расколоть лагерь противниковъ. На вѣкъ оно бы себя не спасло, но получило бы большую отсрочку. Съ точки зрѣнія исхода *войны* руководители были правы, когда единственнымъ условіемъ мира ставили отмѣну «Самодержавія». Это было ясно сказано въ руководящей статьѣ «Освобожденія», въ № 1. «Нѣтъ смысла, говоритъ эта статья, поднимать сейчасъ вопросъ о тѣхъ законодательныхъ задачахъ, рѣшеніе которыхъ предстоитъ будущемъ органу русскаго народнаго представительства. Экономическія, финансовыя, культурныя, просвѣтительныя, административныя реформы, рабочее законодательство и аграрный вопросъ, децентрализація и переустройство мѣстнаго самоуправленія—все это и подобные имъ вопросы, выдвинутые русскою жизнью, составляютъ неисчерпаемый матеріалъ для *будущей* законодательной дѣятельности *представительнаго* органа». Итакъ пока кромѣ «Долой Самодержавіе» въ программѣ нѣтъ ничего.

Эта «формула» не была революціонною формулой. Говорили «Долой Самодержавіе», а не «Долой Монархію». Самодержавному Монарху противополагался *конституціонный* Монархъ. Монархія должна была только раздѣлить свою власть съ представительствомъ. Монархія не уничтожалась; она была еще громадной моральной и матеріальной силой; ею охранялись порядокъ и единство Россіи. Либерализмъ не мечталъ о республикѣ. Было бы безуміемъ устранить Монарха изъ будущаго устройства Россіи: было полезно его сохранить и потому приходилось съ нимъ считаться и ему уступать. Формы конституціонной монархіи могли быть очень различны, какъ различенъ бываетъ и составъ представительства. Въ этомъ былъ просторъ для соглашеній. Непримиримость была только въ самомъ *принципѣ Самодержавія*. Въ этомъ все «освободительное движеніе» было согласно.

Но какъ ни была теоретически правильна занятая въ

№ 1 «Освобожденія» позиція, какъ только руководители перешли къ практической дѣятельности, имъ пришлось увидать, что для успѣха этого недостаточно. Для многихъ изъ самихъ руководителей двухчленная формула показалась недостаточно ясной; они заподозрили, что «цензовые» элементы движенія собираются присвоить плоды побѣды *себѣ* и потому сочли необходимымъ точнѣй указать, чѣмъ будетъ замѣнено прежнее Самодержавіе.

Это былъ споръ среди интеллигентныхъ руководителей; масса къ нему отнеслась безразлично. Но интеллигенція увидала въ немъ пробный камень, который отдѣлялъ «своихъ» отъ «чужихъ». И на разрѣшеніи этого перваго спора обнаружился характерный отпечатокъ интеллигентскаго міровоззрѣнія.

У интеллигенціи было много добрыхъ намѣреній, идеализма, теоретическихъ знаній; у нея не хватало главнаго — опыта. А только опытъ формируетъ «политика». Въ странахъ съ развитой политической жизнью политическіе дѣятели кончаютъ свое воспитаніе, когда побываютъ у власти. Только *это* есть законченный опытъ. Но и безъ опыта *власти* у нихъ есть все-таки «практика». Они участвуютъ въ обсужденіи вопросовъ законодательства и управленія, вносятъ конкретныя предложенія и на ходъ политики реально вліяютъ. Это немало для воспитанія. Мы увидѣли это и на себѣ. За 10 лѣтъ Думы и свободы печати, какъ ни малъ былъ этотъ срокъ, русскіе политическіе дѣятели *многому* научились. Но какой опытъ могъ быть у нихъ *до* 905 года? Всѣ отрицательныя черты ихъ исключительно «теоретическаго» книжнаго воспитанія на нихъ отразились.

Политика, по опредѣленію великаго мастера ея Наполеона, есть искусство добиваться намѣченной цѣли *наличными средствами*. Для «политика» необходима правильная оцѣнка средствъ, которыми онъ обладаетъ и прежде всего того людского матеріала, которымъ ему приходится опери-

ровать. Этой оцѣнкѣ могъ учить только практическій опытъ. До нѣкоторой степени онъ былъ у земцевъ; его совсѣмъ не было у нашихъ вождей, ученыхъ и публицистовъ. Они знали только себя и свой кругъ; они легко были готовы принять къ исполненію всѣ научные выводы права, синтезъ научной теоріи, безотносительно къ матеріалу, къ которому придется ихъ примѣнять.

Даже въ области чистой теоріи они получили одностороннее воспитаніе. Для русской публицистики и науки главный вопросъ, т.-е. о *русскомъ* Самодержавіи былъ совершенно закрытъ. Ни на его недостатки, ни на желательность его замѣны какимъ-либо инымъ строемъ указывать было нельзя. Русскій политическій вопросъ поэтому не могъ быть освѣщенъ всесторонне. По необходимости съ давнихъ поръ публицистика и даже наука съ особенной любовью устремила свое вниманіе на *заграничную* жизнь; объ ней она могла свободнѣе разсуждать и въ чужой жизни отстаивать *свои* идеалы. Читатели и слушатели могли догадаться, что вся заграничная критика примѣнялась къ Россіи. А недостаточное знакомство съ заграничной жизнью и полная безотвѣтственность за сужденія о ней склоняли русскую публицистику къ наиболѣе смѣлымъ и теоретически послѣдовательнымъ взлядамъ и выводамъ. Не смѣя критиковать Самодержавія, она отыгрывалась на порицаніи англійскихъ консерваторовъ, французскихъ оппортунистовъ, на осужденіи компромиссовъ. Этимъ она брала свой реваншъ за наши порядки. Это давало искусственное политическое воспитаніе всей нашей интеллигенціи, которая въ значительной мѣрѣ воспитывалась на журналистикѣ. Она дѣлала доброе дѣло, была противовѣсомъ казенной идеологіи, напоминала обществу о томъ, что могло бы быть и въ Россіи. Но воспитанная на ней интеллигенція соединила въ себѣ всѣ недостатки безотвѣтственной оппозиціи, которая судитъ о жизни только по несоотвѣтствію ея своему идеалу, безъ учета реальныхъ возможностей.

У нея выработалось другое аналогичное свойство. Идеалъ ея былъ такъ далекъ отъ русской дѣйствительности, что она не старалась его съ ней *преемственно* связывать. Публицистика не интересовалась вопросомъ, какимъ русскимъ институтамъ суждено «переродиться »въ европейскія учрежденія. Даже тѣ наши историки, которые превосходно изучили вопросъ о смѣнѣ политическихъ формъ, говоря о нашемъ будущемъ, старались о прошломъ забыть, какъ о дурной наслѣдственности, которая только *мѣшаетъ*. Условія цензуры этому пріему благопріятствовали; изъ-за нея надо было избѣгать явныхъ параллелей и аналогій. Знаменитая записка Витте о земствѣ произвела потрясающее впечатлѣніе между прочимъ и потому, что безъ намековъ и умолчаній поставила вопросъ, котораго въ печати ставить не смѣли. Такое воспитаніе пріучило интеллигенцію смотрѣть на Россію, какъ на tabula rasa, на которой въ извѣстный моментъ будетъ почему-то, какъ-то и кѣмъ-то строиться новый строй по послѣднимъ рецептамъ теоріи.

Нетрудно представить себѣ, на чемъ остановились наши «вожди», когда рѣшили уточнить формулу «Долой Самодержавіе». Ихъ программа соединила «послѣднія слова» политической доктрины. Эти слова интеллигенція давно изучила на Западѣ и не видѣла основаній отказать въ нихъ Россіи. Всеобщее избирательное право, отвѣтственное министерство и даже созывъ полновластнаго Учредительнаго Собранія по четырехвосткѣ для написанія конституціи. Долгое устраненіе русскаго общества отъ политической жизни, запретъ для печати обсуждать эти вопросы получили въ этой программѣ свою Немезиду.

Одинъ, но за-то главный вопросъ, не былъ поставленъ: въ какой мѣрѣ эти рецепты науки и опыта Запада были примѣнимы къ тогдашней русской дѣйствительности? Россія была не только политически отсталой, но невѣжественной, почти безграмотной страной. Одно это уже дѣлало сомни-

тельной пользу четыреххвостки. Еще больше осложняло вопросъ то, что она была страной разнокультурной, разноплеменной и разносословной, что она еще не вышла изъ полуфеодальнаго строя. Крестьянская реформа 61 г. завершена не была. Большая часть населенія въ Россіи жила внѣ общихъ законовъ. Было много высшихъ и низшихъ, но особенныхъ національныхъ культуръ, къ которымъ общіе законы также не примѣнялись. Нужны были многіе годы, чтобы въ культурномъ и правовомъ отношеніи Россія объединилась и создалось понятіе «россійскаго гражданина». А пока этого достигнуто не было, представительство по 4-хвосткѣ не могло быть правильной базой. Основаніе конституціоннаго строя—самоуправленіе; представительство издаетъ тѣ законы, которые будетъ къ самому себѣ примѣнять; въ *этомъ* залогъ ихъ пригодности. Въ Россіи при наличіи особыхъ законовъ представительство приходилось сначала строить иначе. Даже для теоретическихъ сторонниковъ четыреххвостки немедленный успѣхъ ея въ Россіи былъ невѣроятенъ.

Наконецъ Учредительное Собраніе нормально появляется только тогда, когда законной власти болѣе нѣтъ и приходится создавать ее заново. Для возможности Учредительнаго Собранія надо было сначала *свергнуть* или вовсе *обезсилить* Монархію; а объ этомъ освободительное движеніе не помышляло.

Но на всѣ такія сомнѣнія наши вожди отвѣчали съ обезоруживающей самоувѣренностью. Въ нихъ усматривали только постыдное отсутствіе «вѣры въ народъ». Ссылались на опыты западныхъ странъ. «Не Бисмаркъ ли ввелъ всеобщее избирательное право въ Германіи? Не удалось ли оно даже въ Болгаріи? Будемъ ли мы бояться засилія крайнихъ соціалистическихъ партій? Но смотрите на Германію: тамъ рабочій классъ наилучше организованъ и наиболѣе культуренъ; но и въ немъ соціалъ-демократы меньшинство». А что касается до «Учредительнаго Собранія», то вѣдь это «теоретически» безупречный способъ выявить истинную «волю народа». Мо-

нархія ей сама подчинится. О томъ, что Монархія въ Россіи опирается не на одни только штыки, что ее поддерживаетъ громадная часть населенія, что Монархія тоже можетъ говорить *его* именемъ, а главное, что Россіи нужно было вовсе не уничтоженіе Монархіи, а *соглашеніе* съ ней — объ этомъ наши вожди и не думали. И реформаторская схема «Освободительнаго Движенія», не уничтожая Монархіи и не провозглашая республики, все-таки для измѣненія государственнаго строя сочла возможнымъ обойтись безъ Монарха. Вотъ эта схема: громоздкая комиссія изъ представителей существующихъ общественныхъ организацій и учрежденій для составленія избирательнаго закона въ Учредительное Собраніе; созванное по этому закону Учредительное Собраніе, которое сочинитъ русскую конституцію; и только тогда нормальное законодательное собраніе, которое будетъ думать о текущихъ нуждахъ страны. Вотъ та теоретически безупречная схема, которая должна была дополнить лаконическую формулу «долой самодержавіе». Если «Освободительное Движеніе» собиралось быть безпартійнымъ, національнымъ, т.-е. хотѣло согласиться на той общей формулѣ, которая бы объединила всѣхъ *противниковъ Самодержавія,* и только Самодержавія, то уже этой программой оно отъ первоначальной цѣли своей отступало; такая программа—была *партійной,* программой *интеллигентскаго радикализма.* Свои желанія и пониманія радикализмъ принималъ за желаніе всей Россіи, увѣренный, что Учредительное Собраніе выражаетъ непремѣнно волю страны. Наивная иллюзія теоретиковъ, отъ которой излѣчиваетъ только практическій опытъ. Но теоретики управляли войной и ихъ пониманіе превозмогло; практики имъ подчинились, какъ во время войны гражданскія власти подчиняются требованіямъ военныхъ вождей. И это тѣмъ охотнѣе, что до побѣды казалось еще очень далеко.

Такъ кончился споръ на верхушкѣ движенія, въ средѣ его руководителей. Но остановиться на этомъ было нельзя.

Къ этому спору массы были равнодушны. А между тѣмъ ихъ надо было привлечь къ общему дѣлу. И вотъ почти черезъ годъ послѣ той первой статьи перваго номера, гдѣ вся практическая программа была сознательно отложена до установленія конституціи, статьи, исходящей отъ «русскихъ конституціоналистовъ» и написанной П. Н. Милюковымъ, въ № 17 «Освобожденія» появляется другая статья того же автора, совершенно обратнаго содержанія.

«Истекшій годъ», говорится въ этой статьѣ, далъ политическимъ дѣятелямъ исключительный опытъ, и этотъ опытъ не можетъ пройти безслѣдно». Если не поднять сейчасъ же вопросовъ аграрнаго и рабочаго, то партія «политическаго освобожденія» оттолкнетъ тѣ элементы, «безъ привлеченія которыхъ она будетъ влачить жалкое существованіе». Одной конституціей народа не захватить; интеллигенція останется при собственныхъ силахъ. И для привлеченія «крестьянъ и рабочихъ» программа *должна датъ и имъ обѣщанія.*

Въ этой второй статьѣ все характерно. Характерно неожиданное сознаніе, что широкія массы равнодушны къ тому, чѣмъ увлекалось интеллигентное общество т. е. къ тому «политическому освобожденію Россіи отъ Самодержавія», которое было главнымъ raison d'être всего движенія. Ни Учредительное Собраніе, ни четыреххвостка, ни другіе коньки интеллигенціи оказывается къ себѣ массъ не привлекали и партіи «Освобожденія» грозило *и при этихъ лозунгахъ* «влачить жалкое существованіе». Массы интересовались другимъ: *аграрнымъ* и *рабочимъ* вопросомъ. Поэтому ихъ нельзя было откладывать, а надо было ставить въ первую голову. Но отсюда выходилъ совершенно новый подходъ къ этимъ вопросамъ. Думали не о томъ, какъ въ интересахъ Россіи разрѣшить эти вопросы, а о томъ, какъ въ интересахъ войны съ Самодержавіемъ для привлеченія массъ ихъ поставить. Дѣло шло не о пользѣ Россіи, а о созданіи — иро-

нія судьбы — популярной «рабоче-крестьянской» программы. Такъ «Освободительное Движеніе» сначала изъ національнаго превратилось въ партійное, а затѣмъ неприкровенно перерождалось уже въ демагогію. Такой пріемъ безнаказанно не проходитъ; онъ отразился на «Освободительномъ движеніи» и его программѣ. Самый подходъ къ этимъ вопросамъ, рабочему и аграрному, дѣлаетъ излишнимъ разсматривать ихъ какъ *программу*. Они были вопросами тактики. Мы ихъ въ связи съ ней и разсмотримъ.

Желанные результаты этотъ подходъ къ дѣлу принесъ; не только интеллигенція, вѣрившая въ неопровержимость данныхъ имъ научныхъ лозунговъ, но обывательская масса, помышлявшая только о насущныхъ своихъ интересахъ, стала присоединяться къ движенію и это какъ разъ тогда, когда движеніе изъ національнаго превращалось въ партійное. Создалась видимость широкаго общественнаго мнѣнія и народной воли. Сами побѣдители серьезно повѣрили въ «волю народа», съ которой спорить нельзя. За все это они заплатили позднѣе.

* *
*

Цѣли войны вліяютъ на ея исходъ только посредственно, поддерживая или ослабляя рѣшимость войну продолжать. Рѣшаютъ же войну соотношеніе силъ и военныя дѣйствія. И въ «Освободительномъ Движеніи» самостоятельный интересъ представляютъ пріемы, которыми добились побѣды.

Сейчасъ нелегко представить себѣ трудность борьбы съ Самодержавіемъ. Какъ-то разъ во время студенческихъ безпорядковъ толпа студентовъ ввалилась въ аудиторію профессора А. А. Бабухина, знаменитаго остроумца, съ какими-то политическими требованіями. Онъ спросилъ таинственнымъ тономъ: «у Васъ пушки есть?» И въ отвѣтъ махнулъ безнадежно рукой и протянулъ: «такъ о чемъ же вы говорите»?

Какъ шутка надъ претензіями студентовъ чего-то добиться крикомъ — это могло быть остроумно. Но какъ политическое сужденіе — это поверхностно. Дѣло было не въ пушкахъ.

Post factum стали доказывать, будто старый режимъ давно «прогнилъ насквозь» и не могъ удержаться. Это преувеличено даже для самыхъ его послѣнихъ годовъ. Но въ началѣ «Освободительнаго Движенія» этого не было вовсе. Правда Самодержавіе уже не справлялось съ потребностями жизни; противъ него неудержимо слагались новыя силы, которыя въ концѣ концовъ не могли его не осилить: никто не можетъ безъ конца противиться теченію времени, какъ никто не можетъ жить вѣчно. Но въ началѣ XX вѣка силы Самодержавія были еще таковы, что его могло хватить на *многіе* годы. Аппаратъ государственной власти не былъ поколебленъ. Самодержавіе было еще очень сильно морально. Не только въ широкихъ массахъ народа *другого* режима представить себѣ не умѣли и въ Самодержавіи надѣялись имѣть опору *противъ* господъ; въ самомъ образованномъ, даже либеральномъ обществѣ *полнаго* разочарованія въ Самодержавіи *не* было. Самодержавію было вполнѣ возможно найти компромиссъ, чтобы выйти изъ обострившихся затрудненій.

Вступая въ борьбу съ принципомъ Самодержавія, Освободительное Движеніе выбрало линію *наибольшаго* сопротивленія. Наши Государи Самодержавіемъ дорожили. Александръ II былъ преданъ ему не менѣе, чѣмъ Николай I. Въ наше «фашистское» время легче понять психологію тѣхъ, кто въ Самодержавіи видѣлъ тогда превосходный инструментъ для блага страны. Направить ударъ на Самодержавіе значило занять позицію, гдѣ добровольной уступки ожидать было нельзя. Введеніе конституціи въ Россіи было рискованной задачей. У насъ была слишкомъ разительна пропасть, отдѣляющая культурное меньшинство и «народъ». Пріобщить къ конституціи одно меньшинство, значило бы дать ему преобладаніе надъ народомъ, чего народъ не хотѣлъ.

Отдать все большинству, по четыреххвосткѣ значило бы отдать всю судьбу государства людямъ, которые самую проблему государства еще не умѣли усвоить. При разноплеменности нашей страны народовластіе могло повести къ національнымъ соревнованіямъ и къ колебанію единства Россіи. Эти соображенія давали право искренно думать, что передъ Самодержавіемъ еще остаются задачи, которыя оно само должно сначала разрѣшить до конца, прежде чѣмъ отъ своей исторической власти отречься. Не считая Самодержавія вѣчнымъ, можно было добросовѣстно считать введеніе «конституціи» преждевременнымъ. Казалось болѣе вѣрною тактикой возвратить Самодержавіе къ прежней либеральной программѣ, идти постепенно къ «увѣнчанію зданія», чѣмъ пытаться сразу свалить его штурмомъ.

Но если убѣжденіе въ пользѣ Самодержавія заставляло Николая II его защищать, то оно же было и его слабымъ мѣстомъ. Если бы Государь былъ простымъ властолюбцемъ, который для сохраненія власти былъ бы готовъ пожертвовать всѣмъ, онъ могъ бы долго держаться. Для этого у него было достаточно силъ. Но у него пропадала воля къ сопротивленію, когда онъ начиналъ сомнѣваться въ томъ, что страна за него. Тогда онъ уступалъ и даже раньше, чѣмъ нужно. Такъ было и въ 1905 году, когда онъ отрекся отъ Самодержавія, и въ 1917, когда онъ отрекся отъ самаго престола безъ боя. Его попытки послѣ 1905 г. отстаивать свою прежнюю Самодержавную власть легко объяснить не столько властолюбіемъ и двуличіемъ, сколько искреннимъ разочарованіемъ въ зрѣлости нашего общества, на чемъ «правые» сумѣли сыграть и убѣдить его, что его Самодержавіе нужно и желанно Россіи. Характеръ Николая II дѣлалъ его ненадежнымъ союзникомъ, но зато и неопаснымъ противникомъ. Онъ могъ уступать передъ видимостью.

Въ своей новой тактикѣ «Освободительное Движеніе» отказалось отъ старыхъ ошибокъ, отъ штурмовъ и путчей всякаго рода, отъ пушекъ, бомбъ и револьверовъ. Помню въ

самомъ разгарѣ «Освободительнаго Движенія», публичную лекцію въ Парижѣ П. Б. Струве, подъ характернымъ заглавіемъ «Не штурмъ, а блокада».

Въ основѣ этой лекціи, какъ и тактики «Освободительнаго Движенія» лежала вѣрная мысль: Самодержавіе, какъ и всякій, самый плохой режимъ государства, на одномъ насиліи долго держаться не можетъ. Если небольшое количество вооруженнаго войска сильнѣе невооруженныхъ и неорганизованныхъ массъ, какъ это мы видимъ напримѣръ при военныхъ оккупаціяхъ, то это продолжаться долго не можетъ; въ такомъ состояніи страна умираетъ. Это возможно при оккупаціи иноземцевъ, которая по существу не можетъ быть продолжительна, и при которой оккупантъ равнодушенъ къ вымиранію населенія. Но это невозможно для власти, которая связана съ населеніемъ и изъ *него* черпаетъ свою силу. И потому у всѣхъ диктатуръ есть *другая* опора кромѣ насилія; кто же рѣшится это оспаривать для самыхъ типичныхъ изъ диктатуръ; для Муссолини и Гитлера?

Тому же самому учитъ примѣръ совѣтской Россіи. Совѣтская власть для своего спасенія готова жертвовать всѣмъ; возможно, что и къ вымиранію населенія она равнодушна. Но все-таки она понимаетъ, что не сможетъ удержаться только на силѣ. Ей нужна опора въ странѣ, и она ее добивается систематической ложью, пропагандой, спеціальнымъ воспитаніемъ молодежи, рекламой, театральными съѣздами, смотрами, похоронами и мавзолеями. Ей все это нужно, кромѣ Че-ка и насилія. Она пока ухитряется обмануть и это условіе ея существованія. Она могла уничтожить старые классы страны. Но Россіи она уничтожить не сможетъ. Потому и она не можетъ дѣлать *все,* что захочетъ. И ей положенъ предѣлъ и она бываетъ принуждена уступать. Ибо ея спасеніе въ этихъ уступкахъ.

Эти соображенія лежали въ основаніи тактики «Освободительнаго Движенія». Оно понимало, что пока моральныя силы Самодержавія въ странѣ не подорваны, насиліемъ его

свергнуть нельзя. Русское общество знало разные виды Самодержавія, но *другого порядка* не знало. Задачей Движенія стало отрывать отъ Самодержавія сочувствіе массъ, указывать на новый, лучшій порядокъ, и создавать по крайней мѣрѣ видимость общаго убѣжденія въ этомъ. Эта задача была исполнена въ нѣсколько лѣтъ.

Этого не могло бы быть, если бы само Самодержавіе этому не помогало. Обреченные режимы всегда уничтожаютъ сами себя. Не либеральное общество, а Николай II при вступленіи на престолъ поставилъ принципіальный вопросъ о Самодержавіи. Безъ всякой необходимости, вмѣсто ожидаемаго развитія либеральныхъ реформъ, *онъ* выдвинулъ тезисъ о несовмѣстимости Самодержавія съ простымъ участіемъ земства въ государственномъ управленіи; *онъ* призналъ, что врагъ Самодержавія не въ революціонной, а въ лойяльной земской средѣ; *онъ* оповѣстилъ, что есть люди, которые хотятъ Самодержавіе ограничить.

Ставя такъ вопросъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, Самодержавіе не собиралось допускать споровъ о немъ. Оно разрѣшало разносить «конституцію», но не позволяло ея сторонникамъ ее защищать. Для этого у него было достаточно оружія; въ его рукахъ была цензура, законы противъ печати, собраній, всякаго публичнаго слова. Но чтобы использовать эти преимущества полностью, надо было имѣть большевистскую психологію, и пользоваться властью по-большевистски. На это Самодержавіе не годилось. Политикой «полумѣръ» оно только облегчало работу противникамъ; избавляло ихъ отъ аргументовъ по существу, отъ необходимости спора. Оно дѣлало своимъ противникомъ такую рекламу, которую сами себѣ они сдѣлать и не сумѣли бы.

За слово «конституція» въ началѣ 90-хъ годовъ привлекали къ отвѣту. Но во времена Павла I запрещено было слово «общество» и это его не уничтожило. Запретъ *говорить о конституціи* легко обходился. Молчали о конститу-

ціи для Россіи, но съ любовью и нѣжностью описывали конституціонную жизнь европейскихъ странъ, слѣдили за каждымъ шагомъ парламентской дѣятельности (чего стоили одни корреспонденціи Діонео и Іоллоса), писали серьезныя книги о конституціяхъ Европы, разбирали ихъ недостатки, читали въ Университетахъ курсы государственнаго права Европы и мѣшать этому было нельзя. Съ этимъ можно было бороться только большевистскимъ насиліемъ, но спуститься до большевистской жестокости и произвола Самодержавіе не умѣло. Вѣдь войну за Самодержавіе началъ миролюбивѣйшій Николай II, увѣренный, что весь народъ стоитъ за него, что врагами его является ничтожная и потому неопасная кучка интеллигентовъ. Только потому онъ и началъ войну. Онъ былъ бы способенъ идти по пути реформъ 60-хъ годовъ, и помочь той эволюціи, которая самотекомъ, но еще не такъ скоро, привела бы и къ «конституціи». Но на войну съ «Освободительнымъ Движеніемъ» какъ и на всякую войну, онъ не годился. А онъ самъ избралъ путь, на которомъ побѣдить онъ не могъ.

Гоненіе на слово «конституція» сдѣлалось способомъ ея рекламированія. Если о ней молчало «Освободительное Движеніе», то на помощь имъ приходили не въ мѣру усердные сторонники Самодержавія. Помню, какъ примѣръ, шумъ отъ одной статьи Грингмута въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Онъ обратился къ «либераламъ» съ лицемѣрными словами примиренія. «Изъ-за чего мы съ вами враждуемъ? спрашивалъ онъ. Мы одинаково хотимъ блага Россіи. Вы хотите просвѣщенія—мы тоже. Вы думаете, что его лучше дастъ земская школа, а мы за церковно-приходскую. Вы хотите безсословнаго устройства русскаго общества, мы за сословный укладъ. Но это второстепенно; изъ-за этого разногласія между нами вражды быть не можетъ. Есть одинъ только пунктъ, гдѣ мы не сойдемся. Это вопросъ о формѣ правленія для Россіи. Скажите, что Вы за Самодержавіе, и не только въ *настоящее* время; (знаемъ мы эти подлыя увертки — предупреждалъ

Гринмутъ). Скажите, что Вы *не хотите конституціи*, ни теперь, ни послѣ, считаете ее вредной и мы протянемъ Вамъ руку. Что Вамъ стоитъ это сказать? Вѣдь Вы же Самодержавію присягали. Вѣдь это только повторить слова присяги. А если Вы этого не скажете, мы вашей руки не коснемся; на ней не только грязь, но и кровь». Либеральная пресса вышучивала это «приведеніе» ко вторичной присягѣ, а Гринмутъ торжествовалъ: «видите они молчатъ, они не отрекаются отъ конституціи, значитъ они *за* нее». Такая глупая защита Самодержавія конституцію рекламировала.

Борьба власти съ призракомъ конституціи стала напоминать борьбу Годунова съ призракомъ Дмитрія. Это «слово» стали видѣть повсюду. Маленькій личный примѣръ. Въ 901 году на банкетѣ Татьянина дня, въ Художественномъ кружкѣ я въ рѣчи напомнилъ, что въ этомъ году на праздникѣ столѣтія Государственнаго Совѣта и Учрежденій министерствъ не было «общества», а зато на праздникѣ Университета не было «правительства». Говоря о расхожденіи общества и правительства, мысли и власти, я кончилъ пожеланіемъ, что если у насъ власть не умѣетъ быть *мыслью*, то чтобы мысль стала *властью*. Большаго я не сказалъ. Но пошла молва, что я предложилъ на банкетѣ тостъ за конституцію. Директоръ художественнаго кружка А. И. Сумбатовъ и много гостей были вызваны къ градоначальнику, чтобы установить точно, что я говорилъ; кружку грозили репрессіей, а меня не тронули вѣроятно больше всего потому, что это былъ все-таки Татьянинъ День, гдѣ по традиціи Москвы можно было все говорить.

Но если цензура правительства не помѣшала говорить и думать о «конституціи», то она имѣла другое послѣдствіе. Трезвая оцѣнка различныхъ сторонъ конституціи замѣнилась неразсуждающей мистической *вѣрой* въ нее. Никто не имѣлъ возможности спокойно осуждать ея дурныя и хорошія стороны, ставить вопросъ о ея пригодности для Россіи. О ней *спорить* было нельзя, какъ вѣрующему человѣку не-

прилично «доказывать» существованіе Бога. Всѣ составныя части «конституціи» — народоправство, культъ «большинства», принципъ избранія — все это покрывалось той же мистической вѣрой. Можетъ быть потому такъ легко было воспринять безъ возраженія самыя спорныя части этой вѣры — четырехвостку, парламентаризмъ и Учредительное Собраніе. Credo quia absurdum. Скептики свои сомнѣнія должны были таить про себя и даже не улыбаться подобно римскимъ авгурамъ. Тѣмъ болѣе, что сущность этой *вѣры* онѣ раздѣляли и сами; введенію представительства время несомнѣнно настало. А о ея трудностяхъ говорить было рано.

Такъ вѣра въ конституцію какъ въ «панацею», при которой благополучіе Россіи не только станетъ возможно, но очень легко, и которой будто бы изъ одного властолюбія мѣшаетъ «Самодержавіе», стала захватывать умы той «обывательской» массы, которая о существѣ конституціи получила понятіе только послѣ 1905 года. Была вѣра, у нея были свои пророки, являлись и свои мученики. «Двухчленная формула» превратилась въ извѣстную поговорку; создавалась иллюзія общаго мнѣнія. Съ Самодержавіемъ оставались какъ будто только сторонники его злоупотребленій. Эта видимость заставляла отъ него сторониться. Прежніе его идеалисты стыдились оставаться въ подозрительномъ обществѣ и шли на сближеніе съ конституціоналистами.

Но вѣра требуетъ дѣлъ. И потому она не могла не отразиться на тактикѣ стараго либерализма, т.-е. того теченія, которое давно боролось за извѣстные принципы общежитія въ рамкахъ существовавшаго строя и считало конституцію не фундаментомъ, а «увѣнчаніемъ зданія». Когда само Самодержавіе повело походъ противъ либеральныхъ реформъ 60-хъ годовъ, это теченіе старалось спасать изъ нихъ то, что было возможно. Либеральные дѣятели себя утѣшали, что этой работой, хотя бы цѣною уступокъ, они сохраняютъ традиціи прошлаго и подготовляютъ лучшее будущее. Эта оборонительная

тактика практиковалась повсюду, въ судѣ, въ земствѣ, въ высшей школѣ, въ печати. Она наталкивалась на противодѣйствіе власти, на глупыя мѣры ея представителей, на обывательское равнодушіе. Либеральные дѣятели были обречены на созерцаніе гибели людей и начинаній, и успѣха подсказанныхъ отчаяніемъ злобныхъ утопій. Но зато эта неблагодарная работа все-же сколько-то оберегала прежнія завоеванія отъ полнаго разгрома.

Такая тактика, подсказанная условіями тяжелаго времени 80-хъ годовъ, создала особый типъ дѣятелей, среди которыхъ какъ и вездѣ было столько же карикатуръ, сколько героевъ, столько же людей искреннихъ, сколько фальшивыхъ. Имъ пришлось испытывать на себѣ заносчивую несправедливость людей «новой вѣры». Они утверждали, что старая тактика не только безцѣльна, но для дѣла вредна. «Освобожденіе» рекомендовало другіе пріемы, которые были такъ же непохожи на прежніе, какъ военныя дѣйствія непохожи на мирную дѣятельность.

Всѣ вѣрили, что при Самодержавіи ничего достигнуть было нельзя, но надо было теперь практически *это* доказывать. Нужно было Самодержавіе не оздоровлять, а компрометировать, провоцировать и добивать. Нечего было бояться потерь и разгромовъ. Надо было радоваться дикимъ выходкамъ власти. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Они содѣйствовали разложенію государственной машины и паденію довѣрія къ Самодержавію. Въ этомъ заключалось «новое слово» движенія. Не приходилось жалѣть о гибели культурныхъ завоеваній или заботиться о ихъ сохраненіи. Ими должно было жертвовать, если отъ этого получался политическій эффектъ. Общественные дѣятели приглашались: «всю силу, всю энергію истратить на созданіе атмосферы общаго недовольства и протеста. («Освобожденіе», № 22). Въ статьѣ «Какъ бороться съ Самодержавіемъ» («Освобожденіе» № 21) — авторъ такъ опредѣляетъ тактику: «конституціоналисты не должны

упускать ни одного случая, открывающаго возможность *обострить* или *создать* конфликтъ между органами общественной самодѣятельности и самодержавнымъ режимомъ».

Я взялъ изъ «Освобожденія» формулировку того, чѣмъ должна была быть во время войны «новая тактика». Она далеко отошла отъ работы прежнихъ дѣятелей, которые создавали и оберегали культурныя цѣнности. Эти цѣнности теперь стали ставить на карту. Какъ во время войны безъ счета расходуютъ военный матеріалъ, накопленный за мирный періодъ, такъ у насъ стали подводить подъ ударъ свои собственныя достиженія, если это приводило къ обостренію недовольства. Къ удивленію земцевъ имъ стали указывать, что главная цѣль и самой земской дѣятельности вовсе не «создавать», а «протестовать». А на вопросъ о формѣ протеста, имъ отвѣчали: «Исторія представительныхъ учрежденій Европы выработала двѣ неразрывно связанныхъ другъ съ другомъ формы протеста: обструкція и забастовка». («Освобожденіе» — № 13 «Что намъ дѣлать»).

И прежніе дѣятели видѣли въ правительствѣ «врага» своихъ начинаній. Но они старались его перехитрить; скрывали «затаенныя цѣли», накапливали «достиженія» въ рамкахъ законности. Но началась «война» и предосторожности стали ненужны. Гибель того, что было создано раньше, считалась столь же естественной, какъ на войнѣ военныя разрушенія; безъ этого войны не бываетъ. Важно было, чтобы атмосфера негодованія все же росла, чтобы война захватывала новыя области, чтобы власти становилось все труднѣе управлять государствомъ.

Эти директивы соотвѣтствовали психологіи общества, отчаявшейся въ наступленіи разумнаго «поворота». Освобожденская «тактика» стала проникать во всѣ сферы общественной жизни; вездѣ стали прочно обострять недовольство, плодить конфликты и этимъ доказывать невозможность сотрудничества съ Самодержавіемъ. Если бы люди разныхъ профессій вспомнили перемѣну, которая въ эти годы совершилась въ

ихъ профессіональной работѣ, они установили бы одну и ту-же картину. Я, напримѣръ, ее наблюдалъ въ адвокатурѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ неожиданно для себя я сдѣлался адвокатомъ, я былъ далекъ отъ всякой политической дѣятельности. Я вернулся къ ней уже съ Освободительнымъ Движеніемъ. Я былъ поэтому хорошо поставленъ для того, чтобы не только наблюдать, но на собственномъ опытѣ ощущать перемѣну, которую въ адвокатской профессіи произвело «освободительное движеніе».

Мое вступленіе въ адвокатуру состоялось въ эпоху «реакціи». Реакціонной считалось тогда и адвокатура. Едва ли это вполнѣ точно. Реакціонность сословнаго органа видѣли въ ограниченіи имъ правъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и въ извѣстной долѣ антисемитизма. Можно съ этими тенденціями быть несогласнымъ, но это еще не «реакція». Зато, конечно, адвокатура этого времени была аполитичной. Большинство въ ней хорошо понимало, что Судебнымъ Уставамъ, и въ частности адвокатурѣ, грозитъ большая опасность, что сохранить то, что еще есть, ея корпоративность и независимость возможно лишь осторожностью. Въ этомъ были единомышленны всѣ наши «отцы». Даже Д. Н. Доброхотовъ, дѣтище радикальной журналистики шестидесятыхъ годовъ, считавшій Н. Г. Чернышевскаго непревзойденнымъ геніемъ, а Робеспьера — первымъ государственнымъ человѣкомъ, одна изъ самыхъ красочныхъ фигуръ этого времени, и тотъ сознавалъ, что общество и адвокатура переживаютъ упадокъ, что власть сильна и безпощадна, и что дразнить ее, не имѣя силъ для сопротивленія, неразумно. Адвокатура стремилась защищать то, что еще было; и она отошла отъ «политики», замыкаясь въ рамки тѣснаго профессіональнаго дѣла.

Но во второй половинѣ 90-хъ годовъ, когда въ обществѣ стали замѣчаться новыя вѣянія, началось оживленіе и въ адвокатурѣ. Новое поколѣніе, *молодые адвокаты*, организовали такъ называемый «бродячій клубъ», который соби-

рался по вторникамъ то у того, то у другого товарища. Онъ вдохновлялъ адвокатскія начинанія, отзывался на всѣ явленія въ жизни сословія. Но и эта адвокатская молодежь сначала не шла за предѣлы профессіональныхъ вопросовъ. Ее вдохновляло стремленіе оздоровить профессію, изъ способа зарабатывать деньги превратить ее въ общественное служеніе. Она создавала служащія этой цѣли организаціи. Это было уже новостью, переходомъ въ наступленіе, но все происходило въ *рамкахъ существовавшаго строя.*

Мнѣ трудно удержаться отъ соблазна вспомнить доброе старое время и тѣхъ товарищей, съ которыми мы вмѣстѣ выходили тогда на арену общественности. Но большинство ихъ въ Россіи, и я ихъ не хочу подводить. Наша работа не была безрезультатной. Мы не руководились высокомѣрной формулой: все или ничего. Мы знали, что при такой постановкѣ вопроса было бы всегда ничего. И мы дѣлали, что было *возможно.* Мы не ограничивались сожалѣніемъ о нашемъ безсиліи, а старались «создавать» въ данныхъ трудныхъ условіяхъ. Все, что мы сдѣлали и чѣмъ въ свое время гордились, въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ могло вызвать улыбку своею ничтожностью. Но рискуя подвергнуться осмѣянію со стороны «большихъ кораблей», которымъ свойственно только «великое плаваніе», я припомню кое-какія тогдашнія «достиженія», чтобы было понятно, о чемъ я говорю. И то, что происходило въ Москвѣ, повторялось въ другихъ городахъ.

Такъ помощники присяжныхъ повѣренныхъ создали полезнѣйшее для Москвы учрежденіе, консультацію при Мировомъ Съѣздѣ для юридической помощи населенію въ мелкихъ дѣлахъ. Въ этой иниціативѣ помощники не только не имѣли поддержки своего сословнаго органа, но должны были укрыться отъ него подъ покровительствомъ Мирового Суда. *Судьи* насъ отстояли противъ Совѣта. Входить въ конфликтъ съ ними Совѣтъ не захотѣлъ и сталъ наше существованіе «игнорировать». «Консультація» стала укрѣплен-

нымъ лагеремъ молодой адвокатуры, подъ защитой котораго продолжали группироваться аналогичныя инициативы. Они вышли за предѣлы Мирового Суда и складывались въ цѣлую сѣть «учрежденій».

Однимъ изъ такихъ филіаловъ былъ «кружокъ уголовныхъ защитниковъ». Онъ имѣлъ цѣлью создать институтъ казенныхъ защитниковъ для сессій окружного суда по уѣздамъ. Суды не имѣли права назначать въ уѣздные города представителей столичной адвокатуры; а адвокатура въ уѣздахъ отсутствовала. Въ результатѣ обвиняемые оставались при однихъ «кандидатахъ на судебныя должности». На этой почвѣ разросталась подпольная адвокатура, во главѣ съ знаменитымъ Лобысевичемъ и не менѣе знаменитымъ цыганомъ, вербовщикомъ его дѣлъ и кліентовъ. Цыганъ отличался изобрѣтательностью въ дѣлѣ рекламы; Лобысевичъ былъ немного похожъ лицомъ на Феликса Фора и, зная это, подъ него гримировался. А такъ какъ по случаю пріѣзда послѣдняго были выпущены папиросы съ его портретомъ, то эти коробки распространялись въ переднихъ окружного суда и выдавались за папиросы въ честь Лобысевича. Соотвѣтственно этому возрасталъ его гонораръ. Консультація рѣшила бороться съ такими нравами и обезпечить всѣмъ подсудимымъ въ уѣздахъ защиту присяжной адвокатуры. Образовался спеціальный кружокъ, члены котораго стали по очереди ѣздить на еженедѣльныя сессіи и защищали подрядъ всѣхъ подсудимыхъ. Такая инициатива не могла состояться безъ поддержки предсѣдателя этихъ сессій, взбалмошнаго и горячаго, но честнаго и независимаго судебнаго дѣятеля П. С. Кларка. Онъ цѣнилъ работу кружка, несмотря на то, что мы отнимали у суда много времени, раздражали прокуратуру, досаждали и суду, протоколируя кассаціонные поводы. И все-таки Кларкъ предоставлялъ кружку всѣ преимущества, которыя давались защитникамъ по назначенію. Эти поѣздки были не только полезны для подсудимыхъ, они были для насъ самихъ превосходною школою. Въ уѣздахъ процессы проходили безъ публики и

корреспондентовъ; защита имѣла дѣло съ сѣрыми составами присяжныхъ, не любившими краснорѣчія; она поневолѣ пріучалась къ дѣловому настроенію въ залѣ. И трудно пересказать, сколько эти поѣздки давали защитникамъ полезнѣйшихъ наблюденій надъ русской дѣйствительностью.

Жизнь усложнялась, параллельно усложнялись и задачи адвокатуры. Случайнымъ личнымъ почином осуществилось еще аналогичное предпріятіе: защита по дѣламъ, которыя называли общественными, имѣвшія корни не въ индивидуальной преступности, а въ соціальныхъ условіяхъ, какъ-то различные массовые безпорядки: фабричные погромы, аграрныя волненія, забастовки и т. д. Количество такихъ дѣлъ увеличивалось, но долгое время они проходили безъ вниманія адвокатуры, ихъ судили коронные суды и защита казалась безцѣльной. Они были всегда интересны съ бытовой стороны, часто и съ юридической, а защита была совершенно возможна. Это мы на опытѣ стали доказывать. Помню, какъ образецъ, забастовку на фабрикѣ «Гусь» Нечаева-Мальцева. Случайно узнавъ про это дѣло, мы въ составѣ трехъ близкихъ друзей рискнули туда поѣхать. Дѣло слушалось въ городѣ Меленкахъ, въ 30 верстахъ отъ станціи по осенней распутицѣ. Судъ былъ удивленъ, когда на защиту явились изъ Москвы три адвоката. Передъ началомъ нашихъ рѣчей предсѣдатель насъ предупредилъ, что коронный судъ не присяжные и что ему публицистики въ этомъ дѣлѣ не нужно. Мы это знали безъ предупрежденія. Защита была дѣловая, т.-е. юридическій анализъ событій и статей о забастовкѣ. На такую тему поневолѣ насъ слушали. Дѣло кончилось тѣмъ, что называлось «моральной побѣдой», т.-е. личнымъ успѣхомъ, но и обвинительнымъ приговоромъ. Мы перенесли дѣло въ Палату. Дѣло слушалось вновь при отсутствіи общаго интереса тѣмъ болѣе, что двери суда по такимъ дѣламъ закрывались. Результатъ былъ тотъ-же самый. Для подачи кассаціонной жалобы нужно было платить 25 рублей залога за подсудимаго; ихъ было много, такой взносъ былъ намъ не по силамъ. Въ видѣ

пробнаго шара мы подали кассаціонную жалобу отъ одного; другіе сѣли въ тюрьму. Черезъ три недѣли мы имѣли радость узнать, что Сенатъ раздѣлилъ наши доводы и дѣло было прекращено безъ передачи другому суду, по 1-ой и 1-ой. Старшій предсѣдатель Палаты, А. Н. Поповъ, узнавъ объ этомъ рѣшеніи, самъ предложилъ возстановить срокъ *всѣмъ* подсудимымъ, немедленно по телеграфу ихъ выпустилъ и поздравлялъ насъ съ тѣмъ, что мы въ правосудіи не отчаялись. Помню, какъ старикъ Л. В. Любенковъ приходилъ въ восторгъ отъ этого дѣла, говоря, что одна *молодежь* могла это сдѣлать. Постепенно такіе процессы стали обращать на себя вниманіе и судей, и общества, и прессы, и число защитниковъ, которые готовы были посвятить имъ свое время, увеличивалось. Участіе въ этихъ процессахъ стало какъ бы долгомъ адвокатуры. Между адвокатурой отдѣльныхъ городовъ установилась регулярная связь, и защита стала организованной. Но все происходило въ рамкахъ Судебныхъ Уставовъ. Мы оставались лойяльными адвокатами, сознательно воздерживаясь отъ соблазна говорить для публики, а не для судей. Сидячая и стоячая магистратура въ насъ это цѣнила. Послѣ одного грандіознаго процесса о безпорядкахъ на фабрикѣ В. Морозова, гдѣ намъ удалось измѣнить квалификацію преступленія, Предсѣдатель послѣ вердикта пригласилъ всю защиту къ себѣ въ кабинетъ и отъ лица состава присутствія принесъ намъ общую благодарность за то, что мы суду въ его задачѣ помогли разобраться. Вотъ русло, въ котормъ шла въ то время работа молодой адвокатуры. Это было то же дѣло, которое дѣлали прежніе земцы; культурная работа, которая отъ непосредственно «политической борьбы» устранялась, но создавала условія, которыя впослѣдстіи этой политической борьбѣ помогли.

Но пришло «освободительное движеніе» съ его лозунгами, и настроеніе адвокатуры перемѣнилось. Создался и естественный поводъ этому обнаружиться. Съ 903 года стали ставить на судъ процессы о «политическихъ» преступленіяхъ; въ судебномъ обиходѣ появились знаменитыя

статьи 102, 126, 129 и другія новаго «Уложенія». Передовая адвокатура естественно устремилась на организацію защиты по подобнымъ процессамъ. Кадры для этого уже были готовы. Былъ созванъ рядъ съѣздовъ для совмѣстнаго обсужденія вытекавшихъ отсюда вопросовъ. Но настроеніе адвокатуры стало инымъ. Помню докладъ одного изъ видныхъ представителей московской адвокатуры о томъ, какъ надо вести себя на этихъ процессахъ. Онъ говорилъ, что, читая защитительныя рѣчи защитниковъ *стараго* времени, онъ приходилъ въ негодованіе отъ позиціи, которую они занимали. Одни находили возможнымъ извинять своихъ кліентовъ ихъ молодостью, другіе невѣжествомъ; всѣ старались отъ своихъ подзащитныхъ отмежеваться. Защищать *такъ* политическіе процессы, значитъ ихъ унижать. Мы должны защищать не людей, а самое дѣло. Политическая защита на судѣ должна была поэтому быть не защитой, а только новымъ этапомъ прежней борьбы. Такова стала адвокатская тактика. Она уже не соотвѣтствовала законнымъ рамкамъ судебной защиты. Правда, въ ней были оттѣнки, зависящіе отъ защитниковъ, а иногда и самихъ подсудимыхъ, отъ ихъ умѣнья и такта. Но директивы защиты стали другія; судебный интересъ отступилъ передъ «политическимъ». Профессіональное дѣло защиты было сдѣлано средствомъ политики. И когда это средство оказывалось недостаточно дѣйственнымъ, пошли еще дальше. Для «обостренія конфликтовъ» и «возбужденія неудовольствія» и къ судебной защитѣ стали примѣнять столь странно звучащіе рецепты «обструкціи» и «забастовки». Скоро они сдѣлались чуть ли не классическимъ пріемомъ защиты.

Начало этому было положено въ 903 г. въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ Харьковской и Полтавской губерній. На судъ былъ поставленъ рядъ крестьянъ, которые при усмиреніи были высѣчены по распоряженію губернатора Оболенскаго. Возмущенные этой расправой защитники стали выяснять на судѣ, кто и какъ былъ наказанъ. Предсѣдатель этого не позволялъ; административныя репрессіи на-

казаніемъ не «считаются» и судомъ не зачитываются; словомъ, такіе вопросы «къ дѣлу не относились». Какъ кто-то острилъ: «сѣченіе было лишь мѣрою пресѣченія». Тогда защита коллективно съ процесса ушла, заявивъ, что при такомъ отношеніи предсѣдателя ей нечего дѣлать. Для того времени скандалъ былъ неслыханный. О поступкѣ защитниковъ сообщили Совѣту на предметъ дисциплинарнаго производства. Вмѣшалось Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Директоръ департамента полиціи былъ бывшій московскій прокуроръ Лопухинъ; онъ вызвалъ въ Петербургъ одного изъ знакомыхъ ему по Москвѣ защитниковъ и предупредилъ, что при повтореніи такого пріема защитники будутъ высланы административно. Но угрозы уже никого не пугали. Зато онѣ показали, что демонстрація цѣли достигла; отступать было нельзя. Аналогичныхъ процессовъ предстояло немало. Было рѣшено *всѣ* ихъ проводить въ такомъ же порядкѣ. Установлена была очередь, чтобы ѣздить на эти процессы. Помню, какъ я ѣхалъ въ Полтаву не защищать, а отъ защиты демонстративно отказываться; странно было сознавать, что не нужно готовиться къ дѣлу, что вся задача вызвать конфликтъ и уйти. Въ томъ же вагонѣ ѣхалъ Н. П. Карабчевскій, человѣкъ старыхъ адвокатскихъ традицій; онъ не понималъ, зачѣмъ его приглашали на дѣло, гдѣ его талантъ былъ не нуженъ. Наканунѣ процесса въ Полтавѣ состоялось совѣщаніе адвокатовъ. Тамъ уже былъ другой уголовный корифей П. Г. Мироновъ. Карабчевскій и особенно Мироновъ горячо возставали противъ новой тактики адвокатуры. Помню плачущій голосъ Миронова, который доказывалъ, что мы не исполняемъ долга защиты; всегда можно кое въ чемъ судей убѣдить, кое что у нихъ выпросить, смягчить, создать настроеніе и т. д. Карабчевскій поддерживалъ ту-же позицію. Но политическая адвокатура была настойчивѣе и побѣдила.

Я съ излишней подробностью припоминаю эти давно минувшіе дни, потому, что въ душномъ номерѣ полтавской

гостиницы происходило типичное столкновеніе двухъ міровоззрѣній. Это былъ тотъ-же споръ, который старые и новые земцы вели на страницахъ «Освобожденія». Корифеи прежней адвокатуры Карабчевскій и Мироновъ не могли помириться, что «святое дѣло» защиты, которое составляло ихъ raison d'être, было брошено ради политической «демонстраціи». Такъ старые земцы, всю жизнь воевавшіе съ губернаторомъ, не могли переварить, что считался нужнѣе всего «демонстративный жестъ», хотя бы съ разгромомъ того, что земствомъ было достигнуто. Такъ завоевала право гражданства «новая» тактика. И характерно, что ни Мироновъ, ни Карабчевскій штрейкбрейхерами быть не захотѣли; они уѣхали *до* начала процесса. На этомъ дѣло не остановилось. Совѣты, которымъ пришлось разбирать дисциплинарное производство, не могли осудить демонстрантовъ. Они боролись между желаніемъ не подводить адвокатскую автономію и сознаніемъ невозможности сдѣлать обратную демонстрацію. Они искали выхода въ компромиссѣ, въ легчайшемъ дисциплинарномъ взысканіи. Но и Палаты, куда по протестамъ прокуратуры переходило дисциплинарное производство, поддавались общему настроенію; онѣ понимали, что судятъ не обычное дисциплинарное дѣло, не адвокатское нерадѣніе или небрежность, судятъ лицъ, дѣятельность которыхъ онѣ уважали. Онѣ невольно негодовали на власть, которая такое унизительное положеніе для нихъ создавала. Такъ осуществлялись «освобожденскія» директивы: обострять конфликты, накапливать и увеличивать общее недовольство.

Эти дѣйствія адвокатскихъ «политиковъ» вызывали сочувствіе. Представители старыхъ традицій, которые протестовали противъ поведенія «молодежи» или отходили въ сторону или сами переходили къ новой тактикѣ. Адвокатская масса шла не съ ними, а съ нами. А государственная власть была не большевистская; она не ставила своихъ противниковъ къ стѣнкѣ, даже не уничтожила адвокатскаго самоуправленія. Она грозила ввести представителя прокуратуры

въ Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ; но и это осталось угрозой. Противъ отдѣльныхъ лицъ она иногда принимала административныя мѣры; ссылала ихъ въ Архангельскъ или Вологду и тѣмъ изъ нихъ создавала героевъ. Адвокатская масса постепенно переходила на сторону новыхъ руководителей, скоро ее нельзя было узнать. Она шла за новымъ теченіемъ съ пыломъ и энергіей неофитовъ; долго затаенное въ ней раздраженіе противъ власти прорвалось наружу, какъ только этой власти перестали *бояться*. Наиболѣе смирные мстили за свою прежнюю робость, негодовали и кричали громче другихъ. Реакціонный совѣтъ былъ забаллотированъ, у кормила правленія появились новые люди. Адвокатура, какъ таковая, была уже готова принять участіе въ борьбѣ Освободительнаго Движенія съ Самодержавіемъ, и ждала только подходящаго повода.

То, что я наблюдалъ въ адвокатской средѣ, повторялось повсюду. Новая дѣятельность становилась въ соотвѣтствіе съ новою вѣрой. Своей цѣли Освободительное Движеніе достигало. Оно усиливало и обостряло военную атмосферу и психологію. Войны можно часто избѣгнуть. Но послѣ перваго столкновенія она уже сама питаетъ себя, давая новые поводы для продолженія и всякую уступку противника считая доказательствомъ его слабости. Мы это увидимъ въ дальнѣйшемъ. Но увлеченіе войной безнаказанно не проходитъ. Для вѣрнѣйшаго торжества въ *настоящемъ* не боятся перекладывать трудности на *будущія* поколѣнія. За побѣду платятъ любою цѣной. Мы уже видѣли, какъ война искажала типъ либеральнаго профессіональнаго дѣятеля, заставляя его интересы профессіи приносить въ жертву «политикѣ», что терпимо во время войны, но во время мира уродуетъ общество и дѣлаетъ тошной «политику». Но это не все. Если бы «Освободительное движеніе» располагало только *этими* средствами борьбы, оно бы Самодержавіе побѣдить не могло. Одна интеллигенція не способна одолѣть физической силы и ея настроенія недостаточно страшны для власти и недоста-

точно прочны. И то и другое, и безсиліе героизма однихъ и позорное холопство другихъ мы увидѣли при большевикахъ. Одно Освободительное Движеніе не могло бы сломить Самодержавія, если бы рядомъ съ нимъ не шла антигосударственная стихія, Ахеронтъ, и если бы Освободительное Движеніе не пошло съ нимъ *заодно*. Этотъ новый шагъ закончилъ «блокаду» и «Самодержавіе» изолировалъ; онъ далъ побѣду движенію. Но этотъ шагъ оказался роковымъ для дальнѣйшаго; онъ создалъ либерализмъ совершенно новаго типа, который послѣ побѣды управлять государствомъ не могъ. Въ ту историческую минуту, когда наступилъ часъ либерализма, въ русской общественности его, какъ могучаго политическаго теченія, не оказалось. Были только отдѣльные и потому безсильные люди. Торжествовала революціонная идеологія и представители побѣжденнаго *стараго* режима стали опять необходимы для порядка въ Россіи.

VII.

ОТПЕЧАТОКЪ «ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ» НА ПСИХОЛОГІИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

Ахеронтъ съ его многообразными «злобами» давно себя проявилъ въ Россіи. Боязнь его стихійной мощи иногда вдохновляла власть на разумныя уступки. Опасеніе передъ «крѣпостнымъ» Ахеронтомъ, по признанію Александра II, убѣдило его въ необходимости реформы 61 года. Безсиліе справиться съ терроромъ въ 70-хъ годахъ привело къ политикѣ Лорисъ-Меликова. Но подобными мѣрами хотѣли Ахеронтъ укротить, лишить его благопріятной для него атмосферы. Но по существу ему не *уступали;* либеральная политика были лишь видомъ *борьбы съ нимъ*. Для либерализма стараго времени *союзъ съ нимъ* казался немыслимымъ.

Въ эпоху «Освободительнаго Движенія» недовольство широкихъ круговъ опять создало благопріятную обстановку

для выступленія Ахеронта. «Освобожденіе» перечисляло тѣ формы, въ которыхъ онъ сталъ проявляться; это—политическій терроръ, волненія учащейся молодежи, фабричные и аграрные безпорядки. Все это симптомы болѣзни опасной не только для Самодержавія, но для государства. При нормальныхъ отношеніяхъ въ государствѣ власть и общество общими усиліями должны были бы противъ *такого* Ахеронта бороться. Но съ тѣхъ поръ какъ общество поставило своей задачей низверженіе Самодержавія, объ общихъ дѣйствіяхъ съ нимъ не приходилось и думать. Освободительное Движеніе Ахеронта бояться не стало; оно помнило аксіому стратегіи; побѣду достаточно одержать на главномъ фронтѣ; остальное придетъ потомъ. Оно такъ и поступало; главнымъ фронтомъ была война съ Самодержавіемъ. Освободительное Движеніе противъ него пошло за одно съ Ахеронтомъ; о томъ, насколько онъ опаснѣе Самодержавія — оно не заботилось.

Возьмемъ самый антигосударственный видъ Ахеронта— политическій терроръ. Русское либеральное общество издавна къ террору относилось, если не сочувственно, то по крайней мѣрѣ нейтрально. Отсутствіе у него самого законныхъ путей для борьбы противъ власти заставляло его въ «террористахъ» видѣть борцовъ за «общее» дѣло, какъ ни далеко отъ либерализма стояли ихъ цѣли.

Общество восхищалось ихъ героизмомъ и ихъ идеализировало. Они рисковали жизнью и этимъ все искупали. Террористы были окружены ореоломъ, поблекшимъ только тогда, когда ихъ самихъ увидали у «власти».

Наконецъ идейная борьба съ ними въ то время, когда имъ грозила петля, была невозможна морально. Въ обличеніи ихъ враги клеветой не стѣснялись. Либерализмъ считалъ справедливымъ заступаться за тѣхъ, на кого можно было клеветать *безнаказанно*.

Такое отношеніе къ террористамъ было понятно; но оно не означало одобренія террору. Либеральные дѣятели

понимали, что терроръ самъ «провоцируетъ» власть на репрессіи, отъ которыхъ страдаютъ либеральныя начинанія. Террористы оказывались «за предѣлами досягаемости», а за нихъ расплачивались легальныя учрежденія. А если иногда акты террора и склоняли политику влѣво, то еще чаще порождали припадки реакціи. Выстрѣлъ Каракозова опредѣлилъ поворотъ въ царствованіи Александра II, какъ 1-ое марта дало силу Побѣдоносцеву. Терроръ мѣшалъ либеральной политикѣ; террористы надъ нею смѣялись; ихъ вдохновляли не «либеральные» идеалы. Поэтому хотя либерализмъ понималъ, какъ неизбѣжно явленіе террора, не искалъ для него объясненій въ низкихъ мотивахъ, онъ солидаризироваться съ нимъ все же не могъ.

Терроръ прекратился въ 80-ые годы; нелѣпость убійства 1 марта оттолкнула отъ него сочувствіе общества; а безъ него существовать онъ не могъ. Простая полицейская техника его тогда доканала. Когда въ Россіи появился марксизмъ, онъ отнесся къ террору съ неодобреніемъ, какъ къ революціонной «романтикѣ». Но съ «освободительнымъ движеніемъ» воскресъ снова и терроръ. На фонѣ общаго недовольства и озлобленія «активисты» по темпераменту не «могли молчать»; они хотѣли проявленіемъ «жертвенности» и «дѣйственности» что-либо сдѣлать, не думая о послѣдствіяхъ. Но и «освободительное движеніе» не заняло прежней нейтральной позиціи. У него съ террористами оказался общій врагъ — Самодержавіе, и они поэтому могли быть другъ другу полезны.

Въ № 5 Освобожденія въ статьѣ «Либерализмъ и такъ называемыя революціонныя направленія» П. Б. Струве объявилъ о своей *солидарности* съ Революціей со свойственной ему ясностью: «Если въ Россіи оппозиція считалась крамолой, говорилъ П. Струве....., то это значитъ, что въ Россіи нѣтъ крамолы, а есть только оппозиція... Никакого хаоса и никакой анархіи революціонное движеніе не можетъ создать... Либерализмъ долженъ признавать свою *солидар-*

ность съ такъ называемымъ *революціоннымъ* направленіемъ»...

Это совсѣмъ не убѣдительно. Изъ того, что оппозиція трактовалась у насъ, какъ «революція», не слѣдуетъ, чтобы «революція» сдѣлалась простой «оппозиціей». Но съ тѣхъ поръ, какъ либерализмъ поставилъ первой задачей низверженіе Самодержавія, революціонная дѣятельность стала для него полезнымъ подспорьемъ. Она Самодержавіе ослабляла. Не «революція» стала «оппозиціей», а «оппозиція» пошла за «революціей».

Это обнаружилось и въ тактическихъ пріемахъ. Союзъ Освобожденія сдѣлалъ шагъ для стараго либерализма немыслимый. Онъ принялъ участіе въ конференціи оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій, закончившейся опубликованнымъ ихъ соглашеніемъ. Конференція произошла въ октябрѣ 904 г., т.-е. при Святополкъ-Мирскомъ, наканунѣ перваго земскаго съѣзда. Въ общей деклараціи конференціи было заявлено, что борьба противъ Самодержавія будетъ имѣть бо̀льшій успѣхъ, если «дѣйствія различныхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ, будутъ координированы» (Листокъ «Освобожденіе» № 17). Было спеціально оговорено, что ни одна изъ представленныхъ на конференціи партій не отказывается отъ какихъ бы то ни было пунктовъ своей программы или своихъ *тактическихъ* пріемовъ.

Одна возможность этого соглашенія показываетъ, какъ измѣнилась къ этому времени идеологія либерализма.

Требованіе низверженія Самодержавія ставилось либерализмомъ, какъ необходимая предпосылка самыхъ скромныхъ реформъ. Освободительное Движеніе доказывало, что *безъ этого* никакая либеральная программа осуществиться не можетъ. Либерализмъ добивался *конституціонной* монархіи, чтобы проводить въ ней свою программу реформъ.

А партія террористовъ соціалистовъ-революціонеровъ,

которую представлялъ на конференціи между прочимъ Азефъ, вовсе не хотѣла «конституціонной монархіи». У нея были другіе политическіе и соціальные идеалы; что для либерализма было когда-то «увѣнчаніемъ зданія», а теперь стало фундаментъ новаго строя, для революціонно соціалистическихъ партій было лишь удобной позиціей для дальнѣйшей борьбы противъ основъ, на которыхъ стоялъ этотъ строй. Это было ихъ право. Но потому либерализмъ былъ ихъ врагъ, котораго они собирались аттаковать тотчасъ послѣ общей побѣды надъ Самодержавіемъ. Со стороны либерализма это соглашеніе было союзомъ съ грозящей *ему самому* Революціей. Спасти Россію отъ Революціи могло только примиреніе исторической *власти* съ *либерализмомъ*, т.-е. искреннее превращеніе Самодержавія въ *конституціонную Монархію.* Заключая вмѣсто этого союзъ съ *Революціей*, либерализмъ «Освобожденія» *этотъ* исходъ устранялъ; онъ предпочиталъ служить торжеству Революціи.

Можно понять психологію разочарованныхъ либераловъ, которые, потерявъ вѣру въ возможное оздоровленіе власти, начинали предпочитать ей Революцію. Самодержавіе эти настроенія само воспитало. Но знаменательно, что соглашеніе съ Революціей освобожденскій либерализмъ сдѣлалъ именно тогда, когда правительство въ лицѣ Святополкъ-Мирскаго пошло новымъ *либеральнымъ* курсомъ, когда началось давно невиданное оживленіе легальнаго общества, земскіе адреса, возстановленіе Земскаго Съѣзда и т. д. *Это* оказалось моментомъ, который либерализмъ выбралъ, чтобы оффиціально отречься отъ своей старой, самостоятельной политики и пойти на службу къ революціонерамъ.

Какія были послѣдствія этого? У террористовъ осталась ихъ программа и тактика. А «Союзъ Освобожденія», если не обязался самъ принимать участіе въ террорѣ, потерялъ право противъ него возражать. Онъ долженъ былъ его отнынѣ *оправдывать,* какъ его въ № 5 Освобожденія уже оправдывалъ Струве. *Это* стало оффиціальной позиціей

Освобожденія, отъ которой онъ болѣе не отступалъ. Когда въ отвѣтственныхъ заявленіяхъ, которыя дѣлали либеральные дѣятели, попадалась нотка осужденія Революціи, «Освобожденіе» немедленно протестовало. Такъ было съ первой ласточкой «весны», статьей князя Е. Трубецкого въ «Правѣ», съ знаменитой рѣчью кн. С. Н. Трубецкого на Петергофскомъ пріемѣ. «Освобожденіе» не упустило этихъ случаевъ, чтобы не осудить Трубецкихъ за ихъ отрицательное отношеніе къ революціи.

Трудно сказать, принесла ли эта позиція либерализма освободительному движенію пользу. Если терроръ могъ быть полезенъ, то для того, чтобы проявляться, онъ не нуждался въ санкціи либерализма. Но самъ либерализмъ долженъ былъ смотрѣть дальше; послѣ побѣды онъ могъ стать государственной властью; *это* было его историческимъ призваніемъ. Его подчиненное отношеніе къ Революціи было съ этимъ несовмѣстимо. Это позднѣе не разъ обнаруживалось. На Земскомъ Съѣздѣ въ ноябрѣ 1905 года, и позднѣе въ 1-ой Государственной Думѣ, либерализмъ не выдержалъ испытанія на государственность. Это заставило историческую власть искать правительства въ другихъ общественныхъ элементахъ. Такъ первая Дума сама подготовила министерство Столыпина. На отношеніи къ Революціи и на роковыхъ для либерализма послѣдствіяхъ этого отношенія «освободительное движеніе» обнаружило свою слабую сторону. «Въ политикѣ нѣтъ мести», говорилъ Столыпинъ, «но есть послѣдствія». Они и сказались.

* *

*

Слѣдующимъ за терроромъ признакомъ разложенія государства указывались «волненія учащейся молодежи».

Странно сопоставлять эти явленія. Общаго въ нихъ было только то, что оба свидѣтельствовали о нездоровомъ настроеніи общества и о безсиліи власти. Все же остальное было совершенно различно.

Причина волненій учащихся — преходящія свойства юнаго возраста, наиболѣе воспріимчиваго и наименѣе благоразумнаго. На учащихся отражалось настроеніе широкаго общества. Безпорядки бывали даже при Николаѣ I, за что университеты онъ не любилъ. Въ біографіяхъ Лермонтова разсказывается, какъ онъ былъ исключенъ изъ Университета за исторію Малова. Въ этой исторіи участвовалъ также и Герценъ, не подозрѣвавшій въ то время о существованіи Лермонтова. Исторія Малова не заключала ни малѣйшей политики; Маловъ былъ бездарный и грубый профессоръ и въ отвѣтъ на какую-то его грубость студенты подняли въ аудиторіи шумъ и не дали ему кончить лекціи. Это самовольство могло заслуживать дисциплинарнаго наказанія, но «политики» въ немъ не замѣчалось.

Въ 60-ые годы, въ связи съ политическимъ возбужденіемъ общества, безпорядки измѣнили характеръ; они стали выходить за предѣлы студенческихъ нуждъ, переносились на улицу, и настолько противорѣчили политическому складу нашего государства, что могли казаться опасными. Мѣры воздѣйствія, которыя къ нимъ примѣняли, разгонъ сходокъ силою войскъ, знаменитое побоище подъ «Дрезденомъ» въ 60-хъ годахъ, расправа охотнорядцевъ со студентами въ 70-хъ годахъ, были характерными признаками нездороваго кипѣнія государства.

Въ 80-хъ годахъ, когда общество успокоилось, безпорядки не исчезли, но измѣнили характеръ. О нихъ я разсказывалъ въ предыдущихъ главахъ. «Политики» въ нихъ больше не было. Либеральное общество было довольно, что студенты оказывались способны на жертвы и рискъ и не превратились въ прислужниковъ власти, но само съ ними не шло. Цѣли

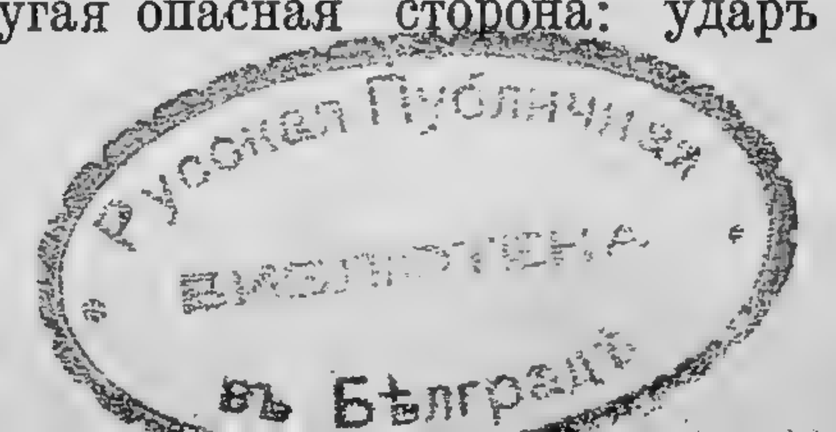
студенческихъ безпорядковъ были обществу чужды, а студенческихъ способовъ демонстрацій у общества не было. Это давало поводъ студентамъ жаловаться на равнодушіе «общества»; на то, что оно ихъ не поддерживаетъ, обвинять и профессоровъ и общество въ трусости и лицемѣріи. Но и студенты послѣ кратковременныхъ вспышекъ успокаивались и стремились вернуться къ занятіямъ.

Когда пришло «Освободительное Движеніе», безпорядки отразили *новыя* настроенія. Они перестали быть стихійной реакціей на внѣшніе поводы; стали сознательно устраиваться подпольными организаціями; получили серьезный и упорный характеръ, не были только безобиднымъ спектаклемъ, разгоняющимъ скуку унылаго общества. Время, когда слово «политика» отталкивало студентовъ, миновало. Безъ «политики» безпорядки теперь бы показались безсмысленными. И получили они неожиданную форму студенческихъ *забастовокъ.*

Эта форма была связана съ моднымъ марксизмомъ. Забастовки были классическимъ орудіемъ борьбы рабочаго класса; студенты заимствовали его изъ рабочаго арсенала. Это средство по существу было нелѣпо, но оно не только обнаруживало опасное настроеніе, но было и не такъ безобидно, какъ прежнія сходки.

Въ мое время такая форма была бы немыслима. Въ безпорядкахъ принимало участіе лишь меньшинство и они могли удасться только на короткѣ; испытанія времени они не выдержали. Чтобы удалась «забастовка», необходимо, чтобы въ ней принимало участіе большинство, чтобы она была продолжительнымъ, не эфемернымъ явленіемъ. Для этого требовалась организованность и упорство. Видимость безпорядковъ было легко создать путемъ студенческихъ *сходокъ;* но забастовку симулировать было нельзя; она была несравненно болѣе серьезнымъ явленіемъ.

Была въ нихъ другая опасная сторона: ударъ по на-

сущнымъ интересамъ академической жизни. Нельзя было равнодушно смотрѣть на пріостановку образованія, на появленіе «années creuses», на то, чтобы люди, имѣвшіе привилегію стать студентами, занимали свои мѣста понапрасну. Но эффектъ забастовки отъ этого только усиливался. Забастовка показывала напряженное самопожертвованіе среди молодежи. Ей сочувствовали по тѣмъ же причинамъ, по которымъ сочувствуютъ голодовкѣ въ тюрьмѣ. Она ослабляла правительство, показывала паденіе его авторитета и даже безсиліе. Родители горевали и обвиняли неумѣлую власть. Разосланные изъ университета студенты дѣлались живой пропагандой; недовольство ширилось и росло.

Правительство это понимало и съ новой формой безпорядковъ пыталось бороться; оно поочередно прибѣгало ко *всякимъ* мѣрамъ. При министерствѣ Боголѣпова за забастовку была проектирована высшая степень строгости; призывъ на военную службу. Это вызвало общее возмущеніе; эта мѣра была неудачна не столько строгостью, ибо въ концѣ концовъ отбываніе воинской повинности не наказаніе, сколько несоотвѣтствіемъ настроенію общества. Общественное возмущеніе породило и первый по тому времени серьезный террористическій актъ — убійство Боголѣпова студентомъ Карповичемъ. Тогда власть повернула круто налѣво и новому министру Вановскому было рекомендовано по отношенію къ студентамъ «сердечное попеченіе». Но съ этимъ уже было опоздано. На студенчествѣ отражалось общее давленіе атмосферы. Когда кругомъ бушевало недовольство, а «Освободительное Движеніе» это недовольство сознательно увеличивало, студенчество не могло превратиться въ мирный оазисъ.

«Освободительное движеніе» этого и не хотѣло. Оно не хотѣло признать, что обязанность политической борьбы лежитъ на взрослыхъ, а не на молодежи: что нельзя допустить, чтобы образованіе останавливалось во имя политики;

что забастовка есть способъ борьбы рабочихъ съ нанимателями и что преступно передъ страной примѣнять ее къ образованію. Освободительное Движеніе жило другой идеологіей. На войнѣ все дозволено; позволяютъ и дѣтямъ вступать въ армію, бросая для этого школу, хотя война не дѣтское дѣло. Руководители движенія знали, что вступленіе молодежи въ борьбу дастъ имъ оружіе, которое будетъ бить по нервамъ всему русскому обществу. И оно это использовало.

7-го сентября 904 г. въ Освобожденіи появилась характерная статья, подъ заглавіемъ «Студенческое Движеніе и задачи оппозиціи». Статья отвергаетъ право профессоровъ удерживать студентовъ отъ внесенія ими политики въ академическую жизнь. «Не говоримъ, пишетъ авторъ, объ отечески наставительныхъ совѣтахъ студентамъ подождать вмѣшиваться въ политику, отдаться всецѣло наукѣ. Подобные совѣты не только политически безтактны, но и совершенно безполезны. Они не могутъ быть искренни, а натяжками и доводами эгоистичнаго благоразумія нельзя переубѣдить горячее живое чувство».

Поэтому авторъ считаетъ нормальнымъ вмѣшательство студентовъ въ политику. «Широкіе слои учащейся молодежи, предоставленные самимъ себѣ, уже теперь логикой жизни перешли отъ академическихъ требованій къ политическимъ и объединены тѣмъ же стремленіемъ къ политическому освобожденію, которое одушевляетъ и либеральную оппозицію. *Студенчество представляетъ изъ себя естественное крыло Освободительнаго Движенія*».

Это своеобразное пониманіе. Въ Европѣ студенты участвуютъ въ политической жизни страны; но дѣлаютъ это какъ полноправные граждане. У насъ же политику хотѣло дѣлать «студенчество», какъ таковое, пользуясь пріемами, которые были возможны только благодаря условіямъ *академической* жизни. Иначе какъ могли бы они прибѣгать къ

забастовкѣ? Но авторъ статьи находитъ, кромѣ того, что либеральной оппозиціи надлежитъ *принять участіе* въ студенческомъ движеніи, какъ таковомъ. «Распространеніе среди молодежи политическихъ знаній, редактированіе *студенческихъ* требованій, совѣты о наиболѣе цѣлесообразныхъ пріемахъ борьбы съ администраціей и инспекціей — таковы нѣкоторыя изъ необходимыхъ формъ дѣятельности среди студенчества. При цѣлесообразно политически обдуманномъ веденіи студенческаго движенія легко станетъ возможной и прямая поддержка студенческихъ требованій либеральной оппозиціей, въ томъ числѣ либеральными профессорами». Такъ раскрывается затаенная цѣль автора: спасти молодежь отъ увлеченія *крайними партіями:* «Крайнія революціонныя партіи по существу занимаемой ими позиціи не могутъ, да и не хотятъ овладѣть студенчствомъ какъ цѣлымъ: это дѣло *либеральной оппозиціи*».

Такъ Освободительное Движеніе не считало нужнымъ удерживать молодежь отъ траты силъ на задачи, которые *не* стоятъ передъ нею; оно только упрекало профессоровъ, что *не они* руководятъ студенческой политической дѣятельностью. Освободительное движеніе старалось перетянуть студенчество къ болѣе разумной «политикѣ». Вотъ все, что совѣтовалъ авторъ. Студенты должны оставаться «крыломъ Освободительнаго Движенія». Пусть отъ этого страдаетъ учебная жизнь; для цѣлей Освободительнаго Движенія это полезно и объ этомъ жалѣть не приходится. Я не забуду торжествующаго тона, которымъ одинъ изъ отвѣтственныхъ руководителей Освободительнаго Движенія, самъ профессоръ и ученый, говорилъ мнѣ осенью 905 г. «а правительству возобновить учебныхъ занятій не удастся».

Такъ перемалывало «Освободительное Движеніе» прежнюю либеральную тактику. Въ № 1 Освобожденія Редакторъ его призывалъ умѣренное общество не оставаться въ сторонѣ отъ движенія: «на борьбу съ безправіемъ лич-

ности и самовластіемъ правительства, говорилъ онъ, должны какъ одинъ человѣкъ встать всѣ *умѣренные* и *отцы* и твердымъ мужественнымъ дѣйствіемъ и откровеннымъ, честнымъ словомъ, какъ грудью защищать *своихъ дѣтей*. Если *они* этого не сдѣлаютъ, кровь падетъ на нихъ». Въ этихъ горячихъ словахъ было нѣчто шедшее къ сердцу. Было позорно «благоразуміе» общества, которое оставалось въ покоѣ, апплодируя погибающей за *него* молодежи. Но черезъ два года въ томъ же Освобожденіи призываютъ уже не удерживать молодежь, а использовать ее «въ помощь» отцамъ.

Съ точки зрѣнія войны можно было оправдывать такую политику, какъ оправдываютъ вырубку лѣсовъ, взрывы зданій, порчу мостовъ и дорогъ, словомъ всего, что можетъ помочь непріятелю; можно допустить даже вербовку въ войска мальчиковъ школьнаго возраста, страшный примѣръ чего разсказалъ намъ Ремаркъ; атмосфера войны развращаетъ всѣхъ, кто въ ней участвуетъ, но слѣды этого непремѣнно скажутся позже, когда войны уже нѣтъ.

Общественности, рѣшившей использовать студенческое недовольство въ партійныхъ своихъ интересахъ, пришлось испытать на себѣ результаты этой позиціи. Раньше 17 октября былъ изданъ указъ 11-го августа, давшій университетскую автономію. Либеральные профессора стали тогда во главѣ университетской жизни; они начали стараться вернуть студентовъ къ нормальнымъ занятіямъ, возобновить въ университетахъ преподаваніе. Но было поздно. Либерализмъ началъ пожинать то, что посѣялъ. Студенты уже вѣрили, что они крыло Освободительнаго Движенія, помнили лозунгъ, что при «Самодержавіи ничего хорошаго быть не можетъ». Университетскую автономію они ни во что не цѣнили, какъ позднѣе I-ая Дума не цѣнила Основныхъ Законовъ 906 года. По ихъ мнѣнію, управлять университетомъ должны не профессора, а студенты. И профессоровъ выбирать должны не профессора, а студенты. Помню депутацію сутдентовъ, которая тогда ко мнѣ съ этимъ пріѣхала. Эти требованія излагались

серьезно. Завоевали автономію, побѣдили — вѣдь они, студенты, а не профессора, и *они* должны своей побѣдой воспользоваться. Такъ какъ новый университетскій уставъ имъ этихъ правъ не давалъ, то они повели съ нимъ борьбу старыми способами и другими, которые предоставилъ уже новый уставъ. Въ результатѣ университетъ сталъ достояніемъ не студентовъ, а улицы. По ироніи судьбы первымъ выборнымъ ректоромъ былъ-тотъ-же князь С. Н. Трубецкой, который недавно говорилъ Государю, что «при представительномъ строѣ крамола будетъ «совершенно безсильна». Ему пришлось скоро сказать студентамъ совершенно другое; говорить о разочарованіи, которое поведеніе студентовъ всѣмъ принесло, объ опасности, которой оно грозитъ для свободы. Но студенчество и либеральная оппозиція говорили на языкахъ совершенно различныхъ. Трубецкой не сказалъ еще студентамъ историческихъ словъ о «взбунтовавшихся рабахъ», студенты начинали уже видѣть въ немъ «ренегата».

Это должно было бы быть поучительнымъ. Но позиція либеральныхъ идеалистовъ не измѣнялась; тогда пріѣхалъ изъ-за границы М. М. Ковалевскій. Помню его слова: «поведеніе студентовъ понятно. При общемъ полицейскомъ режимѣ не можетъ быть свободнаго университета. Въ Европѣ можно было бы сказать улицѣ, которая захватываетъ университетскія аудиторіи: въ вашемъ распоряженіи много другихъ зданій, идите туда и намъ не мѣшайте. Въ Россіи этого нѣтъ. Университеты оказались оазисомъ среди деспотизма; толпа стремится въ этотъ оазисъ; студенты правильно не хотятъ для себя привилегій и потому наплыву толпы не противятся». Это казалось логично, но убѣжденіе студентовъ, что они господа университета, что въ немъ все опредѣляется только ихъ волей, привычка пренебрежительно относится къ закону и порядкомъ не дорожить, исчезаютъ не скоро. Самое объявленіе конституціи, повсемѣстное разрѣшеніе митинговъ студенчества не успокоило, а подстрекнуло

къ дальнѣйшей борьбѣ. Политическое бурленіе студенческой массы, отравившее академическую жизнь партійной политикой, не исчезло ни послѣ 17-го октября, ни послѣ изданія Основныхъ Законовъ, ни послѣ созыва Государственныхъ Думъ, ни вообще ни въ одинъ моментъ новой политической жизни. Либеральнымъ дѣятелямъ профессуры пришлось больше всѣхъ пострадать отъ этой политики. Имъ было дано возбудить Ахеронтъ, у нихъ не было средствъ и умѣнья его успокоить.

Ненормальныя положенія безконечно не продолжаются и сами вырабатываютъ противоядіе. Разрушеніе академической жизни во имя политики, поглощеніе студентовъ взбунтовавшейся улицей, не могли не вызвать реакціи. Но она пошла не въ руслѣ «либерализма». «Академизмъ», подъ флагомъ котораго началось отрезвленіе, отразилъ на себѣ черты обратной политики. Академическое движеніе вышло филіальнымъ отдѣленіемъ «Союза Русскаго Народа». Появилась «правая» профессура, опиравшаяся на «правыхъ» студентовъ и получившихъ покровительство въ «правомъ» правительствѣ. Наше многострадальное студенчество осталось до конца тѣмъ же, чѣмъ было всегда: чувствительной пластинкой, на которой обнаруживалось настроеніе общества и ошибки правительства. Ни одна изъ воюющихъ сторонъ его не пощадила, ни одна не постаралась удержать его въ сторонѣ отъ движенія; но каждая стремилась использовать его для себя. Теченіе, которое дѣйствительно хотѣло освобожденія университетовъ отъ всякой «политики», было смыто напоромъ той волны, которая видѣла въ студентахъ естественный флангъ «освободительнаго движенія», и другой, которая поднимала его во имя реакціи.

Такъ мстила жизнь за военную тактику взрослаго общества. Отъ нея страдала болѣе всего молодежь, которая гибла въ эпоху Освободительнаго Движенія, какъ гибла потомъ въ 917 г., защищая Временное Правительство противъ большевиковъ или бросая все для участія въ бѣломъ движеніи. И

потому мы не можемъ досадовать, что она съ недовѣріемъ и осужденіемъ относится къ старшему поколѣнію, которое ее не защитило. Но прямой опасности для государства отъ студенчества не было. Студенческій Ахеронтъ производилъ болѣе шума, чѣмъ разрушенія, дѣйствовалъ болѣе на нервы, чѣмъ на устои порядка. У Ахеронта были силы страшнѣе.

* *
*

Третьимъ «признакомъ разложенія» называли «фабричные безпорядки». Настоящіе *безпорядки* были не страшны. Они только свидѣтельствовали о некультурности рабочей среды. Я видалъ много рабочихъ процессовъ. Была одна и таже картина. Въ извѣстный моментъ забастовки начинались погромы лавокъ, кабаковъ, расхищеніе того, что было разгромлено—словомъ дикій разгулъ. Это было печально, но не опасно. Съ этимъ полиціи и войскамъ легко было справиться; вожаки рабочихъ возмущались этой картиной не меньше, чѣмъ власти.

Опасность была въ *общемъ* настроеніи рабочаго класса. Она оказалась очень реальна. Безъ содѣйствія рабочаго класса «Освободительное Движеніе» не смогло бы добиться такой быстрой и полной побѣды. Вѣдь 17 октября дала намъ все-таки *всеобщая забастовка*. Что рабочій классъ къ этому времени окажется настолько организованъ и единодушенъ, что своимъ выступленіемъ заставитъ Самодержавіе уступить — было для Освободительнаго Движенія такой неожиданной помощью, которой оно тогда само не предвидѣло. Передъ самымъ 17 октября оно еще въ ней сомнѣвалось. И можно было думать, что за такую помощь не жалко было заплатить никакою цѣною.

Это бы было дѣйствительно такъ, еслибы вся задача сводилась только къ капитуляціи Самодержавія. Но «конституція» была только началомъ новыхъ порядковъ, и надо было предвидѣть дальнѣйшее. Для вожаковъ рабочаго класса въ

ней былъ первый шагъ къ Революціи; въ дальнѣйшемъ надлежало ее углублять въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Программою — minimum для нихъ была демократическая республика, а дальше «строительство соціализма»; къ этому надо было идти *вооруженнымъ* возстаніемъ. Совершенно иной была программа «Союза Освобожденія». Самодержавіе онъ хотѣлъ замѣнить конситуціонной монархіей, господствомъ закона и права. Тѣмъ, кто *такъ* смотрѣлъ на дальнѣйшее, надо было себя сохранить для практическаго осуществленія *этой* задачи. Ее было невозможно совмѣстить съ программою рабочаго класса; и потому ихъ *союзъ* долженъ былъ очень скоро превратиться въ *борьбу*.

Движеніе въ рабочей средѣ было вполнѣ самостоятельно и началось гораздо раньше «освободительнаго». Рабочій вопросъ неизбѣженъ тамъ, гдѣ развивается капитализмъ и промышленность; мѣры къ его разрѣшенію только на время смягчаютъ его остроту. Утописты говорили, что его не будетъ существовать, когда не будетъ наемныхъ рабочихъ и вся собственность перейдетъ въ руки государственной власти. Мы однако не видимъ, чтобы рабочій вопросъ въ Совѣтской Россіи исчезъ. Въ Европѣ же онъ сталъ теперь въ формѣ несравненно болѣе острой, ибо безработица есть тоже «рабочій вопросъ». Но это задача *нашего* времени. Въ Россіи въ концѣ прошлаго вѣка ничего подобнаго не было; а пути къ смягченію тогдашняго рабочаго вопроса, были указаны опытомъ Запада.

Исторія этого вопроса у насъ интересна. Онъ былъ поставленъ реформами 60-хъ годовъ, переходомъ Россіи къ капиталистическому строю. Чѣмъ дальше проникали въ жизнь послѣдствія этихъ реформъ, тѣмъ рабочій вопросъ становился острѣе. И все-таки его первое время признавать не хотѣли. «Какой въ Россіи рабочій вопросъ? У насъ нѣтъ пролетаріата. У насъ всѣ рабочіе приписаны къ сельскому обществу». Были люди, которые искренно были увѣрены, что «рабочій вопросъ» просто выдуманъ, заимствованъ изъ за-границы, какъ очередное либеральное новшество.

Правительство было умнѣе этихъ поклонниковъ патріархальной Россіи; оно признало, что въ Россіи *есть* рабочій вопросъ, и пыталось если его не разрѣшить, то его напряженность ослабить. Но любопытное наблюденіе. Казалось, что для Самодержавной власти это было легче, чѣмъ для конституціоннаго государства. Власть Самодержца отъ обѣихъ враждующихъ сторонъ — капитала и труда — болѣе независима. И самое наше общество къ ея вмѣшательству во всѣ стороны жизни привыкло. Удача Самодержавія въ этомъ вопросѣ была бы его новымъ оправданіемъ. И почему это могло не удасться? Вѣдь Самодержавіе сумѣло въ 60-хъ годахъ разрѣшить несравненно болѣе запущенный, сложный и острый *крестьянскій* вопросъ. Но это сопоставленіе обнаруживаетъ въ чемъ слабость абсолютизма. Онъ болѣе пригоденъ для разрубанія Гордіевыхъ узловъ, для хирургическихъ операцій, т.-е. для проведенія единовременной мѣры, которая нарушаетъ сложившіяся давно отношенія и требуетъ жертвы у правящихъ классовъ. Такъ было въ 61 году. При представительномъ строѣ тогда или не было бы настоящей крестьянской реформы, или бы была Революція. Но ничего подобнаго въ рабочемъ вопросѣ было *ненужно*. Никто еще не помышлялъ о національзаціи всѣхъ предпріятій. Вопросъ долженъ былъ разрѣшаться какъ и всюду соціальнымъ законодательствомъ и вмѣшательствомъ государственной власти на защиту рабочихъ.

Это было гораздо легче, но здѣсь былъ слабый пунктъ Самодержавія. Рабочій вопросъ долженъ былъ разрѣшаться прежде всего самодѣятельностью и организаціей рабочаго класса. Государство должно было только ему помогать. Рабочая самодѣятельность не только условіе силы рабочаго класса, но и гарантія порядка въ самомъ государствѣ. Когда передъ рабочими открыты пути защищать свои интересы, они не мечтаютъ о революціи; этимъ поддерживается кровная связь рабочихъ съ государствомъ. Это школа, ко-

торая лучше полицейской силы удерживаетъ отъ безпорядковъ.

Но именно эта политика представлялась несовмѣстимой съ Самодержавіемъ. Оно соглашалось для рабочихъ дѣлать гораздо *больше*, но *иначе*. Защиту рабочаго класса противъ хозяевъ оно брало на *себя*. Оно накладывало на предпринимателей обязательства *болѣе тяжелыя*, чѣмъ тѣ, которыя существовали на Западѣ. Но оно не позволяло рабочимъ организоваться и сообща отстаивать свои интересы. Программой правительства стало соціальное законодательство, какъ велѣніе Самодержавной власти и запретъ рабочихъ организацій и самодѣятельности во имя принциповъ полицейской идеологіи. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не могло мириться даже съ тѣмъ, что наблюденіе за рабочею жизнью и нуждами возложено на чиновниковъ Министерства Финансовъ; оно не разъ поднимало вопросъ о передачѣ ихъ въ свое Министерство.

Это было опасной постановкой вопроса. Выступая въ роли всемогущаго устроителя жизни, государство брало на себя отвѣтственность за все, чѣмъ рабочіе могли быть недовольны. Оно претензіи рабочихъ противъ хозяевъ благодаря этому окрашивало «политическимъ цвѣтомъ»; рабочаго вопроса оно не разрѣшило, но защиту рабочими своихъ интересовъ противъ хозяевъ превратило въ борьбу противъ *власти*.

Постепенное превращеніе фабрики въ излюбленный плацдармъ политической пропаганды произошло на глазахъ моего поколѣнія. Раньше этого не было. Политическіе агитаторы стремились въ деревню; но въ ней они терпѣли крушеніе; она была совершенно невоспріимчива къ политическимъ лозунгамъ, и въ Самодержавіи видѣла не врага, а защитника. Но по мѣрѣ того, какъ расло соціальное значеніе рабочаго класса, какъ выросталъ капитализмъ — открывалось новое поле для работы самоотверженныхъ агитаторовъ, которые въ политической работѣ среди *этого* класса

видѣли призваніе, для котораго готовы были жертвовать жизнью. Ихъ успѣхъ имъ дался не даромъ; много молодыхъ жизней было погублено на этой работѣ, но ея результаты остались.

Въ началѣ 90 хъ годовъ началось экзальтированное увлеченіе марксизмомъ; оно захватило и взрослыхъ, и всю «дѣйственную и жертвенную» молодежь, для которой соціалъ-демократія сдѣлалась «вѣрой». Началось сближеніе студентовъ и фабрики. Помню восторги, когда первый разъ на какой-то студенческой демонстраціи появились «рабочіе». Самъ я былъ тогда адвокатомъ, но эти восторги доходили и до меня. Казалось, что интеллигенція для своихъ политическихъ стремленій нашла наконецъ *новую почву* въ рабочей средѣ. Знаменіемъ этого явилось созданіе въ 98 году организованной соціалъ-демократической рабочей партіи, выпустившей свой манифестъ, принадлежавшій перу П. Б. Струве. А правительство стараясь оградить рабочую среду отъ всякой политической агитаціи и мѣшая поэтому *легальнымъ* вліяніямъ, само создавало на фабрикахъ фактическую монополію *подпольной* соціалъ-демократической пропаганды.

Постепенное развитіе соціалъ-демократіи въ рабочей средѣ могло не казаться опасно. Передъ ней лежалъ длинный путь. А по мѣрѣ своихъ успѣховъ соціалъ-демократія повсюду становится менѣе непримиримой. Завоеванныя рабочими достиженія, накопляемыя матеріальныя средства, пріобрѣтаемое вліяніе, примиряютъ соціалъ-демократію съ основами строя, противъ котораго она сначала боролась. Мечта о соціальномъ переворотѣ превращается въ стремленіе къ эволюціи. Но для этого нужно, чтобы соціалъ-демократія въ рамкахъ капитализма имѣла реальныя достиженія, чтобы ей было и чѣмъ въ немъ дорожить и на что въ немъ надѣяться. Но именно въ Россіи этого не было. Соціалъ-демократія была вѣрой, которая не знала границъ. Какъ интеллигентскій радикализмъ при Самодержавіи счи-

талъ программой — минимумъ Учредительное Собраніе, 4-хвостку, парламентаризмъ, такъ русская соціалъ-демократія въ силу тѣхъ же причинъ *начинала* съ Демократической Республики, вооруженнаго возстанія, Временнаго Революціоннаго Правительства и диктатуры рабочаго класса.

Завоеваніе всего рабочаго класса утопіями соціалъ-демократіи было столь же ненормально, сколь и опасно. Подобныя претензіи не соотвѣтствовали ни удѣльному вѣсу рабочаго класса въ Россіи, ни степени его зрѣлости, ни его опытности въ управленіи своими дѣлами. Наивные люди воображали, будто успѣхъ соціалъ-демократіи среди русскихъ рабочихъ былъ признакомъ ихъ «сознательности». Это такъ же наивно, какъ заключать о *зрѣлости* нашей интеллигенціи по легкости, съ которой она подчинялась *послѣднимъ рецептамъ теоріи.* И то и другое свидѣтельствовало лишь о легкомысліи нашего молодого общества и его беззащитности противъ демагоговъ. Въ Германіи, гдѣ соціалъ-демократія была организована превосходно и гдѣ для пропаганды условія были благопріятны, соціалъ-демократы за много лѣтъ не могли завоевать *всего* рабочаго класса. У насъ же они завладѣли имъ сразу. Въ этомъ была наша *слабость.* Идеи даже здоровыя, когда онѣ приняты преждевременно, могутъ превратиться въ уродство. Такъ было у насъ. Въ странахъ сплошной индустріи могла возникнуть теорія, что классовые интересы рабочаго класса совпадаютъ съ интересами всего государства, что поэтому онъ можетъ быть правящимъ классомъ. У насъ та же мысль объ гегемоніи рабочаго класса по необходимости превратилась въ теорію «диктатуры» рабочаго меньшинства, которая могла опираться лишь на насиліе. Въ Европѣ могли убѣдиться на опытѣ, что личная свобода не панацея; что можетъ быть *полезно* усиленіе государственной власти. У насъ въ странѣ «деспотизма» свобода была провозглашена *предразсудкомъ* въ то время, когда только *она* могла дать спасительный толчокъ нашей жизни. Въ Европѣ могли думать, что капитализмъ себя ис-

черпалъ, что онъ останавливаетъ нормальный ростъ общества; у насъ задача заключалась именно въ развитіи капитализма и интересы рабочаго зависѣли отъ него. Въ странѣ, которая ждала только раскрѣпощенія личности и общества отъ абсолютизма, чтобы воспрянуть съ чудесной скоростью, уродливо расцвѣтала идеологія странъ «пресыщенныхъ» свободой и капитализмомъ. Здѣсь былъ оптическій обманъ. Идеи, которыя на самомъ Западѣ представлялись «музыкой будущаго», у насъ имѣли успѣхъ болѣе всего потому, что для насъ онѣ являлись пережитками прошлаго, съ отсутствіемъ въ немъ личной свободы, возможности отстаивать свое право и съ преклоненіемъ передъ жестокою властью. Россія съ новыми демократическими предпосылками напоминала юношу, примѣнявшаго рецепты дряхлаго возраста; насмѣшки надъ «парламентскимъ кретинизмомъ» были у насъ такъ-же нелѣпы и вредны, какъ проповѣдь отобранія частныхъ земель въ странѣ съ необъятными, лежащими втуне пространствами.

Освободительное Движеніе могло дать иную постановку рабочаго вопроса въ Россіи. Но когда оно началось, рабочій классъ уже находился въ рукахъ соціалъ-демократіи. Его уже учили, что либерализмъ его непремѣнно обманетъ, что онъ долженъ бороться своими силами *одинъ* противъ всѣхъ.

Передъ «Освободительнымъ Движеніемъ» стояла задача: противопоставить свой идеалъ правового порядка идеалу соціалъ-демократіи. Но это значило бы столкнуться съ соціалъ-демократіей; ослабить главный фронтъ, рисковать расколомъ въ освободительномъ лагерѣ. Это противорѣчило бы тому рѣшенію, которое было принято на конференціи. Пока общій фронтъ былъ обращенъ противъ Самодержавія, либерализмъ не могъ спорить съ революціонными партіями. Рабочій классъ и былъ отданъ соціалъ-демократіи, ея программѣ, вожакамъ и идеологіи. Соціалъ-демократія смотрѣла на рабочихъ какъ на уступленную ей «сферу вліянія» и не позволяла въ свои владѣнія вмѣшиваться.

Это вызывало во многихъ смущеніе. Въ Освобожденіи, отъ 7 марта 1905 г., въ письмѣ къ Редактору, подъ заглавіемъ: «какъ не потерять себя», анонимный авторъ спрашиваетъ: какъ намъ найти доступъ къ народу, не превратившись въ привѣсокъ социалъ-демократіи и соціалъ-революціонной партіи? Этотъ вопросъ тяготѣлъ надъ всѣми, кто понималъ необходимость либеральной партіи, могущей *статъ властью безъ Революціи.* Трудность созданія ея изъ невоспитанныхъ политическихъ массъ ощущалась острѣе рядовыми членами партіи, сталкивавшимися съ дѣйствительной жизнью, чѣмъ руководителями, ведущими войну только между собой. 31 мая появилась отвѣтная статья П. Б. Струве: «Какъ найти себя». Несмотря на длину статьи, вопросъ не былъ исчерпанъ. «Но, неожиданно заявилъ въ концѣ авторъ, продолжать письмо въ настоящій моментъ я не могу; къ тому же мои мысли, какъ человѣка живущаго за-границей, имѣютъ мало цѣны».

Это замѣшательство характерно. Въ лицѣ Струве мы имѣемъ человѣка исключительной умственной честности; онъ не могъ успокоить себя ссылкой на партійную тактику; ему было нужно сознавать себя правымъ. Онъ выставилъ тезисъ, будто «революціонизмъ» крайнихъ партій составляетъ въ нихъ не силу, а слабость, не облегчаетъ, а затрудняетъ имъ доступъ къ народу; будто освобожденская программа по своей разумности и умѣренности имѣетъ на успѣхъ болѣе шансовъ.

Мысль достойная идеалиста; интеллигенты судили о всѣхъ по себѣ, по лучшимъ своимъ представителямъ. Но даже если бы это было такъ, то чтобы отрезвить рабочій классъ отъ соблазновъ соціалъ-демократіи, Союзу Освобожденія надлежало вести съ ней борьбу въ рабочей средѣ, противопоставлять ей свои взгляды. Если революціонерство дѣйствительно ослабляло въ глазахъ массъ крайнія партіи, то чтобы использовать это преимущество надлежало во всякомъ случаѣ съ нимъ бороться.

Но этой задачи не взяло на себя ни «Освободительное Движеніе» въ Россіи, ни его органъ «Освобожденіе» за-границей. Этому помѣшала война съ Самодержавіемъ.

Стоитъ пересмотрѣть «Освобожденіе», чтобы видѣть, что оно не вело *борьбы* съ соціалъ-демократіей. Оно избѣгало обнаружить свое несогласіе съ рабочими руководителями. Если бы рабочіе читали «Освобожденіе», *они* въ немъ не нашли бы матерьяловъ для своего вразумленія. Послѣ 9-го января «Освобожденіе» сочувственно отнеслось даже къ демагогу Гапону, называло «замѣчательнымъ» его письмо къ Государю и хвалило программу, которую руководители вложили въ руки рабочихъ, несмотря на такіе перлы, какъ «отмѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямымъ прогрессивнымъ, подоходнымъ налогомъ».

Нежеланіе столкновенія съ рабочими руководителями было еще замѣтнѣе въ самой Россіи. Интеллигенція въ то время пасовала передъ демагогами, которые старались увѣрить рабочій классъ, что у него особая миссія въ государствѣ, что только *онъ* подготовленъ къ управленію имъ; интеллигенція пасовала передъ тѣми, кто внушалъ рабочимъ то презрѣніе къ свободѣ и личному праву, которое было вскормлено Самодержавіемъ, и использовано соціалъ-демократіей. Либеральное общество во имя войны этому не противилось и передъ безцеремонностью рабочихъ руководителей отступало. Е. Д. Кускова вспоминаетъ *), какъ во время «банкетной кампаніи» на банкеты являлись представители «рабочаго класса» съ требованіемъ, чтобы ихъ на банкетъ допустили, какъ они силой занимали чужіе приборы потому, что они «рабочіе». Этотъ мелкій фактъ интересенъ, какъ символъ. Рабочій классъ былъ въ правѣ настаивать на равномъ къ себѣ отношеніи. Но приходить на чужой обѣдъ безъ приглашенія, занимать за столомъ чужія мѣста, считать себя хозяевами потому, что они не хотѣли быть больше рабами, значило об-

*) Современныя Записки «Кренъ налѣво».

наруживать то неуваженіе къ правамъ другихъ, при которомъ полная свобода опасна. А либеральное общество отпора этому не давало и мѣста уступало. Оно само выращивало то чванное самодовольство, съ которымъ позднѣе въ совѣтской Россіи ссылались на свое «пролетарское происхожденіе», какъ на оправданіе *привилегій.* Самихъ рабочихъ за это винить не приходится; въ этомъ сказалась некрасивая черта человѣческой природы, тѣмъ болѣе замѣтная, чѣмъ она менѣе прикрыта воспитаніемъ и которую умѣли использовать льстецы и демагоги, которые стали такъ же льстить рабочимъ, какъ прежде придворные льстили царямъ. Но доля вины за развращеніе нашихъ рабочихъ лежитъ на тѣхъ, кто все это видѣлъ, но *принималъ* во имя борьбы съ Самодержавіемъ.

Помню послѣдній актъ «Освободительнаго Движенія». Въ дни октябрьской забастовки 1905 г., одновременно съ кадетскимъ Учредительнымъ съѣздомъ, состоялось въ Московской Городской Думѣ засѣданіе гласныхъ съ представителями разнообразныхъ общественныхъ группъ. Это было проявленіемъ уже не только правительственнаго безсилія, но и общественной паники; наступала анархія. Помню, съ какимъ апломбомъ выступали тамъ представители Стачечнаго Комитета, руководившаго забастовкой; они требовали отъ Городской Думы немедленно сдать Комитету *все управленіе и капиталы.* Это требованіе должно было быть урокомъ для общества, показать ему, *что* его ожидаетъ при побѣдѣ Революціи. На гласныхъ впечатлѣніе эти заявленія произвели. Они поняли, что при всѣхъ своихъ грѣхахъ Самодержавіе имъ ближе, чѣмъ диктатура пролетаріата. Но дѣятели «Освобожденія» не смутились; въ полемику съ этими требованіями они не вступили и своей солидарности съ такимъ рабочимъ движеніемъ не отклонили. Д. И. Шаховской заявлялъ, что въ этотъ моментъ надо только еще громче кричать «долой Самодержавіе». А кадетскій учредительный съѣздъ уже не въ атмосферѣ обезумѣвшей залы,

а хладнокровно обсудивъ положеніе, рабочихъ привѣтствовалъ; называлъ ихъ выступленіе «могучимъ и политически зрѣлымъ». Конечно, въ эти минуты расколъ могъ спасти Самодержавіе. И оттого все слагалось такъ, что рабочій классъ, политическій вѣсъ котораго въ отсталой Россіи былъ меньше, чѣмъ гдѣ-либо, счелъ себя общепризнаннымъ руководителемъ общества и свои отдаленные идеалы подлежащими немедленному осуществленію въ нашемъ первобытномъ и политически младенческомъ населеніи.

Такая тактика либерализма въ то время могла быть *для побѣды* полезна. Но она развращала и ослабляла либеральную партію. Ея военныя качества развивались за счетъ свойствъ, нужныхъ для мирнаго времени.

Такъ какъ главный фронтъ былъ направо, а налѣво были союзники, то русскій либерализмъ налѣво не хотѣлъ видѣть враговъ. И въ тѣ роковыя минуты, когда для спасенія конституціи надо было защищать ее и противъ лѣвыхъ,—въ 1905-6 годахъ, либерализмъ не могъ этого дѣлать. Спасать новый строй пришлось его *вчерашнимъ* врагамъ.

*

* *

Послѣднимъ самымъ грознымъ проявленіемъ Ахеронта — были аграрные безпорядки. И опять страшны были не «безпорядки», съ которыми правительству справиться было не трудно, хотя и цѣной большого пролитія крови. Страшно было то, что стояло за безпорядками, т. е. повсемѣстное общее, глубокое и законное недовольство крестьянъ. Они наиболѣе многочисленный и наиболѣе консервативный классъ, естественная опора правительства и порядка. И такими они быть *перестали*. Роковой исходъ 17 года зависѣлъ болѣе всего отъ того, что крестьянство въ Россіи оказалось революціонно настроеннымъ. Да и позднѣе невидан-

ный раньше по количеству жертвъ терроръ большевиковъ былъ вызванъ именно тѣмъ, что они захотѣли передѣлать Россію *наперекоръ волѣ крестьянъ.* Ихъ жестокость, на которую до сихъ поръ никакой другой режимъ не былъ способенъ, объяснялся этой непосильной задачей; сломить массу крестьянства.

Въ эпоху «Освободительнаго Движенія» въ 900-хъ годахъ въ Россіи былъ спеціальный «крестьянскій вопросъ», притомъ въ такой формѣ, въ какой его не знали въ Европѣ. Правительство, начиная съ злополучнаго царствованія Александра III, дѣлало все, чтобы этотъ вопросъ обострить. Но и общественность понимала его односторонне и не умѣла его разрѣшить. Такъ на крестьянскомъ вопросѣ и споткнулась Россія.

До 60-хъ годовъ на крѣпостномъ правѣ держался весь нашъ строй. Это право упрощало задачу государственной власти. Въ сельской Россіи для нея было мало заботы. Администрація, полиція, судъ, воинская повинность, сборъ налоговъ, экономическое обезпеченіе осуществлялись помѣстнымъ дворянствомъ; оно крестьянами управляло и за нихъ отвѣчало. Наши помѣщики давно не были похожи на феодальныхъ владѣльцевъ; Павелъ I былъ ближе къ истинѣ, когда называлъ ихъ «даровыми полицмейстерами». Но въ качествѣ таковыхъ они облегчали работу государственной власти. Они были даровой «полиціей», «судами», «поставщиками» солдатъ и «плательщиками податей» за крестьянъ.

Когда въ 61 году было отмѣнено «крѣпостное право», была уничтожена ось, на которой держалось все старое государство. Пришлось спѣшно проводить другія реформы; судебную, земскую, воинской повинности, словомъ все, что стало придавать Россіи современный европейскій характеръ.

Но хотя съ крѣпостнымъ правомъ было покончено, «крестьянскій» вопросъ не исчезъ.

Реформу 61 года упрекали за то, что она не была доведена до конца. Это правда. Именно потому, что она была

реформой, а не Революціей, не 4 августа 1789 года, что державшійся на крѣпостномъ правѣ государственный порядокъ не рухнулъ, а перестроился, крестьянская реформа не могла быть сдѣлана сразу. Въ ней должна была быть соблюдена постепенность; приходилось мириться съ временнымъ состояніемъ, выжидая пока страна къ нововведеніямъ приспособится. Дѣятели реформъ были тѣмъ и велики, что сумѣли перестроить зданіе, не давъ ему развалиться.

Но вслѣдствіе этого крестьянскій вопросъ не исчезъ и долженъ былъ разрѣшаться рядомъ новыхъ мѣропріятій. Крестьяне не получили всѣхъ правъ, которыя были у свободныхъ людей; на нихъ временно оставались лежать ограниченія, допущенныя часто въ ихъ интересахъ и на первое время неудобствъ не причинявшія. Только долго это не могло продолжаться.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Неотчуждаемость надѣльныхъ земель была благодѣтельна въ первые годы; она помѣшала тому, чтобы надѣлы не перешли въ руки богатыхъ и даже въ руки прежнихъ помѣщиковъ. Но позднѣе она затрудняла крестьянскій кредитъ и мѣшала переходу земель въ руки *умѣлыхъ.* Община въ первое время была поддержкой бѣдныхъ и слабыхъ, спасеніемъ ихъ отъ обезземеленія; позднѣе она легла тяжелой плитой на развитіе крестьянскихъ хозяйствъ, стала источникомъ хозяйственной рутины и «уравниловки». Крестьянское самоуправленіе, выборныя должностныя лица, выборные судьи, примѣненіе къ крестьянамъ ихъ обычнаго права, вся ихъ сословная автономія сначала были самымъ демократическимъ рѣшеніемъ поставленной жизнью проблемы; чѣмъ замѣнить власть помѣщиковъ? Пока крестьянство стояло на одномъ уровнѣ, жило общими интересами и въ немъ были крѣпки традиціи — такое состояніе было для него привилегіей. Но когда черезъ нѣсколько лѣтъ появилось экономическое неравенство и зависимость однихъ отъ другихъ, когда выросло новое по-

колѣніе, «самоуправленіе» крестьянскаго общества показало свои оборотныя стороны. Тогда оказалось, что крестьянскій міръ по крылатому выраженію Н. Н. Львова есть «безправная личность и самоуправная толпа»; богатые за «водку» могли составлять «приговоры», а общество эксплоатировать богатыхъ или уѣхавшихъ въ городъ крестьянъ. Обычное право стало предметомъ купли-продажи. Выборныя крестьянскія должности превратились въ агентовъ общей администраціи, и одни крестьяне своими деньгами и личнымъ трудомъ обслуживали общіе, а совсѣмъ не крестьянскіе интересы. Такъ прежняя «привилегія» постепенно превратилась въ повинность. И такъ было во всемъ. Когда-то могло считаться льготой крестьянству, что образованіе, служебная выслуга, чинъ переводили крестьянина въ высшее званіе «личнаго почетнаго гражданина»; это даже напоминало прежнюю «вольную». Но что изъ этого получилось? Всѣ эти преуспѣвшіе люди изъ крестьянскаго сословія исключались и слѣдовательно прежде всего *теряли право на свой земельный надѣлъ;* чтобы получить дипломъ по образованію, крестьянская молодежь должна была жертвовать своимъ правомъ на земельную долю. Благодаря этому все, что было въ крестьянствѣ выдающагося, что общій уровень переростало, изъ крестьянства автоматически исключалось, и крестьянство оставалось низшимъ сословіемъ, «быдломъ», съ которымъ стѣсняться не было нужды.

То, что было допустимо какъ временное ограниченіе, подобно опекѣ надъ малолѣтнимъ, становится нетерпимымъ, если оно превращается въ нормальное состояніе. На долю Александра III выпалъ долгъ крестьянскую реформу довести до конца; а между тѣмъ именно въ его царствованіе это переходное положеніе крестьянъ стали разсматривать какъ драгоцѣнную «особенность» Россіи, одинъ изъ устоевъ русскаго благоденствія. Реакціонная идеологія этого времени ничѣмъ не причинила столько вреда, сколько своей политикой принципіальнаго охраненія крестьянской сословности,

замкнутости и обособленности. Во имя только того, что крестьяне въ 60-хъ годахъ благодарные за «освобожденіе» были преданы Самодержавію и вязали революціонерамъ «лопатки», правительство поставило задачей оберегать крестьянскую среду отъ развращающаго вліянія «цивилизаціи». Обособленный крестьянскій міръ былъ сдѣланъ опорой порядка и трона. Дальнѣйшимъ шагомъ было подчиненіе его прежнимъ его господамъ — дворянству. Сначала это было только моральнымъ подчиненіемъ, да и рекомендовалось въ видѣ «совѣта». «Слушайтесь *Вашихъ* предводителей дворянства» — сказалъ Александръ III волостнымъ старшинамъ на коронаціи 83 года. Но на этомъ остановиться было нельзя. И въ 1889 году появляется уже попечительная *власть* надъ крестьянствомъ въ лицѣ земскихъ начальниковъ изъ помѣстныхъ дворянъ.

И такое положеніе признавалось нормальнымъ! Основа Россіи, отъ благополучія и довольства которой зависѣло богатство и порядокъ страны, ея многомилліонное крестьянское населеніе было *выдѣлено* изъ государства. Добровольно вступить въ это сословіе было нельзя; за то всѣ люди лишенные правъ состоянія по отбытіи наказанія обязательно *вводились* въ *него*. Всѣ преуспѣвшіе образованіемъ или службой — механически изъ него исключались. Крестьянскій классъ жилъ по особымъ законамъ, по которымъ не жили другіе, подчинялся особымъ властямъ, исполнялъ повинности, отъ которыхъ освобождались другіе. Всѣ крестьяне чувствовали одинаковость своего униженнаго положенія, свое правовое единство, и естественно противополагали себя государству, которое въ ихъ глазахъ было дѣломъ только господскаго класса. Стоило гдѣ-либо раскачаться крестьянству и получались массовыя, стихійныя движенія, погромы, аграрные безпорядки, остановить которые можно было только запоздалой присылкою войскъ въ формѣ карательныхъ экспедицій. Порядокъ въ сельской Россіи держался

только инерціей, да престижемъ привычной, исторической власти. Что грозило странѣ, когда бы и то, и другое было подорвано?

Понимала ли по крайней мѣрѣ общественность, на какомъ вулканѣ мы всѣ проживали? Если и понимала, то далеко недостаточно.

По разнымъ причинамъ крестьянскій своеобразный порядокъ и его общинный строй «безправная личность и самоуправная толпа» находили сочувствіе многихъ народолюбцевъ. Чернышевскій видѣлъ въ немъ зародышъ соціализма; Герценъ противоположность мѣщанскому эгоизму; славянофилы — дорогой имъ принципъ соборности. Народники разныхъ оттѣнковъ, изучавшіе обычное крестьянское право, съ восторгомъ обнаруживали, что въ немъ совсѣмъ не хаосъ, а оригинальное правосознаніе, преобладаніе «трудового начала» надъ *кровной связью* въ семейномъ и наслѣдственномъ правѣ. Г. И. Успенскій построилъ свою теорію «власти земли» надъ крестьянскими нравами. Все это вело къ одному: къ защитѣ самобытности крестьянства отъ разложенія его капиталистическимъ строемъ, къ сохраненію его обособленности. И недаромъ лозунгъ марксистовъ — пойдемъ на выучку къ капитализму — вызвалъ именно среди народниковъ разныхъ оттѣнковъ такой рѣзкій отпоръ; онъ билъ въ самый центръ ихъ міровоззрѣнія.

Есть прелесть въ первобытной природѣ и первобытной культурѣ; дремучіе лѣса милѣе расчищенныхъ парковъ, проселочная дорога поэтичнѣе асфальтовой мостовой, водяная мельница и деревенская кузница — пріятнѣе «гигантовъ», а сельская хата — дешевыхъ рабочихъ квартиръ. Патріархальный бытъ первобытнаго общества, съ его уваженіемъ къ старшимъ, съ убѣжденіемъ, что жить нужно побожьи, а не по закону, привлекательнѣе, чѣмъ безпощадный struggle for life капиталистической демократіи. И тѣмъ не менѣе жизни остановить невозможно; культура со всѣми

ся соблазнами и оборотными сторонами смѣняетъ патріархальныя отношенія, пережитки поэтичнаго прошлаго такъ-же безпощадно, какъ морщины смѣняютъ румянецъ. Народники защищали симпатичное, но безнадежное дѣло.

Въ 90-хъ годахъ питать эти иллюзіи становилось уже невозможно. Офиціальная теорія крестьянской обособленности становилась въ такое противорѣчіе съ усиленнымъ напоромъ жизни, что въ либеральныхъ программахъ вспомнили старое требованіе — уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями. Но это еще оставалось только красивою фразой. Общество не отдавало себѣ отчета, какая сложная перестройка быта за этимъ скрывалась. Интеллигенція лучше знала европейскія конституціи, чѣмъ причудливую картину крестьянскихъ порядковъ. Мы говорили —«крестьянское уравненіе» такъ-же легко, какъ «долой Самодержавіе». Но если на мѣсто Самодержавія мы не задумываясь ставили послѣднія слова европейскихъ конституціонныхъ устройствъ, то мы думали, что на мѣсто крестьянскаго «сословія» такъ-же легко станетъ соціальный классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, какой существуетъ въ Европѣ. Но мы не понимали, насколько эта задача сложна. Отмѣнить нѣкоторыя крестьянскія ограниченія было легко; Столыпинъ и сдѣлалъ это 5 октября 1906 г. въ порядкѣ ст. 87. Но нужно было не отмѣнять, а замѣнять. Что сдѣлать съ общинной собственностью, которая въ нашихъ гражданскихъ законахъ совсѣмъ не была предусмотрѣна? Какъ организовать въ деревнѣ полицію и администрацію — если избавить крестьянъ отъ обязанности нести низшую полицейскую службу? Что поставить на мѣсто крестьянскаго обычнаго права, съ его «трудовымъ началомъ» и «семейною собственностью»? На это нужно было имѣть отвѣтъ, котораго мы не имѣли. Когда въ маѣ 1916 г. мнѣ пришлось быть въ Думѣ докладчикомъ по закону 5 октября, я могъ убѣдиться, какъ мало мы всѣ, и я въ томъ числѣ, были до

тѣхъ поръ знакомы съ практической постановкой вопроса. Работая надъ этимъ докладомъ, я поневолѣ кое-чему научился, и напечаталъ объ этомъ въ Вѣстникѣ Гражданскаго Права статью, которая совпала съ Февральскою Революціею. Но защищая въ Думѣ докладъ, я могъ *увидать*, какъ ложно его понимаютъ многіе изъ тѣхъ, кто мнѣ возражалъ. Но подробно говорить объ этомъ не мѣсто. Интереснѣй другое. Недостаточное пониманіе нашей общественностью, въ чемъ состоялъ крестьянскій вопросъ, объяснялось всего болѣе тѣмъ, что и само крестьянство настоящей его природы не понимало. Для крестьянъ онъ давно былъ подмѣненъ другимъ болѣе благодарнымъ и нагляднымъ *аграрнымъ* вопросомъ. Онъ въ глазахъ крестьянъ совершенно заслонилъ вопросъ правовой. Трагедія нашей Революціи вышла именно изъ того, что не революціонная только, а вся интеллигентская мысль пошла въ этомъ отношеніи за примитивной «крестьянской волей».

Если бы въ 90-хъ годахъ спросили крестьянъ, хотятъ ли они равноправія, они бы вопроса не поняли. Онъ превышалъ правовую ихъ подготовку. Въ этомъ непониманіи имѣло значеніе то, что «преуспѣвшихъ» крестьянъ законъ удалялъ изъ сословія. Если бы доктора, адвокаты, чиновники, офицеры изъ крестьянъ были обязаны по постановленію сельскаго общества служить старостой или десятскимъ на побѣгушкахъ у становаго, или могли подвергнуться тѣлесному наказанію по приговору волостного суда — они бы поняли, что значитъ крестьянское неравноправіе. Но всѣ эти преуспѣвшія категоріи изъ сельскаго состоянія выходили; тѣ, кто должны были бы быть естественными защитниками интересовъ крестьянства, попадали въ разрядъ тѣхъ счастливцевъ, которыхъ бѣды крестьянскаго положенія уже не касались. Даже Столыпинскій законъ 5 октября, который позволилъ преуспѣвшимъ оставаться въ сословіи и надѣлы свои сохранить, освободилъ ихъ отъ многихъ крестьянскихъ

тягот и создалъ въ крестьянствѣ категорію «привилегированныхъ». Крестьянская же масса, сельское быдло, привыкшее быть тѣмъ низшимъ сословіемъ, на которомъ стояло все государство, мечтало не о равноправіи съ чуждыми имъ горожанами.

У него была одна неудовлетворенная жажда — земля. Жадность земледѣльца къ землѣ — чувство здоровое. Одна изъ великихъ соціальныхъ опасностей — ослабленіе *этого* чувства. Въ 1900-хъ годахъ въ крестьянствѣ это чувство было очень сильно. Оно острѣе было направлено на пріобрѣтеніе новыхъ земель, чѣмъ на улучшеніе хозяйства на прежнихъ. Быстраго улучшенія сельско-хозяйственной техники въ условіяхъ общественнаго хозяйства (какъ общиннаго, такъ и подворнаго) ожидать было нельзя. А стремленіе къ пріобрѣтенію новыхъ земель было желательно. Оно шло навстрѣчу тенденціи крупнаго и средняго землевладѣнія ликвидировать свои хозяйства и соотвѣтствовало государственной необходимости заселять пустыя пространства. Но опасность была въ томъ, что здоровая страсть къ землѣ у крестьянъ пріобрѣла у насъ своеобразный характеръ: превратилась въ убѣжденіе, что у нихъ есть особое право на землю ихъ бывшихъ помѣщиковъ.

Это поголовное убѣжденіе было связано съ крѣпостничествомъ. По структурѣ крѣпостного хозяйства помѣщикъ долженъ былъ предоставлять землю крестьянамъ или кормить ихъ какъ дворовыхъ; онъ за нихъ отвѣчалъ. Потому освобожденіе крестьянъ въ 61 году не могло произойти безъ обезпеченія землею крестьянъ. Въ числѣ упрековъ, которые дѣлали реформѣ 61 года, указывали на недостатокъ надѣловъ. Въ этомъ есть доля правды. Тогда было психологической ошибкой *уменьшить* надѣлъ, находившійся въ ихъ фактическомъ пользованіи. Но не это уменьшеніе породило крестьянское убѣжденіе въ ихъ правѣ на помѣщичью землю. При быстромъ размноженіи населенія-земли, которой

крестьяне владѣли, все равно не хватило бы. Немного позже, но тотъ-же вопросъ о недостаткѣ земли былъ бы жизнью поставленъ. Какъ говорилъ въ 1-ой Думѣ депутатъ Петражицкій — земля не резинка, растягивать ее невозможно. Но вѣдь измельчаніе земельныхъ хозяйствъ до невозможности жить на землѣ — во всѣхъ земледѣльческихъ странахъ есть острый вопросъ. И тѣмъ не менѣе онъ *не* породилъ въ нихъ увѣренности, что земля частныхъ владѣльцевъ принадлежитъ мелкимъ землевладѣльцамъ. Но за то этотъ взглядъ былъ *у насъ*. Причина въ томъ, что крѣпостническія воспоминанія были свѣжи. Правовое положеніе, которое было сохранено за крестьянами, поддержаніе сельскаго сословнаго общества, крестьянской обособленности, обслуживаніе одними крестьянами общихъ нуждъ государства, какъ службой въ низшей администраціи, такъ и въ натуральныхъ повинностяхъ, ихъ оживляли. Если бы все рѣшалось одною крестьянскою волей, земля у помѣщиковъ была бы давно отнята. Въ этомъ стихійномъ порывѣ таилась опасность для государства. Исполнить это желаніе въ порядкѣ, въ какомъ была сдѣлана реформа 61 года, было труднѣе. Тогда аграрная реформа сопровождала другую, отмѣну личной зависимости. Въ этомъ было правовое ея оправданіе. Для новой экспропріаціи одного класса въ пользу другого такого оправданія не было; налицо была бы только *народная воля*, мотивъ недостаточный и очень опасный.

Аппаратъ государственной власти, пока онъ не былъ ослабленъ, могъ не давать хода такимъ примитивнымъ желаніямъ. Но, чтобы ихъ совсѣмъ устранить, надо было уничтожить причины, которыя ихъ *создали* и питали; надо было отмѣнить крѣпостническіе пережитки въ странѣ. Уничтожить сословную обособленность, освободить крестьянъ отъ власти сословнаго міра, сдѣлать его личнымъ собственникомъ, помогать его тягѣ къ помѣщичьей землѣ содѣйствіемъ ея законному пріобрѣтенію; поощрять мирный переходъ помѣщичьихъ земель въ руки крестьянъ; устранить зависи-

мость крестьянскаго хозяйства отъ барской земли, въ которую крестьяне были иногда умышленно поставлены въ формѣ черезполосицы и подобныхъ ловушекъ; защитить арендаторовъ отъ произвола землевладѣльцевъ; экономически оправдать существованіе крупнаго землевладѣнія игрой прогрессивнаго налога на землю; наконецъ, использовать тягу къ землѣ для усиленія колонизаціи на свободныя земли. Вотъ въ чемъ состояло рѣшеніе крестьянскаго вопроса. *Сословный крестьянскій* вопросъ долженъ былъ тогда потерять всякое основаніе. Остался бы только аграрный вопросъ, одинаковый для всѣхъ состояній.

Здѣсь лежалъ путь, которымъ надо было идти въ восьмидесятыхъ годахъ. Такая политика требовала времени для успѣха. Но Самодержавіе было достаточно сильно, чтобы ее провести даже среди крестьянскаго нетерпѣнія. Что оно поступило наоборотъ — грѣхъ его и правящихъ классовъ. Крестьяне самые мирные все же ждали часа, когда послѣдуетъ новое надѣленіе. Но они его ждали отъ власти. Пропаганда, которую на этой почвѣ революціонныя партіи вели среди нихъ противъ власти, утверждала ихъ въ правотѣ ихъ притязаній на землю, но не убили въ нихъ вѣры въ Царя. Знаменитыя слова Александра III волостнымъ старшинамъ на коронаціи, конечно ихъ огорчили; но крестьяне были «терпѣньемъ изумляющій народъ» и все-таки ждали.

Когда началось «Освободительное Движеніе» и оно поставило крестьянскій вопросъ, то подходъ къ нему измѣнился; думали не столько о томъ, какъ разрѣшить его къ *общему благу*, сколько о томъ, чтобы его разрѣшеніе соотвѣтствовало *крестьянскимъ желаніямъ*.

Свойства земельной собственности вызываютъ оригинальныя построенія, утопіи и эксперименты. Принципіальные отрицатели личной земельной собственности, сторонники національзаціи земли, ученики Генри Джорджа, поклонники трудового землевладѣнія, всѣ могли быть убѣждены въ своей правотѣ. Крестьянская общая собственность

могла дать поводъ воображать, будто крестьяне, противники личной собственности, считаютъ землю «Божьей», связывая право на нее только съ личной ея обработкой. Можно было искренно думать, что крестьяне несутъ съ собой «новое слово», котораго на Западѣ не было, и выдумывать оригинальныя построенія.

Но вовсе не такіе *утописты* создавали аграрную программу «Освобожденія». Не аграрные мечтатели стали объединять своихъ единомышленниковъ; *аграрную программу сочинили политики, поглощенные войной съ Самодержавіемъ.* На свою аграрную программу они смотрѣли прежде всего съ точки зрѣнія интересовъ *этой войны,* чтобы вызвать у крестьянъ сочувствіе къ конституціи. И такъ какъ тяга крестьянства къ захвату помѣщичьей земли была несомнѣнна, то дѣятели, искавшіе доступа къ крестьянской душѣ, этой тягѣ не сопротивлялись. Имъ ее нужно было использовать; такъ сама постановка вопроса стала *демагогической.*

Вотъ почему освободительное конституціонное движеніе, желавшее сдѣлать право и законъ основаніемъ новаго строя, пристегнуло къ этой программѣ отрыжку крѣпостныхъ воспоминаній, т. е. претензію крестьянъ на помѣщичью землю. И лозунгомъ не революціонеровъ, а поклонниковъ демократической конституціи, стало антигосударственное, не логичное сочетаніе словъ: «земля и воля». А вѣдь *это* та надпись, которую партійные товарищи написали на погребальныхъ вѣнкахъ Герценштейну.

Естественно, что такую программу приняли не безъ колебаній. Помню засѣданія общественныхъ дѣятелей, въ которыхъ Мануйловъ и Герценштейнъ свою программу отстаивали. Имъ предъявлялись серьезныя возраженія. Требованіе новыхъ земель въ пользу неумѣлаго и неудачнаго крестьянскаго хозяйства было аналогично требованію новыхъ кредитовъ со стороны раззоряющагося торговаго предпріятія;

сначала нужно поправить плохое хозяйство. Они отвѣчали, что заботы объ интенсификаціи крестьянскаго хозяйства въ свое время придутъ; что положеніе остро, что медлить нельзя, что необходимо дать «передышку», какъ иногда нуженъ кредитъ и для банкрота, чтобы выиграть время. Но главный аргументъ былъ не въ этомъ; его не разъ повторялъ А. А. Мануйловъ. «Если мы не сдѣлаемъ крестьянамъ этой уступки, говорилъ онъ всегда, никакая конституція не удержится; тѣмъ болѣе безъ нея конституціи не добьешься. Намъ нужно на эту мѣру рѣшиться; если бы Самодержавіе было жизненно, оно бы само ее сдѣлало и себя укрѣпило. Эту угрозу по адресу конституціоналистовъ въ 1906 г. не разъ высказывалъ Витте. Словомъ, если эта реформа и была демагогіей, то демагогіей *необходимой* для завоеванія конституціи.

Все это было логично. Если цѣной *этой* жертвы можно было поднять крестьянъ за конституцію, оторвать крестьянство отъ Самодержавія — то развѣ эта цѣна была бы слишкомъ великой? Если при Самодержавіи дѣйствительно никакой прогрессъ невозможенъ, то нельзя же было жертвовать Россіей для сохраненія помѣщичьей собственности. Конституціоналисты естественно на эту жертву пошли. Что эта программа оправдывалась не ея достоинствомъ, а ея соотвѣтствіемъ крестьянскому настроенію, не скрывало и Освобожденіе. Въ томъ же № (60 — 70), гдѣ за подписью Мануйлова, Герценштейна и Петра Долгорукова впервые появилась программа, которая должна была быть предложена созываемому аграрному съѣзду, было указано, что сопоставленіе самодержавной и освобожденской программъ дастъ богатый матеріалъ для *агитаціи*. Это безспорно. Бездарность и вредность крестьянской политики Самодержавія настоятельно требовала противопоставить ей *разумную* программу. Въ ней нуждалась Россія: либерализмъ могъ ее дать, не измѣняя основнымъ своимъ взглядамъ; но выработка ея совпа-

ла съ войной противъ Самодержавія, и освободительное движеніе остановилось на томъ, что ему тактически было болѣе выгодно.

Этотъ грѣхъ былъ тѣмъ больше, что движеніе *понимало*, что дѣлало. Въ № 67 Освобожденія была напечатана замѣчательная статья Струве, въ которой онъ предсказывалъ Революцію. «Политика Самодержавія, говорилъ Струве, ведетъ къ революціи; Революція въ раздумьи, но ея раздумье на этотъ разъ не можетъ продолжаться долго. Съ Ахерономъ городскихъ рабочихъ массъ она соприкоснулась и спаялась въ историческіе январскіе дни. Если этого мало, она подыметъ противъ Самодержавія сельскіе низы. У русской революціи есть для этого магическое слово. Это простое и могущественное слово — «земля». Оно сплотитъ и поведетъ сельскую Россію...» Это страшныя слова, потому что они рисовали положеніе вѣрно. Лозунгъ «земля» былъ грознымъ лозунгомъ, ибо онъ былъ *магическимъ;* его Революція могла подхватить и постоянно подхватывала. Если бы «Освободительное движеніе» понимало, чѣмъ ему грозитъ революція, оно не стало бы такъ легко бросать въ народъ *этого* лозунга. Оно дало бы программу, которую не сумѣло дать Самодержавіе. Но въ этотъ моментъ пойти *этимъ* путемъ значило бы ослабить себя въ борьбѣ съ Самодержавіемъ и «Освободительное движеніе» стало само играть опасную карту земли.

Какъ движеніе, претендовавшее быть государственнымъ, оно старалось облечь этотъ демагогическій лозунгъ въ приличную форму. Многіе искренно думали, будто отчужденіе земли «по справедливой оцѣнкѣ» и дополнительное надѣленію ею крестьянъ успокоитъ крестьянскую тягу къ землѣ и предупредитъ революцію, ибо произойдетъ въ формѣ законной и мирной. Наивные люди, которые позднѣе тоже воображали, что можно будетъ упразднить монархію и сохранить при этомъ порядокъ въ странѣ или сломать дисциплину въ войскахъ, *увеличивъ* этимъ боевыя качества арміи!

Такая реформа, какъ отобраніе земель у помѣщиковъ и не столько самое ихъ отобраніе, сколько *раздѣленіе* отобранныхъ земель на глазахъ у крестьянъ, доступно было бы только исключительному по *силѣ* и *престижу* правительству. Въ шестидесятыхъ годахъ его могло сдѣлать русское Самодержавіе; да и та реформа была облегчена тѣмъ, что благо личнаго освобожденія компенсировало недостаточность земельныхъ надѣловъ. Чтобы могло произойти новое распредѣленіе земель, не вызвавъ споровъ, поножевщины, мести — нужна была власть, которая бы пользовалась исключительною мощью и довѣріемъ населенія. А эту реформу хотѣли провести послѣ того, какъ престижъ государственной власти, иллюзія ея непобѣдимости были бы въ глазахъ населенія подорваны ея капитуляціей! Реформа, подобная той, которую проповѣдывало Освобожденіе, могла быть сдѣлана или *исторической* властью, или такой жестокой властью, какъ большевистская, которая не жалѣетъ пролитой крови. Но браться за нее *либерализму*, взявшему курсъ на законность и право и сознательно ослаблявшему аппаратъ правительственной власти въ странѣ, было сущимъ безуміемъ. Программа аграрной реформы оставалась тактическимъ маневромъ, не болѣе. Только соображенія *тактики* позволяли мириться и съ тѣми противорѣчіями, въ которыхъ «освобожденская» аграрная программа стояла къ либеральному міровоззрѣнію.

Вѣдь она прежде всего была экономически явнымъ *регрессомъ*. Помѣщичье хозяйство пока давало *лучшій* урожай, чѣмъ крестьянское. Сокращеніе его площади наносило поэтому ущербъ богатству страны, т.е. общему интересу. Въ І-й Государственной Думѣ въ своей прославленной, но мало удачной полемической рѣчи М. Я. Герценштейнъ заявилъ, что мелкое землевладѣніе можетъ быть продуктивнѣе крупнаго, и сослался на примѣръ Даніи и Голландіи. Если бы этотъ доводъ для Россіи былъ правиленъ, насильственный переходъ къ мелкому землевладѣнію экономически могъ

быть оправданъ. И тогда для этого было бы правильнѣй употребить *другіе* пріемы; этой цѣли *вѣрнѣе* служилъ бы прогрессивный земельный налогъ, а не отчужденіе и раздача земель, при которыхъ помѣщичья земля всегда рисковала попасть въ руки худшихъ и ненадежныхъ хозяевъ. Но дѣло не въ этомъ; главное, что для Россіи Герценштейновское утвержденіе *еще не было вѣрно*, что крестьянское мелкое землевладѣніе не было болѣе продуктивнымъ, напротивъ. Настоящей задачей момента должно было быть поэтому достиженіе увеличенія его *интенсивности*. И такъ какъ были ясны причины, которыя продуктивности крестьянскаго хозяйства не давали подняться, надо было устранить *эти* причины. Въ числѣ ихъ, на первомъ мѣстѣ, стояла необезпеченность и неполнота крестьянской собственности, зависимость крестьянъ отъ общины въ области землепользованія или даже владѣнія. Но освобожденская программа, ничего не сдѣлавъ противъ *этого* зла, принялась въ грандіозныхъ размѣрахъ колебать принципъ собственности, отнимая земли у законныхъ владѣльцевъ. Въ этомъ отношеніи аграрная программа въ миніатюрѣ предваряла большевистскую практику; то, что она собиралась сдѣлать съ *помѣщиками*, т. е. съ крупными и средними землевладѣльцами въ пользу крестьянъ, т. е. мелкихъ, большевики сдѣлали съ кулаками, зажиточными крестьянами въ пользу коллективной «бѣдноты»; Освобожденцы, а позднѣе кадеты, не то изъ тактики, не то изъ сантиментальнаго сочувствія трудящимся ставили ставку на *трудовое* хозяйство противъ *крупнаго*, оправдывая эту вредную тактику примѣрами Даніи и Голландіи; они клеймили Столыпинскую *ставку на сильныхъ*. Большевики тоже открыли войну противъ зажиточныхъ крестьянъ, ставятъ ставку на бѣдноту и оправдываютъ ее теоретическими преимуществами индустріализованныхъ коллективовъ землепользованія. Словомъ, въ обоихъ случаяхъ изъ-за доктрины, а въ первомъ случаѣ даже просто изъ тактики, разрушали принципы, на которыхъ стояла реальная жизнь, не стѣсняясь

тѣмъ, что это наносило ущербъ національному богатству страны.

Кадетская программа смягчала этотъ послѣдній упрекъ оговоркой, что отчужденіе не коснется *образцовыхъ* культурныхъ хозяйствъ. Это только показывало глубину нашей наивности. Какъ будто въ моментъ передѣла, разгорѣвшейся жадности, когда поневолѣ оказалось бы столько обойденныхъ и недовольныхъ, можно было разсчитывать на уваженіе къ культурнымъ хозяйствамъ! Образчикъ того, что бы мы получили, мы могли наблюдать въ 1917 г. Шингаревъ провелъ законъ, по которому земля, которой ея собственникъ не воздѣлывалъ, могла принудительно поступить въ крестьянское пользованіе. Цѣль закона была понятна и выгодна для страны. Правовыхъ устоевъ законъ не колебалъ, такъ какъ во время войны реквизиціи были привычны и даже легальны. Но что получилось въ результатѣ этого закона? Крестьяне стали разрушать экономіи, умышленно ставить помѣщиковъ въ невозможность на нихъ хозяйство вести для того, чтобы потомъ въ своихъ интересахъ использовать новый законъ. Можно ли было воображать, чтобы въ моментъ давно желаннаго *общаго* передѣла земель крестьяне стали бы относиться *иначе* къ культурнымъ образцовымъ хозяйствамъ?

Справедливо, что нѣкоторыя земли не приносили дохода или что ихъ иногда эксплоатировали только крестьянской арендой. *Такія* земли пощады не стоили. Но въ рукахъ государства было могучее средство, которымъ оно *могло* съ этимъ бороться: прогрессивный земельный налогъ и законъ объ арендѣ. Вотъ, что тогда было дѣйствительно нужно. Достаточно посмотрѣть, *что* сдѣлали налоги съ землевладѣніемъ въ Англіи, *какъ* законъ оградилъ квартиронанимателей Франціи, чтобы видѣть, какъ многого можно было бы достигнуть *этимъ* путемъ, безъ противорѣчія съ основами права, на которыхъ стоялъ соціальный строй государства. Надо было только имѣть мужество идти этимъ *долгимъ* пу-

темъ. Но тактика освободительнаго движенія этому помѣшала; она заставила подчиниться *волѣ крестьянъ*, которые хотѣли *отобрать* землю помѣщиковъ. Требуя этого, крестьяне размышляли, конечно, не объ интересахъ всего государства; они поступали, какъ тѣ ручные ткачи, которые когда-то разрушали полезныя для государства машины. Этихъ ткачей можно было жалѣть; надо было имъ *помочь* пережить экономическій кризисъ; но во имя ихъ *воли* нельзя было разрушать ткацкія фабрики. Крестьянская тяга къ разрушенію помѣщичьихъ хозяйствъ была явленіемъ *того* же порядка. Уступать *ей* было недостойно для государства. Но интересы войны съ Самодержавіемъ освободительное движеніе на это толкнули.

Какъ ни старалось движеніе придать неразумной стихіи принципіальную форму, черезъ нее стихія все же проглядывала, и въ аграрной программѣ сказалась ея реакціонная сущность, не будущій идеалъ, а просто наслѣдіе печальнаго *прошлаго*.

Эта программа, во-первыхъ, снова воскрешала *сословность*. Лозунгъ: «вся земля — крестьянамъ», имѣлъ хорошую прессу. На Западѣ ему посчастливилось. Я не разъ слыхалъ отъ французовъ, которые съ самоувѣренностью судили о русскихъ дѣлахъ, будто Россіи необходимы три вещи—республика, федерализмъ и la terre aux paysans. Если понимать подъ «крестьянами» то, что понимаютъ на Западѣ, т. е. просто соціальный классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, которые потому, что они мелкіе, являлись и земледѣльцами, этотъ лозунгъ означалъ бы простое предпочтеніе мелкаго землевладѣнія крупному. Въ этомъ нѣтъ ничего необычнаго. При извѣстныхъ условіяхъ въ такой формѣ землевладѣнія есть преимущества *экономическія* и почти всегда *политическія;* мелкое крестьянство — оплотъ порядка въ странѣ. Преуспѣянія такого мелкаго землевладѣнія государство можетъ добиваться различными способами; покровительствомъ мелкому, налогомъ на крупное, даже край-

ней мѣрой, польза которой еще не доказана, установленіемъ земельнаго максимума. Если такъ ставить этотъ вопросъ, онъ останется вопросомъ *аграрнымъ*, не имѣющимъ связи съ сословностью. Въ Россіи онъ ставился вовсе не такъ; въ Россіи крестьянство было сословіемъ замкнутымъ и строго очерченнымъ. Это *сословіе* требовало въ свою пользу землю другого сословія. Оно — и это было печальнымъ наслѣдіемъ прошлаго — себя противополагало другимъ сословіямъ и даже всему государству. Эти сословные предразсудки, сословная рознь, санкціонировались и поощрялись проектомъ принудительнаго отчужденія. Пусть это явилось законной карой передовому сословію, которое само въ своихъ интересахъ когда-то проповѣдывало крестьянскую *обособленность*. Оно и пожинало теперь то, что посѣяло. Но прошлые грѣхи сословія не мѣняли того, что исходная точка реформы лежала въ старыхъ отжившихъ понятіяхъ, а вовсе не въ тѣхъ идеяхъ, къ которымъ освободительное движеніе въ это время стремилось.

Напротивъ этимъ идеямъ «аграрная программа» противорѣчила. Основная идея была въ господствѣ и утвержденіи права, а какое правовое основаніе можно было бы подвести подъ эту реформу? Право есть общая норма, которая для всѣхъ одинакова; въ этой *общности* ея оправданіе и испытаніе ея жизненности. На какой общей нормѣ можно было построить отбираніе земли у однихъ, чтобы ее дать другимъ? Когда большевики стали захватывать фабрики, дома и квартиры, выселять жильцовъ изъ ихъ помѣщеній и уплотнять ихъ рабочими, всѣ поняли, что это *несправедливость*. Но когда рѣчь шла тогда объ аграрной реформѣ, которая строилась на томъ же самомъ началѣ, на неуваженіи къ индивидуальному *праву*, этого не хотѣли замѣчать и признавать. Претензіи «помѣщиковъ» отстоять хозяйства, сохранить свой уголокъ — клеймили какъ «помѣщичьи аппетиты». Правда, тогда утверждали, будто отчужденіе не коснется самихъ усадебъ, остановится тамъ, гдѣ ему ука-

жетъ правительство. Но разъ было бы признано справедливымъ во имя «народной воли», допустить пренебреженіе къ праву собственника, чѣмъ и гдѣ можно было бы остановить примѣненіе этой воли? Большевистская практика шла по дорогѣ, которую задолго до этого проложила освобожденская аграрная идеологія.

Другимъ началомъ либерализма была самодѣятельность личности и свободное общество. Освободительное движеніе справедливо возставало противъ гипертрофіи государственной власти въ Россіи, требовало раскрѣпощенія жизни. А между тѣмъ въ области аграрной программы вмѣсто того, чтобы идти *этимъ* путемъ только направляя естественное развитіе хозяйства, вмѣсто того, чтобы использовать для его преуспѣянія энергіи и личные интересы, чтобы предоставить землѣ *самой* находить хозяевъ, поощрять трудъ и умѣлость, карать лѣнивыхъ и неудачливыхъ, освобожденская программа предоставила государственной власти раздѣлить отобранныя ею земли между крестьянами. Она предлагала такую неслыханную гипертрофію государственной власти, которая съ идеалами либерализма несовмѣстима. Именно съ *этой* точки зрѣнія неоднократно и краснорѣчиво критиковалъ нашу аграрную программу Ф. Родичевъ. И опять любопытно, что освобожденскій идеалъ былъ развитъ и осуществленъ *большевистской* властью, которая стала единственнымъ собственникомъ земли и стала управлять этой національной собственностью по своей системѣ плановаго хозяйства.

Свою программу освободительное движеніе, а позднѣе кадетская партія облекли въ благовидную форму; они ссылались на право государства въ экстренныхъ случаяхъ отчуждать частное имущество на общую пользу съ вознагражденіемъ по справедливой оцѣнкѣ. Если, конечно, нельзя отрицать этого права, когда этого требуетъ *общая польза*, если въ рядѣ случаевъ этимъ принципомъ можно было разрѣшать даже старые аграрные споры, что признавалъ и Столы-

пинъ въ своей рѣчи во второй Государственной Думѣ, то оправдывать этимъ массовое отобраніе земель у одного сословія, чтобы отдать ихъ другому для удовлетворенія его воли, при этомъ къ ущербу интересовъ страны, значило превращать право въ злоупотребленіе имъ. Это была игра словами. Честнѣе было бы не ссылаться на этотъ правовой институтъ, а просто исходить изъ принципа о неограниченныхъ правахъ государственной власти, которая будто бы все можетъ и все смѣетъ, т. е. принципіально становиться на позицію нашего Самодержавія, а теперь большевизма. Потому-то аграрную программу я называю отсталой программой. Она могла сложиться лишь въ привычной атмосферѣ государственнаго деспотизма, а не въ понятіяхъ правового режима. Ее и фактически стали осуществлять большевики, показавъ этимъ на практикѣ, къ чему привели наши теоріи.

Союзъ Освобожденія говорилъ о вознагражденіи по «справедливой оцѣнкѣ». Легальное отчужденіе немыслимо безъ вознагражденія; только оно и даетъ отчужденію правовую основу. Мы знаемъ, какъ по общему праву это вознагражденіе въ случаѣ «отчужденія» тщательно исчислялось. Но эта была лицемѣрная ссылка. Недаромъ, когда рѣчь заходила о вознагражденіи за отобранную землю, это исчисленіе сразу мѣнялось. М. Я. Герценштейнъ всегда заявлялъ, что справедливая оцѣнка будетъ *ниже рыночной стоимости*. Эту мысль воспроизвелъ позднѣе кадетскій аграрный проектъ. Если государственная власть всемогуща, она можетъ конечно предписать и подобный порядокъ, точно такъ же, какъ можетъ отобрать землю и *безъ* вознагражденія. Единственно чего государство сдѣлать не можетъ — это превратить въ справедливость то, что по существу несправедливо. Тотъ, кто съ помощью государства пріобрѣталъ землю по рыночной цѣнѣ и у кого потомъ ее отберутъ по такъ называемой «справедливой», не можетъ считать этого справедливымъ. Когда сейчасъ большевики отнимаютъ хлѣбъ у кре-

стьянъ и платятъ имъ по такой *справедливой* оцѣнкѣ, которая ниже рыночной, то это всѣхъ возмущаетъ; но они опять-таки осуществляютъ en grand только то, что мы сами въ свое время затѣяли.

Защитники освобожденской аграрной программы съ торжествомъ указываютъ, что эта мѣра послѣ войны была принята въ нѣсколькихъ европейскихъ государствахъ. Здѣсь путаница словъ и понятій. Государство можетъ принимать общія мѣры; можетъ націонализовать всю земельную площадь; можетъ установить для всѣхъ ея максимумъ, предоставляя землевладѣльцу избытокъ земли ликвидировать, хотя бы въ условіяхъ спѣшности. Примѣненіе этихъ мѣръ послѣ войны основъ соціальнаго строя не колебало. Но въ Россіи Освободительное Движеніе его поставило какъ отобраніе земли у класса помѣщиковъ въ пользу крестьянства. Никакой правовой основы для этого не было; было лишь *желаніе* самихъ крестьянъ. Но того, чего дѣйствительно хотѣли крестьяне, не могло бы сдѣлать ни одно государство; это могла сдѣлать одна *революція*.

Крестьяне думали не объ максимумѣ на земельную площадь; не о запрещеніи на нее личной собственности, какъ это воображали соціалъ-революціонеры; не объ обязательныхъ способахъ ея эксплоатаціи; они находили, что земля ихъ бывшихъ помѣщиковъ должна имъ перейти потому, что когда-то помѣщики ими самими владѣли. Это казалось для нихъ нормальнымъ окончаніемъ старыхъ крѣпостныхъ отношеній. Въ этой идеѣ, продуктѣ незабытаго крѣпостничества, отрыжкѣ *старой* сословной Россіи, родившейся въ темныхъ головахъ сельскаго общества, ихъ стали поддерживать *либеральныя партіи*, которыя вели борьбу за начала свободы, права и равенства. Для оправданія этой реформы нельзя было ссылаться ни на одно изъ этихъ началъ, а только на *волю народа*. Какъ при неограниченномъ Самодержавіи преклонялись передъ Высочайшей волей, такъ волю народа, требовавшаго отобраніе земли для нихъ, превращали теперь

въ *правовое обоснованіе.* Обществу пришлось скоро увидѣть, въ какія примитивныя формы вылилось это крестьянское міровоззрѣніе, когда его стали приглашать сказать свою «волю»; а при программѣ, которую въ угоду крестьянскому Ахеронту приняло Освободительное Движеніе, ему было трудно эту волю оспаривать. Всѣ аргументы, которыми можно было съ нимъ спорить, были «освободительнымъ движеніемъ» добровольно покинуты. Главное пожеланіе Ахеронта, т. е. отобраніе земель у помѣщиковъ и ихъ отдача крестьянамъ, было освободительнымъ движеніемъ принято. Споръ шелъ о деталяхъ, о вознагражденіи. А аппетиты крестьянъ все росли по мѣрѣ того, какъ увеличивались шансы, что ихъ мечты будутъ исполнены. Несбыточное становилось возможнымъ, а это окрыляло воображеніе. Стоитъ пересмотрѣть въ № 22 Освобожденія протоколы Крестьянскаго Съѣзда, состоявшагося въ іюлѣ 1905 года, чтобы понять, какъ переломилось въ крестьянскихъ головахъ ученіе о принудительномъ отчужденіи по «справедливой оцѣнкѣ» и о верховенствѣ «воли народа». «Земля Божій даръ, говорилъ представитель Харьковской губерніи, захваченный помѣщиками, которые вслѣдствіе этого и пользовались нашимъ трудомъ». «Частную собственность необходимо отмѣнить, добавлялъ представитель Черниговской губерніи; если вмѣсто чиновниковъ будутъ править помѣщики, то станетъ еще хуже. Еще больше будетъ грабежъ, если богатымъ будетъ принадлежать власть. Примѣръ — несчастная Англія». А вотъ по вопросу о выкупѣ. Представитель Владимірской губерніи заявляетъ: «землю надо взять и отдать крестьянамъ; за что выкупъ? Мой прадѣдъ былъ крѣпостнымъ знаменитаго Пестеля, а онъ отпустилъ на волю своихъ крѣпостныхъ безъ всякаго выкупа». Представитель Курской губерніи заявляетъ: «никакого выкупа за землю не нужно. Будетъ съ того, что Александръ II взялъ большія деньги изъ банка и далъ помѣщикамъ; скорѣе съ помѣщиковъ нужно взять выкупъ за то время, когда они владѣли землей».

Эти «государственные» взгляды, которые безъ всякихъ комментарій печатались въ Освобожденіи, только усиливались по мѣрѣ того, какъ Ахеронтъ собиралъ свои силы. Они были страшны тѣмъ, что были естественны; они соотвѣтствовали культурному уровню крестьянской массы, ея правовому сознанію и несправедливости того положенія, въ которомъ эту массу держали. Это настроеніе крестьянства было опасно не для Самодержавія, а для всего государства; для борьбы съ нимъ нужны были рѣшительныя, но отнюдь не репрессивныя и не революціонныя мѣры. Историческій долгъ либерализма былъ ихъ предложить. Но главнымъ фронтомъ была тогда война съ Самодержавіемъ. Ведя борьбу съ нимъ, бороться одновременно и съ крестьянскимъ Ахеронтомъ, было ему не по силамъ; освободительное движеніе постаралось въ своихъ интересахъ *использовать* эту стихію.

Свою Немезиду либералы получили, какъ и во всемъ, уже послѣ объявленія конституціи, когда надо было Ахеронтъ успокаивать. То, что для большинства освобожденцевъ было только военной тактикой, для Ахеронта было сознаніемъ права. Крестьяне не были удовлетворены завоеванной конституціей; къ ней они остались совсѣмъ равнодушны. Но за то переходное время давало аграрнымъ демагогамъ надежду «явочнымъ порядкомъ» добиться исполненія главнаго своего пожеланія. Задачей либерализма должно было быть уничтоженіе тѣхъ причинъ, которыя крестьянскій вопросъ породили и исказили. Но наслѣдникамъ Освободительнаго Движенія было трудно отказаться отъ того, что ими было объявлено. Свою программу съ «принудительнымъ отчужденіемъ» они продолжали отстаивать уже при конституціи въ Думѣ, изъ тѣхъ же тактическихъ соображеній, что и раньше, только на этотъ разъ желая создать благодарную платформу противъ роспуска Думы. Такъ крестьянскій вопросъ остался орудіемъ *партійной борьбы.* Заслугу его разрѣшенія или по крайней мѣрѣ правильной его постановки либеральная общественность этимъ сама отдала

въ руки Столыпина. Этого мало. И съ его проектомъ она по инерціи продолжала принципіально *бороться.* Такое отношеніе къ крестьянскому вопросу было самой тяжелой тактической жертвой, которую принесъ русскій либерализмъ. Эта жертва его не спасла. Принятую имъ къ исполненію крестьянскую «волю» и судьбу этой воли съ ея результатами, либерализму пришлось увидать уже послѣ февраля 917 г. Но это внѣ моей темы.

Глава VIII.

НАЦІОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ВЪ «ОСВОБОДИТЕЛЬНОМЪ ДВИЖЕНІИ».

Въ политикѣ есть своя логика. Если Освободительное Движеніе въ войнѣ противъ Самодержавія искало всюду союзниковъ, если его тактикой было раздувать всякое недовольство, какъ бы оно ни могло стать опасно для государства, — то можемъ ли мы удивляться, что для этой же цѣли и по этимъ мотивамъ оно привлекло къ общему дѣлу и неудовольствіе «національныхъ меньшинствъ»? Вѣдь постановка національной проблемы въ *старой* Россіи была одной изъ самыхъ ея слабыхъ сторонъ.

Россія была разноплеменной и очень разнородной страной. Нѣкоторыя національности были раньше независимы отъ Россіи, имѣли свою культуру, иногда болѣе высокую и либо были присоединены къ Россіи насильственно, либо вошли въ ея составъ добровольно, чтобы защитить свою національность противъ болѣе опасныхъ сосѣдей. Другія народности были низшей культуры, были въ ней перемѣшаны; были области, гдѣ одна нерусская національность притѣсняла другую — тоже нерусскую. Наконецъ, были страны, какъ Финляндія, которыя были на особомъ самостоятельномъ государственномъ положеніи. Словомъ національная проблема въ Россіи была очень сложна, не могла быть рѣшена по од-

ному общему принципу, требовала такта и осторожности. Но одно несомнѣнно. Національная проблема въ ней имѣлась, и Россія уже никакъ не могла считать себя государствомъ унитарнаго типа.

А между тѣмъ по какой-то непонятной аберраціи мысли оффиціальная политика находила нужнымъ *отрицать* эту проблему. Она давала двусмысленные и опасные лозунги въ родѣ—Самодержавіе, Православіе и Народность; или еще хуже — Россія для русскихъ. Ибо если этотъ знаменитый лозунгъ эпохи Александра III былъ направленъ противъ «заграницы», и подъ «русскимъ» понималъ *всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи* — то онъ былъ труизмомъ; если же онъ давалъ преимущество «русской» и даже просто «великорусской» народности, какъ не въ мѣру усердные патріоты стали его понимать, то онъ былъ преступенъ, ибо подрывалъ единство Россіи. Но оффиціальная политика не ограничивалась провозглашеніемъ лозунговъ; она съ ними сообразовала свои мѣропріятія и подчасъ вела прямую борьбу съ проявленіями національной культуры, борьбу, которая ощущалась тѣмъ *больнѣе,* чѣмъ была *выше* и потому казалась *опаснѣе* эта культура.

Въ значительной степени эта неразумная политика была связана съ Самодержавіемъ. Не потому, чтобы Самодержавіе было «націоналистическимъ» по природѣ своей. Скорѣе напротивъ. Гордостью и raison d'être Самодержавія было именно то, что Самодержецъ стоялъ выше всѣхъ одинаково и всѣ части населенія одинаково его сердцу были «любезны». Вѣдь сама наша династія давно не была русской по крови, не была и по направленію; Александръ I — русскимъ предпочиталъ «поляковъ» и «финляндцевъ», а Николай I — нѣмцевъ остзейскихъ провинцій. Но Самодержавіе не хотѣло считаться съ правами «человѣка» и «общества» и потому не было склонно дѣлать исключенія для той совокупности спеціальныхъ общественныхъ притязаній, которыя связаны съ національностью. Гнетъ центральной власти

давилъ на всѣхъ одинаково и не давалъ преимущества русскимъ; онъ угнеталъ «національности не потому, что онѣ были иноплеменны, а потому, что онѣ были «*общество*», которое должно было имѣть одинъ только долгъ — «повиноваться». Чистое «Самодержавіе» о «правахъ» національностей просто не думало; и не даромъ роковая для Россіи агрессивная «националистическая» политика обнаружилась всего острѣе уже при Государственной Думѣ. Старый самодержавный режимъ могъ довольно искренно считать Россію «унитарнымъ» государствомъ; ибо вся Россія *одинаково* была противъ воли Самодержца *безправна*.

Именно благодаря этому та часть русскаго общества, которая не мирилась съ непризнаніемъ за нимъ правъ гражданства и боролась противъ Самодержавія, видѣла въ національностяхъ только товарищей по несчастью, придавленныхъ общимъ врагомъ. Она считала ихъ естественными союзниками въ этой общей борьбѣ и не спрашивала себя, въ какой мѣрѣ оппозиція національныхъ меньшинствъ противъ Самодержавія не является оппозиціей и противъ самой Россіи? Подобныя опасенія считались въ то время «маневромъ» реакціи. И потому неудивительно, что когда «Освободительное Движеніе» сформировалось передъ рѣшительнымъ штурмомъ, то на состоявшейся въ ноябрѣ 904 г. конференціи оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій Россійскаго государства — были приглашены и представители національныхъ меньшинствъ, ихъ крайнихъ партій— поляковъ, литовцевъ, евреевъ, украинцевъ, латышей, грузинъ, армянъ, бѣлоруссовъ и финляндцевъ.

На этой конференціи русскому либерализму пришлось опредѣлить свою программу по національному вопросу, и эта программа потомъ красной нитью проходитъ до крушенія Россіи въ 1917 году. Въ ней многое любопытно.

Въ сущности любопытно и то, что эта конференція, гдѣ въ качествѣ приглашенныхъ участвовалъ Союзъ Освобожденія, претендовавшій быть широкимъ національнымъ дви-

женіемъ, подчинявшій все волѣ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія избраннаго по 4-хвосткѣ, что эта конференція была созвана «финляндской оппозиціей» и что «національное россійское движеніе» было поставлено на одну доску съ инородческимъ. Здѣсь была какая-то предварительная сдача нашей національной позиціи. Иниціаторы этой конференціи, финляндцы, *одни* отъ этой конференціи получили нѣчто *реальное и конкретное*, т. е. отмѣну всѣхъ мѣръ послѣдняго времени, нарушавшихъ Финляндскую конституцію. Для всѣхъ остальныхъ національностей не пошли дальше *принциповъ*, но за то очень двусмысленныхъ и опасныхъ.

Конференція осудила «разжиганіе національной вражды» и «руссификаторскія стремленія» нашей власти. Она въ этомъ была, конечно, права, если подъ «руссификаторствомъ» разумѣть только стремленія денаціонализировать «инородцевъ», т. е. насильственно запрещать проявленія ихъ культуръ (въ чемъ оффиціальная Россія была несомнѣнно повинна), а не защиту государствомъ русскихъ меньшинствъ противъ ихъ денаціонализаціи инородческимъ большинствомъ (чему тоже были примѣры). Это положеніе въ общемъ соотвѣтствовало идеямъ либерализма, т. е. признанію извѣстныхъ правъ за личностью и за обществомъ, которыя государство должно уважать и охранять одинаково.

Но на этомъ конференція не остановилась. Она при участіи «Союза Освобожденія» признала за каждой народностью право на *«національное самоопредѣленіе»*. Такъ здѣсь впервые была принята знаменитая формула, которой въ Россіи пришлось сыграть такую роль послѣ 1917 г., а въ Европѣ въ эпоху Версальскаго мира.

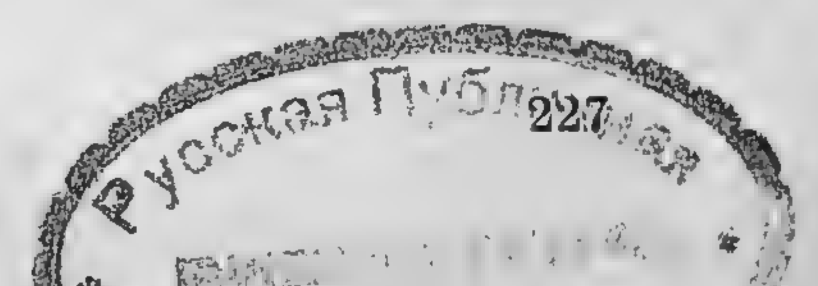
Эта формула одна изъ тѣхъ общихъ мѣстъ, въ родѣ «неприкосновенности личности», которыя не могутъ быть принимаемы безъ оговорокъ; «неприкосновенность» личности не означаетъ ея права быть выше закона или суда, тѣмъ болѣе права дѣлать все, что захочетъ, не стѣсняясь съ правами

другихъ. Это всѣ понимаютъ. Но что значило «право на самоопредѣленіе народностей»? Въ чемъ граница этого права? Какое его отношеніе къ суверенитету всего государства? Признается ли оно, если народность пожелаетъ отдѣлиться отъ государства и захватить его территорію? Какъ быть съ меньшинствомъ самой народности, которое государству останется вѣрно? И какъ Союзъ Освобожденія совмѣстилъ это неограниченное право отдѣльной народности съ своимъ ученіемъ о безусловномъ подчиненіи волѣ Учредительнаго Собранія по 4-хвосткѣ, т. е. о подчиненіи *всѣхъ волѣ всего государства?* Вѣдь при широкомъ толкованіи новаго права народностей, разноплеменное государство переставало быть живою реальностью. Такой лозунгъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ былъ принятъ, былъ направленъ очевидно вовсе не противъ Самодержавія; онъ могъ быть обращенъ противъ всякой формы правленія, противъ всего государства, противъ единства Россіи, т. е. могъ быть лозунгомъ узкаго шовинистическаго сепаратизма. И однако онъ былъ Освободительнымъ Движеніемъ *принятъ.*

Въ оправданіе можно сказать только одно. Освободительное Движеніе наивно, но искренне не предполагало, что отдѣльныя народности Россіи пожелаютъ отъ нея *отдѣлиться.* Для такой увѣренности было, пожалуй, болѣе основаній, чѣмъ для его довѣрія къ благоразумію Ахеронта. Либерализмъ воображалъ, что какъ только падетъ Самодержавіе, національныя меньшинства тотчасъ же станутъ «патріотами свободной Великой Россіи» и не будутъ ставить своихъ частныхъ интересовъ выше правъ и интересовъ общей Имперіи. Онъ не боялся, что этой формулой національности пожелаютъ разрушить государственную цѣлость Россіи. Вопросъ, что въ случаѣ такого желанія пришлось бы дѣлать Россіи, считался просто абсурднымъ. Впрочемъ, такъ легко смотрѣли на двусмысленную формулу «самоопредѣленія» не только *русскіе либералы.* Во время Версальскаго конгресса, когда этой формулой пользовались противъ Россіи, я

спросилъ Клемансо, что бы онъ сказалъ, если бы во имя права на самоопредѣленіе баски потребовали себѣ независимости? Онъ усмѣхнулся: «я этого не боюсь, не потребуютъ». Такой фразой удовлетворялся и нашъ либерализмъ, забывая разницу между Франціей и разноплеменной Россіей. Онъ былъ увѣренъ, что національныя меньшинства проводятъ разницу между русскимъ обществомъ и правительствомъ, и что ихъ нападки на Самодержавную власть по Россіи не бьютъ. Либерализмъ прощалъ національнымъ меньшинствамъ нѣкоторое излишество словъ и претензій въ увѣренности, что ихъ шовинизмъ исчезнетъ съ водвореніемъ новаго строя въ Россіи.

Такія иллюзіи могли быть простительны; въ это время среди національныхъ меньшинствъ я не помню открытыхъ враговъ старой Россіи. Помню враговъ Самодержавія, а не русскаго общества. Не думаю, что это было только скрываніемъ мысли. Единство Россіи имѣло подъ собой достаточно реальныя экономическія, культурныя и политическія основанія. Настоящаго сепаратизма не было тогда ни въ Польшѣ, поскольку та боялась Германіи, ни въ Финляндіи, которая была въ слишкомъ привилегированномъ положеніи, чтобы претендовать на независимость, не говоря уже о сепаратизмѣ Арменіи и Грузіи, Прибалтики и тѣмъ болѣе Малороссіи. Даже націоналистская политика П. А. Столыпина, такъ некстати имъ введенная, хотя и оскорбляла національныя чувства меньшинствъ, притомъ тѣмъ больнѣе, что она появилась уже при конституціи, нашла поддержку Государственной Думы, и вызывала горькія чувства по отношенію уже къ русскому *обществу*, не сдѣлала эти меньшинства сепаратистами. Всѣ мы помнимъ, что начало войны сопровождалось патріотическимъ подъемомъ всѣхъ нашихъ окраинъ и что на ихъ настроеніе намъ жаловаться не приходилось. Вопросъ, почему взрывъ націоналистическаго шовинизма среди нашихъ меньшинствъ, дошедшій до требованія отдѣленія отъ Россіи, возникъ именно послѣ февральской рево-

люціи, т. е. какъ разъ тогда, когда, по мнѣнію нашихъ идеалистовъ, національныя меньшинства должны были гордиться своей связью съ Россіей, очень сложенъ. Но одно все же можно сказать. Принятіе максималистической формулы, постоянная боязнь либеральнаго общества оказаться хоть въ чемъ-нибудь солидарнымъ съ правительствомъ, вѣчное перетягиваніе струнъ въ обратную сторону, могло внушить инородческимъ шовинистамъ надежду, что либеральныя партіи ихъ претензіямъ не будутъ противиться, что они имъ уступятъ во всемъ. И потому забота о цѣлостности русскаго государства, нежеланіе дать разорвать отдѣльнымъ народностямъ послѣднія связи съ нимъ — показались для многихъ нарушеніемъ данныхъ имъ обѣщаній. Прежнія заявленія для такого толкованія дѣйствительно давали оружіе. Тогда произошло взаимное разочарованіе. Замѣчательныя рѣчи на эту тему Ф. И. Родичева, гдѣ онъ со всей силой искренняго и давнишняго убѣжденія увѣрялъ и себя и другихъ, что сепаратизмъ полностью исчезнетъ тогда, когда Россія покажетъ свое настоящее лицо, служатъ памятникомъ этой идеологіи. Она не могла получить большаго удара, чѣмъ тотъ, который она получила отъ политики, которую стали вести представители «національностей» уже противъ новой Россіи. Но за то и національные шовинисты, которые отрицали за разноплеменной Россіей право дорожить своей цѣлостью, въ своей собственной средѣ не признавали правъ за меньшинствами, а отъ Россіи требовали *согласія* на свое распаденіе, не были только неискренни, когда ссылались на наши прежнія, не всегда обдуманныя либеральныя заявленія.

Но эти претензіи отдѣльныхъ меньшинствъ не были бы для Россіи опасны, если бы они не находили той поддержки въ Европейскомъ общественномъ мнѣніи, которая обнаруживались въ роковые для насъ годы. Иногда это сочувствіе было корыстное и тогда возражать противъ него было нечего. Но иногда оно было и искреннимъ. Самыя чрезмѣрныя претензіи инородцевъ считались законными. И за это

близорукое и несправедливое отношеніе Европы къ Россіи доля отвѣтственности лежитъ на нашемъ либерализмѣ.

Европа плохо знала Россію. Представленія о ней, о ея политикѣ шли изъ двухъ противоположныхъ источниковъ. Одни изъ «оффиціальной» Россіи. Они вездѣ односторонни, а у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; оффиціальная Россія свободы мнѣній не допускала и ея представители не только были пристрастны «по должности», но пребывали и сами въ невѣдѣніи того, что въ ней происходитъ. Представительства европейцевъ въ Россіи рѣдко выходили изъ подъ оффиціальныхъ вліяній и у нихъ было мало источниковъ освѣдомленія. Другимъ источникомъ была русская революціонная «эмиграція»; онъ былъ не болѣе правдивъ и не менѣе одностороненъ. Подобно всѣмъ эмиграціямъ она вѣрила, что государственный строй Россіи держится только насиліемъ, что народъ безконечно выше режима, который ему силой навязанъ, что въ тюрьмахъ и ссылкахъ пребываютъ лучшіе элементы Россіи. Если оффиціальная версія увѣряла, что, кромѣ крамольниковъ, всѣ въ Россіи довольны, то эмиграція въ 80 годахъ утверждала, что старая Россія наканунѣ взрыва и краха. Мысль, что какъ бы правительство ни было плохо, страна его заслужила, отвергалась такъ-же рѣшительно, какъ и предположеніе, будто негодная власть могла быть нужной Россіи, что она все-же лучше анархіи.

Оба представленія о Россіи находили сторонниковъ среди лицъ соотвѣтствующаго образа мыслей. Они согласовались съ интересами тѣхъ, кто ихъ раздѣлялъ. Оффиціальная Россія находила въ Европѣ друзей, которымъ дружба съ ней была политически выгодна и которые видѣли въ ней осуществленіе *своихъ идеаловъ.* То-же и съ лагеремъ «эмиграціи». Ея разсказы о Россіи подтверждали идеологію европейскихъ революціонеровъ и могли служить имъ оружіемъ въ ихъ внутренней партійной политикѣ.

Потому, несмотря на моду, которая была на Россію, на восхищеніе ей наукой, искусствомъ, вкладомъ въ культуру

— о политическомъ строѣ Россіи, о томъ, что ей было нужно, Европа имѣла противоположныя, упрощенныя и потому невѣрныя представленія. Наконецъ многое для нея было слишкомъ чуждо и она самоувѣренно все объясняла по-своему. Достаточно посмотрѣть, что сейчасъ Европа говоритъ о Россіи, чтобы не удивляться прежнимъ «развѣсистымъ клюквамъ».

«Либеральное» движеніе могло лучше другихъ показать иностранцамъ настоящую Россію. Оно могло говорить съ Европой на понятномъ для нея языкѣ. Либерализмъ былъ на Европѣ воспитанъ; его идеаломъ была европейская цивилизація и порядки; онъ видѣлъ въ Россіи отсталую страну, которая должна была пройти тѣ-же этапы развитія, черезъ которыя проходила Европа. Такая точка зрѣнія была ближе къ европейскому пониманію, могла ему обезпечить сочувствіе тѣхъ, кто по разнымъ причинамъ, сантиментальнымъ или эгоистичнымъ, хотѣлъ видѣть Россію построенной на европейскихъ началахъ.

Въ эпоху «Освободительнаго Движенія», когда политическій вопросъ обострялся, русскій либерализмъ могъ быть откровеніемъ для тѣхъ, кто въ то время искренно интересовался Россіей. Это съ его стороны было бы исполненіемъ національнаго долга; онъ могъ научить Европу отдѣлять интересы Россіи отъ интересовъ правительства, если бы умѣлъ самъ признавать правильной линію правительства тамъ, гдѣ оно защищало не себя, а Россію. Такъ въ болѣе трудныхъ условіяхъ онъ поступаетъ теперь.

Но такая позиція не соотвѣтствовала идеологіи «Освободительнаго Движенія». Низверженіе Самодержавія стояло для него на первомъ планѣ; свою внутреннюю тактику оно переносило въ Европу. Оно старалось и здѣсь поддерживать убѣжденіе, что единственный врагъ Россіи есть его правительство; всякое слово въ пользу его казалось преступленіемъ передъ родной страной. Освободительное Движеніе не прошло школы, которую теперь прошла эмиграція, и могло

вѣрить въ искренность заступничества со стороны нашихъ «друзей». Оно не оскорблялось несправедливыми нападками на русскую власть, не понимало, что подъ ними скрывается презрѣніе къ странѣ, которая эту власть переноситъ. Оно ихъ объясняло горячимъ сочувствіемъ *намъ*. Освободительное Движеніе осталось на позиціи безусловнаго противоположенія власти и общества, на утвержденіи, что страна за свою власть, какъ за врага такъ-же неотвѣтственна, какъ сейчасъ русскіе бѣженцы не отвѣтственны за большевиковъ. Этому издавна учили революціонныя эмиграціи. Но теперь къ общему хору нападокъ на русскую власть молчаливо присоединилось *либеральное* «Освобожденіе». Напрасно мы стали бы искать въ немъ возраженій иностранцамъ, опиравшимся на нашу революціонную прессу. Этимъ оно солидаризировалось съ ней. Стоитъ посмотрѣть, какъ Освобожденіе безъ возраженій перепечатывало вздоръ, который въ европейской прессѣ писался по поводу 9-го января, чтобы видѣть, что въ либеральномъ пониманіи несправедливые удары по русскому правительству не задѣвали Россіи, а только выражали сочувствіе ей. Это одинъ примѣръ изъ многихъ другихъ. Русскій либерализмъ ради главнаго фронта жертвовалъ всѣмъ.

Результатомъ было фантастическое непониманіе Европой того, что происходило въ Россіи. Либеральные политики Франціи чуждое имъ Самодержавіе презирали, вѣря всему, что противъ него говорится. Но отказываться отъ него, какъ отъ союзника, они не желали. Они совмѣщали оффиціальную дружбу съ скрытымъ неуваженіемъ, какъ это теперь обнаруживаетъ французская мемуарная литература. Это отношеніе подобно тому, которое создалось сейчасъ съ большевиками. Въ такомъ отношеніи иностранцевъ къ старой Россіи русскій либерализмъ несетъ свою долю вины; а результаты этого мы на себѣ испытали.

Чѣмъ, какъ не непониманіемъ можно объяснить радость союзниковъ, когда они узнали про крушеніе монархіи въ

февралѣ 917 г.? Какъ ни осуждать старый режимъ, его паденіе *во время войны* было гибельно для ея успѣха. Но Европа и Франція были о немъ гораздо худшаго мнѣнія, чѣмъ были мы сами, и легкомысленно радовались, что «царизма» болѣе нѣтъ. Большевистская власть и ея звѣрства нашли позднѣе, если не прямую защиту, то попустительство, именно въ лѣвыхъ «свободолюбивыхъ» рядахъ; этотъ лагерь былъ убѣжденъ, что совѣтская власть не можетъ быть *хуже царизма.* Тѣ изъ насъ, которые противъ этого возражали, каково бы ни было ихъ прошлое, заносились въ ряды малодушныхъ, которые революціи испугались и либеральному знамени измѣнили. Передовой лагерь Европы былъ въ этомъ такъ убѣжденъ, что когда въ Политическомъ Совѣщаніи во время Версальской Конференціи мы выступили однимъ фронтомъ съ представителями стараго режима, это вызывало смущеніе и подозрѣніе. Либеральная Европа ради Россіи боялась призрака возвращенія къ старому.

Практическаго значенія это имѣть не могло. Европа не могла намъ помочь въ борьбѣ съ большевиками; истощенная и утомленная войной она была для этого слишкомъ слаба, если бы даже и захотѣла большевизмъ уничтожить. Если бы мы были для этого достаточно сильны, она была бы съ нами, гдѣ бы сочувствіе ея ни лежало. Политика опредѣляется интересами; со страной считаются въ лицѣ тѣхъ, кто ей управляетъ, а не тѣхъ, кто изъ нея убѣжалъ. Когда большевики укрѣпились, имъ все простили, какъ простили все Муссолини, простятъ и Гитлеру, если онъ побѣдитъ. Но даже въ то переходное время, когда большевики еще не принимались въ серьезъ, и вѣра въ насъ какъ представителей настоящей Россіи потеряна не была, то давнишнее заграничное представленіе о старой Россіи, которое мы сами о ней создавали, сочувствіе всѣмъ жертвамъ «царизма», готовность за нихъ противъ насъ заступаться, напоминаніе намъ нашихъ же словъ о прежнихъ порядкахъ, мѣшали намъ защищать ея справедливые интересы. Если результаты на-

шего доброжелательнаго отношенія къ Ахеронту намъ пришлось испытать очень скоро, уже послѣ 1905 года, то за нашу политику съ «національностями» намъ пришлось расплачиваться много позднѣе, уже послѣ Революціи, когда Россію стали рвать на куски.

Было бы ошибочно изъ этихъ словъ заключить, что я мечтаю о возстановленіи прежней Великой Россіи въ границахъ 1914 года. Можно жалѣть о томъ, что случилось безъ затаенной надежды на возвращеніе стараго. Не жалѣть этого стараго я не могу. *Было* время, когда отпадать отъ Россіи никто не *хотѣлъ,* ни Польша, ни Финляндія, ни прибалтійскія государства. Это показываетъ, что единство разноплеменной Россіи держалось не только на силѣ. Нельзя не жалѣть, что этими настроеніями мы не сумѣли для общаго, въ томъ числѣ и этихъ народностей, *блага* воспользоваться. Чѣмъ могла бы быть Россія при хорошемъ управленіи ею! Но разъ появились причины, которыя заставили ея народности пожелать и охранять свою независимость, съ этимъ надо мириться, какъ съ заслуженнымъ послѣдствіемъ нашей собственной неумѣлости. И если я жалѣю о томъ, что это случилось, то не скорблю, что *поправить* это теперь невозможно. Россіи ненужно увеличенія ея территоріи. Мы полезнѣе этимъ народностямъ, чѣмъ они смогутъ быть намъ. Только, если бы эти новыя государства сами по какимъ-либо новымъ причинамъ пожелали бы соединиться съ Россіей, вопросъ объ этомъ могъ быть поставленъ. Россію интересовать въ будущемъ будетъ одно — судьба въ новыхъ странахъ ея собственныхъ національныхъ меньшинствъ. Къ этому она, какъ и всѣ страны Европы, конечно, равнодушна не будетъ, когда будетъ имѣть для этого достаточно силъ.

Но развивать этого я сейчасъ не хочу. Я только вспоминаю о прошломъ. Исторія національнаго вопроса въ Россіи иллюстрація ошибокъ какъ власти, такъ и ея побѣдителей — либеральнаго общества. Какъ во всемъ *ихъ*

борьба между собой оказались причиной нашей политической катастрофы.

*

* *

У «Освободительнаго Движенія» въ самомъ разгарѣ его появился новый непредвидѣнный и сильный союзникъ. *Японцы* намъ объявили войну. Каждая война сугубою тяжестью ложится на власть, тѣмъ болѣе на нашу, которая была повинна и тѣмъ, что войну сама провоцировала своей неумѣлостью и тѣмъ, что готова къ ней не была. Эта война, грозившая намъ потерей вліянія на Дальнемъ Востокѣ, выгонявшая насъ изъ Тихаго Океана, была началомъ тѣхъ дальневосточныхъ потерь, которыя мы сейчасъ при большевикахъ наблюдаемъ. Сейчасъ наше либеральное общество къ этимъ потерямъ очень чувствительно. Тогда было другое. Японцы казались нашимъ союзникомъ противъ Самодержавія и на ихъ нападеніе либеральное общество отвѣтило почти сплошнымъ «пораженчествомъ».

Я не думалъ, что кто-нибудь помнившій это время, это бы настроеніе сталъ отрицать. Но я ошибся. Самыя представительныя фигуры тогдашняго либеральнаго лагеря съ этимъ рѣшительно несогласны. Пораженцами тогда были *не мы* — заявляли «Послѣднія Новости» въ 28 году. Въ январѣ 34 г. они же пишутъ: «П. Н. Милюковъ и его пресса съ самаго начала Японской Войны стали на «опредѣленно оборонительную точку зрѣнія». Наконецъ въ № 57 «Современныхъ Записокъ» уже самъ П. Милюковъ отрицаетъ пораженческое настроеніе русскаго либеральнаго общества въ 1905 г. и думаетъ, что я о другихъ судилъ только по *себѣ* самому.

Пораженческія настроенія отдѣльныхъ индивидуальностей, конечно, не имѣютъ значенія; я говорилъ объ общемъ настроеніи тогдашней либеральной общественности. И про-

должаю утверждать, что оно было тогда пораженческимъ и что самъ Милюковъ не представлялъ исключенія.

Конечно, надо согласиться въ словахъ; я не предполагаю, что *легальная* пресса этого времени могла открыто *радоваться* побѣдами японцевъ. Ясно, что во время войны этого не бываетъ; либеральная пресса, какъ теперь говорятъ «Послѣднія Новости», занимала, опредѣленно *оборонческую* точку зрѣнія и даже за наши неудачи изливала патріотическое негодованіе на правительство. Иначе быть не могло. Дѣло не въ томъ, что писалось въ *легальной* прессѣ этого времени, а въ позиціи, которую либеральное общество занимало, и которая опредѣляла его поведеніе, слова и даже молчаніе. Надо только не скрывать того, въ чемъ признаться не хочется.

Позднѣйшія событія либерализмъ отъ пораженчества излѣчили. Въ эпоху Великой Войны либеральная оппозиція не подумала использовать внѣшнія затрудненія для борьбы съ «ненавистною» властью. И сейчасъ въ эмиграціи внѣшнія униженія совѣтской России воспринимаются большинствомъ какъ несчастіе и только исключенія желаютъ побѣды надъ ней Японіи, Польши или Германіи. Даже предположеніе, что въ самой Россіи можетъ быть ея разгрома желаютъ, какъ единственнаго выхода изъ подъ совѣтскаго гнета, не превращаетъ перспективы русскаго пораженія въ радость отъ удара по власти совѣтовъ. Пораженческія настроенія стали настолько чужды либерализму, что онъ не только негодуетъ, когда ихъ видитъ въ другихъ, но сталъ отрицать ихъ и въ своемъ прошломъ. Но я не понимаю, зачѣмъ это дѣлать? Пораженческую страницу исторіи нашего либеральнаго общества нельзя ни уничтожить, ни скрыть. Правильнѣе стараться ее объяснить.

Пораженчество, какъ его ни осуждать, не исключительно русское настроеніе и не только опредѣленной эпохи. Въ разныхъ степеняхъ оно существовало издавна и всюду. Маленькій Герценъ (Былое и Думы) узнавъ, что бывшій у его

отца въ гостяхъ французскій эмигрантъ сражался въ русской арміи противъ Наполеона, не могъ скрыть удивленія: «Какъ Вы французъ и сражались противъ Франціи»? Эмигрантъ оказался достаточно находчивъ, чтобы похвалить мальчика за его «патріотическія» чувства. Послѣ ухода гостя отецъ, конечно, сдѣлалъ сыну разносъ: «Не говори о томъ, чего не понимаешь». Это былъ единственный правильный совѣтъ. Къ сожалѣнію, отецъ на немъ не удержался и объяснилъ, «что изъ любви къ Франціи этотъ господинъ сражался противъ узурпатора Наполеона». Въ этомъ объясненіи маленькій Герценъ, конечно, не могъ понять ничего. Пораженчество требуетъ сложной идеологіи, которая доступна не всѣмъ.

Французская эмиграція при Наполеонѣ довела свое пораженчество до *участія въ войнѣ противъ* своего же отечества. На это способны не всѣ. Но зато пассивное пораженчество, т.-е. простая радость неудачамъ своей же страны распространена больше. Она иногда бываетъ трагична. Въ 1904 году по Москвѣ ходила фраза, будто бы сказанная Б. Н. Чичеринымъ незадолго до смерти: «Ужасъ въ томъ, что мы *не смѣемъ* желать побѣды Россіи». Не знаю, была ли эта фраза дѣйствительно сказана; но Чичеринъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ то же о Крымской войнѣ. Это и есть пораженчество. Въ основѣ его лежитъ предпосылка: внѣшнія неудачи Россіи принесутъ ей меньше вреда, чѣмъ продолженіе режима, который въ ней существуетъ. Такъ ли это — простой вопросъ *факта*. Но за самое разсужденіе никто не имѣетъ права другихъ осуждать; всѣ иногда *такъ* разсуждали. Тѣ, кто сейчасъ при большевизмѣ клеймятъ пораженчество, были пораженцами въ 905 г.; тѣ, которые громили его въ 905 г., стали пораженцами при большевикахъ. И для объясненія нашего *прошлаго* пораженчества во время Японской войны не лишено интереса и то, что если Японская война не была предотвращена, то потому между прочимъ, что ея хотѣлъ Плеве по соображеніямъ внутренней

политики, для торжества надъ «освободительнымъ движеніемъ». Если временщикъ той эпохи видѣлъ въ войнѣ средство спасти заколебавшійся подъ общимъ напоромъ режимъ, то въ этомъ лежитъ оправданіе тѣмъ, кто по *той же причинѣ* не хотѣлъ успѣха этому средству. И наконецъ является смягчающимъ вину обстоятельствомъ, что интересовъ Россіи въ Японской войнѣ наше политически недостаточно развитое общество не понимало и видѣло въ нихъ интересы совсѣмъ не Россіи, а только режима и его паразитовъ.

Но какія оправданія ни находить пораженчеству, оно тогда было фактомъ. Конечно, были отдѣльныя лица и среди либеральнаго лагеря, которыя искренно желали побѣды Россіи; но общее настроеніе, которое вліяетъ и на отдѣльныхъ людей, было обратно. Пусть демонстративная радость отъ японскихъ побѣдъ публично не выражалась; хотя были слухи и объ этомъ, напримѣръ о телеграммѣ студентовъ Микадо и что характерно — либеральное общественное мнѣніе за эту фантастическую телеграмму не негодовало, какъ за *измѣну* Россіи. Но зато либеральное общество опредѣленно враждебно относилось къ патріотическимъ выступленіямъ этого времени и находило, что нужно отъ нихъ прежде всего «отмежеваться». Къ военнымъ пораженіямъ оно относилось такъ, какъ будто ихъ терпѣло только *правительство*. Если вспомнить настроеніе начала Великой Войны, не только въ публичномъ засѣданіи Думы 26 іюля, но и во всѣхъ лѣвыхъ общественныхъ организаціяхъ, то становится непонятнымъ, какъ можно при сравненіи съ этимъ наше *старое* пораженчество отрицать. Послѣ гибели А. М. Колюбакина въ началѣ войны я написалъ въ память его нѣсколько словъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Въ нихъ я спеціально подчеркивалъ разницу между пораженческимъ настроеніемъ общества во время японской войны и тогдашнимъ. «Русскія Вѣдомости» безъ всякихъ оговорокъ напечатали эту замѣтку и ни отъ кого я тогда упрека не встрѣтилъ. Напротивъ; мно-

гіе меня именно *за это* одобрили. И потому теперь черезъ 30 лѣтъ можно правду, хотя и печальную, не отрицать.

У насъ впрочемъ есть источникъ болѣе объективный, чѣмъ личныя воспоминанія. Это заграничный органъ «Освобожденіе». И онъ вскрываетъ всю правду.

Въ первомъ «Листкѣ Освобожденія» (24 февраля 904 г.) появилась статья — «письмо къ студентамъ» за подписью Струве. Авторъ, не покидая борьбы съ Самодержавіемъ, еще не рекомендуя во имя войны забыть внутреннія распри и идти на помощь правительству, т.-е. не предлагая позиціи, которую русскій либерализмъ открыто занялъ въ 914 г., все же рѣшился высказать мнѣніе, что патріотическое воодушевленіе страны, вызванное войной съ внѣшнимъ врагомъ, совмѣстимо и съ либерализмомъ и даже съ борьбой противъ Самодержавія. Не бойтесь быть патріотами, говорилъ Струве; не смущайтесь тѣмъ, что интересы Россіи отстаиваются ненавистной для всѣхъ насъ властью; не расходитесь съ народомъ въ его патріотическомъ воодушевленіи; не предавайте арміи, русскихъ солдатъ, которые вызваны силой вещей проливать кровь и гибнуть. И Струве рекомендуетъ въ качествѣ лозунговъ военнаго времени кричать: «да здравствуетъ Россія! Да здравствуетъ армія! Да здравствуетъ свободная Россія»!

Это письмо, конечно, показываетъ, что самъ Струве пораженцемъ не былъ; но потому онъ и былъ исключеніемъ. Характеренъ откликъ, который вызвало это его выступленіе. Его выразителемъ былъ какъ разъ П. Н. Милюковъ. Въ письмѣ къ Редактору (7 марта 904 г.), онъ высказалъ *недоумѣніе* передъ совѣтами Струве. Въ Освобожденіи былъ оглашенъ характерный случай. На московскомъ земскомъ собраніи при чтеніи «патріотическаго адреса» находившійся въ публикѣ студентъ остался сидѣть. Профессоръ Московскаго Университета Зографъ усмотрѣлъ въ этомъ враждебную демонстрацію и набросился на него съ упреками, крича: «вы русскій или не русскій»! Этотъ банальный

примѣръ шовинистической нетерпимости далъ поводъ П. Н. Милюкову развить свою аргументацію. «Пока Зографы, т.-е. патріоты въ кавычкахъ, объясняетъ онъ, кричатъ: «да здравствуетъ Россія и да здравствуетъ армія, *мы* — кричать этого не можемъ. Мы рѣшительно не хотимъ, чтобы *здравствовала* та Россія, въ которой Зографы «тащутъ и не пущаютъ». *Мы ничего не имѣемъ противъ арміи,**) но пока она будетъ «кулацкимъ символомъ русскаго нахальства и безотвѣтственной жертвой Зографовъ русской внѣшней политики, мы не станемъ кричать, «да здравствуетъ русская армія».» И какъ выводъ С. С., т.-е. П. Н. Милюковъ совѣтуетъ и во время войны повторять *испытанный* лозунгъ — «долой самодержавіе».

Всѣ элементы пораженчества находятся въ этой статьѣ. Въ моментъ серьезной войны съ внѣшнимъ врагомъ, когда на карту были поставлены національные интересы Россіи и когда за нихъ на фронтѣ проливали не чернила, а кровь, когда для успѣха войны патріотическій подъемъ страны былъ необходимъ, въ этотъ моментъ руководители либеральной общественности *порицали* возгласы въ честь *арміи* и даже *Россіи*, а рекомендовали кричать *только* «Долой самодержавіе»! Это позиція, которую въ 916 и 917 г.г. изъ тѣхъ же побужденій и тоже для пользы Россіи рекомендовали тѣ, которые въ тылу войны стремились создать «широкое политическое движеніе» и упрекали кадетъ прогрессивнаго блока за то, что они отъ правительства не «отмежевываются», и даютъ поводъ себя съ нимъ смѣшать.

Такъ въ 1904 году на страницахъ Освобожденія столкнулись два противоположныхъ направленія одного и того же либеральнаго лагеря оборонческое и пораженческое. И надо признать, что *формальная логика* была на сторонѣ П. Н. Милюкова, не Струве. Самъ Струве не рѣшился договорить свою мысль до конца и во имя войны съ японцами рекомен-

---

*) Курсивъ мой.

довать прекращеніе войны съ Самодержавіемъ. Онъ писалъ въ томъ же номерѣ, что «Плеве для Россіи опаснѣй, чѣмъ японцы». Если принять это утвержденіе не за полемическое преувеличеніе, а за справедливую оцѣнку момента, т.-е. если продолжать считать войну съ Самодержавіемъ *главнымъ* фронтомъ, побѣда на которомъ важнѣе побѣды на второстепенныхъ фронтахъ, то равнодушіе къ временнымъ неудачамъ на второстепенномъ, Японскомъ фронтѣ было послѣдовательно. Потому самъ Струве могъ противопоставить логикѣ Милюкова только ссылку на «потребность національной солидарности», на свое «настроеніе», на «инстинктъ». И въ этомъ вопросѣ *общество* пошло за П. Н. Милюковымъ, а не за Струве. Въ № 43 Струве призналъ, что его письмо къ студентамъ вызвало «рѣзкія возраженія», а въ № 45, послѣ новаго письма Милюкова онъ заявилъ, что «съ точки зрѣнія холоднаго политическаго расчета его позицію нельзя оправдать», и только ссылался, что «санкція разсчета не представляется ему въ политикѣ ни достаточной, ни верховной и, что онъ искалъ опоры для политическаго расчета въ *моральномъ* чувствѣ». Такъ Струве принужденъ былъ капитулировать передъ общественнымъ настроеніемъ. Я помню это настроеніе и потому капитуляціи не удивляюсь. Въ томъ то и дѣло, что передовая Россія, что бы ни говорили сейчасъ, была почти *сплошь пораженческой*, и Струве съ этимъ приходилось считаться.

А между тѣмъ къ первоначальному заявленію Струве можно было бы примѣнить слова Талейрана: «méfiez-vous du premier mouvement, c'est le bon». Вопросъ былъ глубже, чѣмъ онъ казался для тѣхъ, кто свою стычку съ Самодержавной властью считалъ главнымъ фронтомъ этого времени. Какъ и во всѣхъ подобныхъ же случаяхъ, слѣдовало думать не объ этой стычкѣ или вѣрнѣе не только о ней. Слѣдовало подумать, если и не о вѣчныхъ интересахъ Россіи, то о задачахъ той власти, которой придется стать на мѣсто Са-

модержавія и вѣдать дѣло Россіи. Пораженческія настроенія *такой народной власти создать не могли.*

Пораженческія настроенія могутъ быть объяснимы. Отъ пораженія дурного правительства страна иногда можетъ и выиграть. Крымская неудача привела къ эпохѣ великихъ реформъ, какъ японская къ конституціи 905 г. Б. Н. Чичеринъ писалъ, что несчастныя войны вообще, а въ Россіи особенно часто приводятъ къ *благу* побѣжденную страну. Судьба правительства и судьба страны не всегда тѣсно связаны; это можетъ быть правильно. Но это можетъ быть только при непремѣнномъ условіи, что въ военныхъ несчастьяхъ обнаруживалась бы негодность только правительства, а не самой страны, не народа, не культурнаго общества. Крымская война, которая считается образцомъ счастливой для побѣжденныхъ войны, показала негодность старой административной машины Россіи, но зато обнаружила и тотъ высокій народный духъ, о которомъ свидѣтельствовали Севастопольскіе разсказы Толстого. Народъ, который равнодушно и даже радостно принималъ бы пораженія отъ внѣшняго врага, не хотѣлъ бы изъ политическихъ соображеній противъ него защищаться, былъ бы деспотизма достоинъ; деспотизмъ былъ бы нуженъ и полезенъ ему, чтобы его отъ самого себя охранить.

Если пораженіе, полученное отъ Японіи, привело къ благу Россіи, то потому, что пораженцемъ былъ не народъ, а только большинство интеллигентскаго русскаго общества. За то оно въ своемъ пораженчествѣ шло очень далеко. У меня въ памяти застряло воспоминаніе. Я былъ у М. Горькаго въ день начала войны съ Японіей. Я сообщилъ ему вѣсть о ночномъ нападеніи на наши суда. Онъ пришелъ въ буйный восторгъ: война! Онъ радовался этой войнѣ, не потому, что ожидалъ нашей побѣды; напротивъ, онъ не сомнѣвался, что это начало Революціи, полной анархіи въ государствѣ. «Вы увидите, говорилъ онъ: «будутъ взрывать фабрики, желѣзныя дороги, жечь лѣса и помѣщиковъ

и т. д.» Такъ смотрѣлъ на предстоящій намъ военный разгромъ одинъ изъ тогдашнихъ властителей думъ нашей радикальной общественности. За то настоящій народъ смотрѣлъ совершенно иначе. Онъ войны не понималъ и, конечно, ея не хотѣлъ; но и нашимъ неудачамъ не радовался; онъ не видѣлъ въ нихъ пораженія только правительства. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ нашихъ побѣдъ и наши политическіе вожди опасались, что побѣды могутъ его развратить, примирить съ нашей властью. Я помню свои встрѣчи съ крестьянами и откровенные разговоры съ ними; они не понимали, зачѣмъ мы воюемъ за «арендованную землю»; но за то хорошо чувствовали, что «нашихъ бьютъ», оскорблялись и огорчались нашимъ неудачамъ; злорадствующихъ словъ при нихъ никто произнести не рѣшился бы. Они не оправдали предсказанія Горькаго; не начали жечь фабрикъ и взрывать желѣзныя дороги. Это здоровое народное настроеніе и могло привести къ тому, что военныя неудачи 904 года заставили провалившуюся власть уступить, т.-е. заставили ее повѣрить народу, его благоразумію и патріотизму. Либерализмъ пожалъ свою жатву на *чужомъ* настроеніи.

Вотъ почему здравая тактика, даже продиктованная тѣмъ холоднымъ расчетомъ, отъ котораго по малодушію Струве отрекся, должна была бы побудить русскую общественность не терять въ эти минуты своей солидарности съ народными чувствами. Я говорю только объ нашей излюбленной «тактикѣ». Ибо, если бы въ это время передовая общественность и по существу была настроена иначе и свой главный фронтъ видѣла бы не *противъ* Самодержавія, а *за* Россію, то всѣ событія послѣ 905 г. пошли бы иначе. Поведеніе либеральнаго общества въ этотъ рѣшающій годъ оказалось бы инымъ и принесло бы иныя послѣдствія.

Такъ «Освободительное Движеніе» закончило деформацію русскаго либерализма. Бисмаркъ говаривалъ, что ничто такъ не развращаетъ политическихъ партій, какъ долговременное нахожденіе въ оппозиціи. Вѣдь въ конституціон-

ныхъ странахъ даже краткое пребываніе во власти многому учитъ; а возможность къ ней снова вернуться удерживаетъ оппозицію отъ слишкомъ односторонней критики и слишкомъ легкомысленныхъ обѣщаній. Это кладетъ на партіи отпечатокъ серьезности. Въ Россіи либеральное теченіе казалось обреченнымъ быть вѣчною и безнадежною оппозиціей. Либерализмъ сталъ по существу оппозиціонною категоріей. Либеральная власть съ либеральной программой казалась въ Россіи «contradictio in adjecto». Даже въ эпоху либеральныхъ реформъ, какъ въ шестидесятые годы, либералы не переставали вызывать подозрѣніе власти. Въ нашей исторіи они проскакивали временнымъ метеоромъ и часто въ замаскированномъ видѣ.

Это издавна развращало идеологію либеральной общественности; отчуждало ее отъ власти, заставляло въ ней видѣть природнаго врага и, какъ послѣдствіе этого, пріучало къ систематическому осужденію всѣхъ начинаній исходившихъ отъ власти, къ предъявленію къ ней требованій завѣдомо неисполнимыхъ. Русскій либерализмъ давно этимъ страдалъ, какъ профессіональной болѣзнью. Но «Освободительное движеніе» всѣ эти свойства либерализма усилило и обострило. Борьба, направленная на сверженіе Самодержавія *какой угодно цѣной* въ союзѣ *съ какими угодно союзниками* — оказалась такой развращающей школой, что либерализмъ вышелъ изъ нея неузнаваемымъ. Либеральные дѣятели прежняго типа, которые еще вѣрили въ разумность и добросовѣстность исторической власти, готовы были сотрудничать съ нею для совмѣстнаго проведенія либеральныхъ реформъ, стали исчезать съ политической сцены. Одни отходили отъ всякой политики или боясь Ахеронта уходили въ охранительный лагерь; другіе по необходимости усваивали *новую* идеологію освобожденцевъ. Прежняго, знакомаго типа либеральнаго дѣятеля, которые бывали у власти, больше не оставалось. Освободительное теченіе ихъ уничтожило и похоронило.

Это имѣло роковыя послѣдствія для результатовъ побѣды надъ Самодержавіемъ. Среди передового русскаго общества было много честныхъ и хорошихъ людей; было много знаній, талантовъ, энергіи и безкорыстія. Но въ немъ не было ни умѣнья поддержать власть на хорошемъ пути, ни способности самому управлять государствомъ. Этого не могли дѣлать партіи, которыя заключили союзъ съ Ахеронтомъ и уступали во всемъ антигосударственнымъ силамъ; партіи, для которыхъ всякое соглашеніе съ властью казалось измѣной. Для либераловъ, воспитанныхъ Освободительнымъ Движеніемъ, создалось безвыходное положеніе. Они не могли стать правительствомъ при Монархіи; этого не позволяло ихъ отношеніе къ Ахеронту. А когда, какъ въ 1917 году ихъ привелъ къ власти самъ Ахеронтъ, онъ ихъ тотчасъ и смелъ. Такъ Освободительное Движеніе обрекло на *безсиліе* будущихъ побѣдителей Самодержавія; они могли привести къ Революціи, но либеральной власти создать не могли.

И что хуже, они этого не понимали; не понимали, насколько имъ *самимъ* нужно соглашеніе *съ властью* для защиты себя отъ своихъ новыхъ друзей и союзниковъ. Они не понимали, что та максимальная программа, съ которой они свергали Самодержавіе, не можетъ въ случаѣ побѣды стать программой правительства. Они еще не научились тому, что даже партійное правительство принуждено къ компромиссу съ побѣжденнымъ имъ меньшинствомъ, что программа партійнаго *правительства* не должна быть непремѣнно программою *партіи*. Опытъ научилъ этому на Западѣ. А у насъ еще наивно считали, что выборы по 4-хвосткѣ выражаютъ всегда настоящую волю народа, и что всякая партія, пришедшая къ власти, должна считать *свою* программу для себя обязательной. Компромиссъ — основа конституціонной жизни на Западѣ — намъ казался измѣной.

Такъ Освободительное движеніе сыграло въ нашей исторіи двойственную роль. То, что оно сломило Самодержавіе,

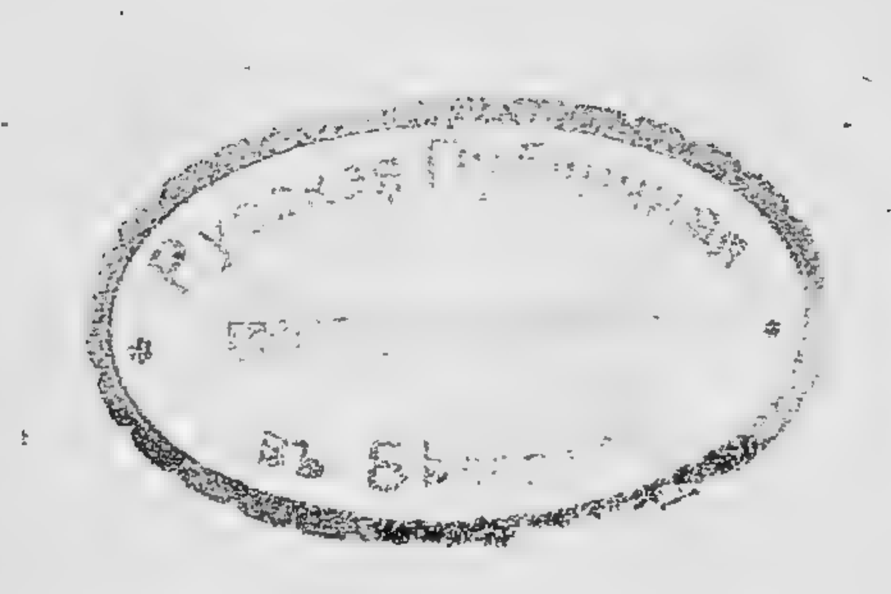
которое само гибло и въ своей гибели могло унести съ собою Россію, — историческая заслуга его и его вожаковъ. Стоитъ представить себѣ, что бы было, если бы Самодержавіе существовало во время Великой Войны! Освободительное движеніе было счастливой страницей нашей исторіи и дало Россіи шансъ къ ея возрожденію. Но оно въ то-же самое время было болѣзненнымъ процессомъ, какимъ бываетъ затяжная война. Послѣдствія такой войны даже для побѣдителей изживаются очень не скоро. Для Россіи было бы гораздо полезнѣе, если бы ея развитіе шло медленно по мирнымъ путямъ шестидесятыхъ годовъ, т.-е. иниціативою исторической власти, пока Самодержавіе безъ скачковъ и потрясеній «самотекомъ» не превратилось бы въ конституціонную монархію. Это былъ бы болѣе длинный и болѣе сѣрый процессъ, безъ яркихъ красокъ и драматическихъ эпизодовъ; это былъ бы одинъ изъ тѣхъ скучныхъ періодовъ, которыхъ не любитъ исторія. Война всегда кажется интереснѣе и остается въ памяти дольше, чѣмъ событія мирнаго времени, какъ болѣзнь замѣтнѣй, чѣмъ прозаическое здоровье. Безъ «Освободительнаго Движенія» не было бы популярныхъ любимцевъ и тѣхъ военныхъ легендъ, которыя выдаются за правду. Герои мирнаго времени совершенно другіе; для поверхностныхъ взглядовъ толпы незамѣтные. Въ военное время легче блистать и составлять себѣ громкое имя, иногда безъ всякаго права на это.

Россія въ началѣ XX вѣка пошла этой эффектной, но полной соблазновъ дорогой. Въ исторіи надо искать причинъ, а не виноватыхъ. Причиной этого злополучнаго уклона нашей новѣйшей исторіи было Самодержавіе. У него все было въ рукахъ, чтобы обойтись безъ войны. Примиреніе власти и общества, возвращеніе Самодержавія на героическій путь великихъ реформъ — зависѣло тогда отъ него. Послѣдній несчастный нашъ Самодержецъ этого не захотѣлъ и *самъ началъ войну* со страной.

Онъ былъ побѣжденъ, но тогда, когда все было въ ру-

кахъ его побѣдителей, они уже не сумѣли этой побѣдой воспользоваться. Долгая война ихъ развратила и они не смогли заключить разумнаго мира.

Такъ самые послѣдніе годы Монархіи стали поучительны и драматичны; они напоминаютъ двухъ непримиримыхъ враговъ, которые схватились на краю обрыва, въ который и свалятся вмѣстѣ. Но до 1905 г. Россія была полна оптимизма. Самодержавіе проигрывало тогда неправое и безнадежное дѣло. Какъ у всѣхъ обреченныхъ режимовъ, все оборачивалось *противъ* него. Его губили не только враги, не только безразсудные льстецы и поклонники, которые больше всѣхъ въ гибели его виноваты. Его помимо воли губили и тѣ разумные люди, которые указывали ему вѣрные пути для спасенія. Ибо если такіе совѣты отвергнуты или не доведены до конца, то они наносятъ режиму послѣдній ударъ. И людей, которые не могли спасти режима потому, что ихъ не послушали, обвиняютъ тогда въ томъ, что они его погубили. Все это мы увидѣли въ послѣдніе годы Самодержавія.

Javit Gosp. [illegible] da sam od danas
14 oktobra u sanatoriju primariusa dr.
Gottlieba. ~~[illegible]~~
~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ administracija [illegible]
ista ni ne [illegible] plaće sad
na dan ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ [illegible] a pri
no [illegible] od fonda [illegible] [illegible]
Uslovi [illegible] [illegible] [illegible] dok.
[illegible] će biti za [illegible] [illegible]
Jane Adresa: Zagreb Srebrnjak
100; Sanatorij dr. [illegible]

